

Чалова Елена

Замок на холме

Вместо вступления

О чем вы подумаете, если услышите слова "Город-государство"? Наверное, о Ватикане. Это такое маленькое государство, расположенное аккурат посреди славного и древнего города Рима. Там свои законы, своя власть, армия... валюты только отдельной нет, кажется. Хотя сейчас это не так заметно, ведь практически вся Европа в еврозоне.

Человек образованный (или родитель, проверивший как его чадо выучило заданный параграф по истории), может стать, извлечет из памяти приснопамятные города-государства эллинов. Каждый такой полис – Афины, Коринф – был мощным самостоятельным образованием, и города эти существенно продвинули вперед развитие цивилизации.

Но то было давным- давно и кануло в тяжкие воды Леты. Однако сам феномен города-государства можно найти и в наши дни, и не только в Риме. Взгляните на Юго-Западный район Москвы. Что там расположено на холмах? Огромный комплекс зданий, не потерявших своего величия даже после постройки Триумф-Паласа, Башни Федерации и прочих новоделов, отражающих эрегированное самомнение московских властей. Правильно, это главный вуз страны.

Университет обладает всем, что положено иметь уважающему себя городу-государству. Он занимает чертовски выгодное стратегическое положение на холмах, которые раскинулись по-над столичным городом. Управляется он ареопагом во главе с человеком, который правит так давно, что вполне может называться Старейший, Мудрейший или просто Царь. Как и положено царю, мыслит он стратегически, смотрит вдаль и заботится о своих подданных в основном виртуально. Помните, как у Леонида Филатова: "Утром мажу бутерброд, сразу мысль – а как народ? И икра не лезет в горло, и компот не льется в рот."

Его визири и советники правят государством, полагаясь на собственные представления о правильности и разумности распределения финансовых потоков, тщательно следя, чтобы потоки эти не промахнулись мимо их карманов. Армия администраторов

поддерживает дисциплину железной рукой. Есть также полиция в лице какого-то ЧОПа.

Город-государство живет по собственным законам, практически игнорируя деятельность городских властей и мнение международной общественности. В его многочисленных старых и новых, отремонтированных и откровенно запущенных зданиях живут и работают тысячи людей. Если смотреть на них с точки зрения жителей внешнего города, что шумит и кипит за стенами полиса-университета, то это уважаемые люди, причастные тайн науки. Часть из них – преподаватели, часть студенты, и все они, несомненно – элита, ибо даже абрис главного здания нашего города-государства является символом элитного высшего образования в стране. Но многие из этих тысяч трудящихся и учащихся знают, что они не лучшие рабов, чей труд безжалостно эксплуатируется. А жалкие подачки, называемые зарплатами и стипендиями, совершенно недостаточны для достойной жизни. Да что там достойной - на среднюю ставку преподавателя прожить нельзя. Но люди не разбегаются, более того, они упорно цепляются за свои места. Впрочем, порой отдельные отчаявшиеся личности, возжаждавшие достойного обращения и адекватного материального вознаграждения за свои труды, вырываются за стены Университета. Чаще всего их способности действительно получают должную оценку, и люди эти достигают многого, но остается на задворках сознания некое щемящее чувство...

Чем же объясняется лояльность и преданность населения Университета своему полису? На местном жаргоне сей феномен называется "работать за шпиль". Такая работа включает в себя многое. Если вы преподаватель, то при нищенской зарплате вы будете зарабатывать репетиторством, назначая цену за урок чуть больше, чем остальные, с прелестным высокомерием замечая "Ну, все же вы получаете в репетиторы преподавателя Университета". Но в основном, вы не поверите, люди работают за идею. За науку. За свет, который ты видишь в глазах студентов, когда утром они собираются в аудиториях, чтобы узнать и открыть для себя что-то новое. Бывает, что зимой нещадно дует из окон и тогда, подобно каким-нибудь дореволюционным разночинцам, студенты надевают куртки, перчатки, греют ладони о термокружки или пластиковые стаканчики с кофе, и все равно идут, летят к своей цели. Есть факультеты, где цель эта – деньги и власть. Впрочем, в зданиях таких факультетов не дует из окон. Там новая мебель и холлы отделаны ценными породами дерева (распил денег есть

распил, и неважно, что ты строишь – кольцевую дорогу или учебный корпус университета).

Бог с ними, речь не о них. Есть другие места и другие люди, те, для кого понедельник начинается в субботу, кто покупает пособия для студентов и реагенты для опытов на свои деньги, потому что ведь у администрации не допросишься и не дождешься. И дети туда приходят учиться другие - не сильно замороченные, какой фирмы носить джинсы и сколько стоит остальной прикид. Там важно и достойно, если ты ездил в экспедицию на Белое море и не ныл, когда не успели подвезти продукты. Если ты опять едешь на Кавказ, в горы, потому что надо завершить исследование, которому отдано пять лет, и черт с ним, с вооруженным конфликтом. Если преподаватель в конце практикума смотрит внимательно и говорит: "Спасибо, коллега, это было очень интересно".

Здесь, в этих старых стенах, обитых деревянными панелями, под светом бронзовых светильников, в корпусах времен сталинского ампира, живет и развивается наука, зачастую не благодаря – а вопреки администрации, Мудрейшему и его присным.

Как и положено всякому государству с историей, здесь есть свой фольклор: мифы, легенды и сказки. А знаете, сколько диссертаций было написано на тему "Исторические основы мифов", "Правда и вымысел в городских легендах", " Фольклор как зеркало исторического процесса"? Много было написано, и защиты прошли "на ура". Так что помните: нет ничего абсолютно сказочного, есть смесь вымысла и правды, а истина всегда где-то рядом, но еще никому не удалось поймать ее за хвост.

Как и положено всякому государству с историей, здесь есть свой фольклор: мифы, легенды и сказки. А знаете, сколько диссертаций было написано на тему "Исторические основы мифов", "Правда и вымысел в городских легендах", " Фольклор как зеркало исторического процесса"? Много было написано, и защиты прошли "на ура". Так что помните: нет ничего абсолютно сказочного, есть смесь вымысла и правды, а истина всегда где-то рядом, но еще никому не удалось поймать ее за хвост.

Город-государство Университет раскинулся на холмах по-над Москвой. Он прекрасен, и если смотреть со стороны реки, то его главное здание похоже на величественный замок. За его верхушку цепляются тучи, а в хорошую погоду солнце золотит стрелки часов на башнях...

Часть 1

Лешка пнул ногой заботливо собранную дворниками кучку осенней листвы и с удовольствием зашуршал кроссовками по ломким желтым и коричневым листьям. В аллее пахло осенью: дымный и горьковатый запах палой листвы щекотал ноздри. Низкое солнце заставляло щурить глаза, прохладный воздух наполнял легкие свежестью, и хотелось идти и идти, смотреть вокруг, шуршать листьями... Учиться только не хотелось.

Лешка вздохнул. Вован с ребятами наверняка уже мяч гоняют по спортплощадке во дворе. Хотя долго им поиграть не дадут: придут старшие пацаны и выгонят пяти-шестиклассников. Ну, тогда можно посидеть на карусельках-качельках, побазарить. Рустем притащит новый iPad и будет хвастаться. Мишка, пошмыгивая веснушчатым носом и ероша соломенные вихры, в сто двадцать пятый раз расскажет, что вот поедут они летом в Америку к родственникам, ему там еще и не такое купят, там вообще все стоит три копейки...

Лешка уже поравнялся с главным зданием Университета и привычным взглядом окинул возвышающееся справа высотное великолепие. Он давно привык к величественному контуру Главного Здания: в детстве ходил в клуб на елки, потом летом и зимой уезжал отсюда же в лагерь, теперь вот таскается два раза в неделю на занятия в Школу юного биолога. Короче говоря, Университет и окружающий его парк были для Лешки местом обетованным и он совершенно не понимал того восторга с которым родители – особенно, конечно, мама – до сих пор взирают на высотку.

Лешка нашел взглядом фрагмент перехода, где красно-кирпичная стена соединяет два серых корпуса. Переход имеет внизу арки-проходы, а на кирпичной кладке выделяются красивые бело-синие элементы декора, целое панно, включающее в себя несколько окон. Здесь и рельефные бордюры, и витые колонки, и гирлянды, и человеческие фигуры. Не все знают, что облицовка делалась не из камня, а из специально разработанной белоглиняной керамики. Как-то мама сфотографировала эту часть стены и показывала знакомым с вопросом: где это? Фрагмент какого здания вы видите? Ответы варьировались от Нотр-Дама и замка Луары, до Сарагосы и Вестминстерского аббатства, но никто не угадал правильно.

Мальчик перевел взгляд на часы. Времени до начала занятий еще навалом. Он свернул с дорожки, миновал темные ели и подошел к фонтану. Сложное трехуровневое сооружение в стиле советского барокко получилось

тяжелым и помпезным. Воды тут отродясь не водилось, но зато место таило некое совершенно неоправданное очарование древности. Лешка достал из сумки бутерброд и бутылку с водой. Сунул провизию в карман, сумку бросил на землю и полез на чашу. Наступил на голову льва и, легко подтянувшись, уселся на край первой чаши. Взрослый задумался бы: почему в любую погоду камень теплый? Но где вы видели взрослого, который залезет на фонтан, будет есть бутерброды, болтать ногами и бросать крошки птицам? Мальчик воспринимал аномалию как данность. Место такое – теплое и хорошее. И видно отсюда все и вся. Идут по дорожкам студенты, препода и еще какие-то люди. Ветер гоняет золотые шуршащие листья, среди них, охотясь за крошками бутерброда, шныряют птицы и мелкое зверье: белки, мыши, землеройки. Хорошо бы Джек пришел, думал Лешка. Он засвистел тихонько, и вскоре среди листьев протащился длинный хвост, и у подножия чаши показалась кожистая голова ящера. Увидев Джека первый раз, Лешка с восторгом рассказал о нем родителям, которые лишь пожали плечами: либо пацан выдумывает, либо у кого-то сбежал экзотический питомец, но ведь ясно, что зиму он не переживет, потому что экзотические ящерицы в нашем климате, да еще в городе, не зимуют... Лешка пытался поймать тваренка, чтобы взять его домой и спасти от холода, но не смог. Расстраивался долго. А весной Джек был тут как тут, даже подрос. Лешка решил, что он перезимовал в теплых подвалах, потому, что двигался Джек очень шустро и явно хорошо знал местность - шмыгал через решетки воздухозаборников, являющихся декоративными элементами фонтанов. Мальчишка перебрал кучу книг и справочников, пытаясь определить, к какому виду относится данный страшенький экземпляр, но так и не нашел ничего похожего. Тогда он решил, что перед ним сбежавший результат каких-нибудь экспериментов на биологическом факультете, окрестил ящера Джеком и перестал об этом думать. Серо-бурый тваренок величиной был с крупную крысу, горбатый, и весь какой-то бугорчатый, с кривыми лапами и длинным хвостом. Глаза оказались неожиданно ярко-желтыми, а выражение морды напоминало усмешку. Лешка не мог не понимать, что это лишь шутка природы, но он привязался к тварику и всегда рад был его видеть. Они встречались подле этого фонтана уже второй год, но Джек ни разу не подпустил мальчика вплотную и не дался в руки. Однако он с удовольствием ел бутерброды, сидел и внимательно слушал Лешкины рассказы, тараща желтые глаза и усмехаясь. Вот и сегодня: Джек слопал сыр и хлеб, но уходить не спешил. Лешка пожаловался ему на Рустема. Тот допекал его, мол, у меня iPad есть, а у тебя нет... Стоит девайс дорого и, в принципе, родители правы – это всего лишь модная игрушка. Прикольная такая игрушка, что и говорить, но отец

заявил, что деньги не растут на деревьях и все эти прибабасы в жизни не главное. Алексей уже достаточно взрослый, чтобы понять, что это так, и значение имеет нечто большее, но... Но iPad все равно хочется. Однако в школе приходится делать вид, что "не больно-то и хотелось", и в какой-то момент Лешке, видимо, удалось правильно воспроизвести недоумевающе-презрительную интонацию отца, когда тот прошелся по поводу наличия кое-у кого большого количества техники, при отсутствии мозгов и совести, которые никакая техника все равно не заменит. Рустем набылся было, но Лешка все рассчитал правильно: училка мелькала в дверях класса, а рядом пытел крупногабаритный Вован, и Рустем не осмелился полезть в драку. Вовка ценил Лешку как источник знаний, которые всегда можно списать, чтобы самому лишний раз не напрягаться; и получилась у них не то, чтобы дружба, но взаимовыгодное сотрудничество.

Через несколько дней Егор, второй после Рустема выпендренник и двоечник, пришел в школу гордый как петух. Урок сидел молча, даже не безобразничал. Но на первой же перемене не выдержал и начал хвастаться: расстегнул рубашку и показал массивный золотой образок с изображением Святого Георгия. Сказал, что образок привезли с Афона, а освящал сам Патриарх. Девчонка заахали, впечатленные в основном количеством золота и тонкостью работы. Пацаны кивали: Патриарх- это ж солидно. Лешка пожал плечами: он религией особо не интересовался. И вдруг Егор, застегивая рубашку, спросил:

- У тебя крест хоть есть?
- На фиг он мне?
- Положено.
- Кем положено?
- Мы русские люди, должны веру знать.

Ясно было, что Егор просто повторяет слова кого-то из взрослых.

- Те, кто веруют, кресты и образки напоказ не выставляют, - сказала вдруг Маша, тихая девочка с чудесными длинными волосами, безжалостно заплетенными в тугие косы.

Егор растерялся, не зная, что ответить, и уже хотел сказать какую-нибудь гадость, как вдруг Вован вякнул:

- А у меня крест есть. Отец его освящал в этом, как его... Ну, собор такой здоровый, на набережной.

- Храм Христа Спасителя, - подсказала Маша.

- Точно! Только крест дома, над кроватью мать повесила. Нам на тренировки запрещают носить. Тренер сказал: еще удавитесь.

- Это да...- реплики посыпались со всех сторон.

- Нам тоже не разрешают...

- А вот мне рассказывали, как один пацан кольцом за забор зацепился и без пальца остался...

Дальше пошли живописные истории про всякое членовредительство, потом пришла русичка, и класс мигом позабыл и про религию, и про все остальное, потому что опять грянул диктант с морфологическим разбором.

- Вот скажи, - Лешка бросил Джеку последний кусок хлеба.- Разве это важно: носишь ты крест или нет? Ведь главное - то, что внутри, в душе!

Он сам засмутился своих слов и быстро оглянулся. Но кто услышит пацаненка, сидящего в парке на неработающем фонтане, затерянном меж елей и кустов? Джек, тот, конечно, слушал внимательно.

- Так мама говорит, - добавил Лешка на всякий случай. – Ладно, мне пора.

Он еще даже не двинулся с места, а ящер уже скользнул в сторону, волоча по шуршащим листьям длинный хвост. Перевалил через парапет. Остановился в отдалении под кустом и внимательно следил, как мальчишка спрыгнул с чаши, отряхнулся, убрал в рюкзак бутылку с остатками воды. Вылез из фонтана. Пора было идти, но Лешка присел на корточки, протянул руку и сказал просительно:

- Иди сюда. Что ж ты такой пугливый, ведь знаешь, что не обижу. Давно мог бы у меня жить... уроки бы вместе делали. Не пойдешь? – Джек молчал, таращил желтые свои глазищи и ухмылялся.- Скоро зима, опять не увидимся долго-долго.

Лешка готов был поклясться, что ухмылка на бугристой морде стала шире, мигнули золотистые глаза с вертикальными зрачками, ящер взметнул хвостом листья, сгорбился еще больше, выставив два колючих на вид отростка на спине.

- Ну, как знаешь. Тогда пока. Я пошел.

Лешка подхватил рюкзак и почти бегом припустился к биофаку. Построенный одновременно с Главным Зданием Университета пятиэтажный корпус биологического факультета в целом имеет в плане букву П. В перекладине (со внутренней стороны) буквы расположен центральный вход, а крыши двух ножек увенчаны стеклянными пирамидами. Однако при ближайшем рассмотрении на здании обнаруживается еще несколько фронтонов, какие-то выступы, что создает внутри совершенно шизоидную планировку, больше всего напоминающую иероглиф. Стеклянные купола пирамид манили Лешку своей оригинальностью и таинственностью. Он мечтал дознаться, что там находится, и не единожды спрашивал об этом преподавателей и аспирантов, которые вели занятия в Школе юного биолога.

Но все лишь пожимали плечами и как-то неуверенно говорили: вроде склад. Или зимний сад? Да черт его знает! Тогда Лешка решил разузнать все самостоятельно и направился по коридору напрямик к пирамиде. Первый раз он просто заплутал, потом наткнулся на запертые двери, за которыми опять же тянулся коридор, потом его шуганул какой-то сердитый старик...

Ему потребовался весь прошлый семестр, и все же Лешка более-менее обследовал подход к той пирамиде, что располагалась в ближайшем крыле. Длинный и полутемный коридор пятого этажа вел в нужном направлении, но даже просто идти по нему было страшновато. Пахло здесь... разным. Стены обшиты темными деревянными панелями в рост человека, там и сям попадаются запертые двери. Некоторые с табличками, а некоторые без. Да и сами панели по большей части выполняют не только функцию обшивки, за ними скрываются стенные шкафы, набитые всякой всячиной: пыльными рулонами наглядных пособий, чучелами животных и птиц, заспиртованными в сосудах экспонатами (порой весьма страшненькими), костями, кораллами, окаменелостями и кто знает, чем еще.

Одному бродить по таким коридорам, где за дверями кто-то кашлял, шуршал, пищал, или вдруг наступала ватная какая-то тишина, было нереально страшно, и Лешка обрадовался, когда среди юных биологов нашелся еще один заинтересовавшийся пирамидами человек. Звали человека Тимофеем, и он, как и Лешка, был ребенком Университета. Только преподавателем работал его дедушка, а родители, похоже, все же сбежали из академических стен. Мальчишка часто болел, пропускал занятия, но отчисление из Школы ему не грозило, потому что его дед – профессор Литвольд, являлся одним из ведущих ученых биологического факультета и специалистом с мировым именем в области микологии.

Когда Лешка вошел в холл, Тимофей уже маячил подле турникета, чуть ли не подпрыгивая от нетерпения.

- Ты чего так долго-то?

- Задержался, - буркнул Лешка.

- Тоже мне, профессор! Задержался он... Ладно, давай пошли! Я нашел, откуда пирамиду видно лучше всего.

- Откуда?

- Из сортира! Наш туалет, который на 2 этаже, как раз напротив, но не видно ни фиги, потому что там выступ. Нужно подняться на пятый этаж и тогда мы будем смотреть не снизу вверх, а прямо на нее. Бинобль бы... У тебя дома есть бинобль?

- Есть. Мать любит за птицами наблюдать.

- Круто! Принеси в следующий раз, тогда точно что-нибудь разглядим!

Они вприпрыжку взлетели по широкой мраморной лестнице, потом вдоль по коридору и опять по лестнице, на этот раз узкой, мимо обшарпанных стен, запертых дверей, бронзовых светильников – на пятый этаж. По коридору шли, стараясь ступать как можно тише. Вот и холл на стыке двух коридоров. Один из них ведет в нужном направлении, но стеклянные двери заперты, опять заперты! Кругом полно разномастной мебели и облезлых деревянных дверей и мальчишки даже не сразу нашли нужную дверь с небрежно начертанной мелом буквой "М". Они нырнули в туалет, там никого не оказалось. Подталкивая друг друга, влезли на подоконник, встали в полный рост и прилипли носами к давно немытому стеклу. Вот он, такой близкий и такой недоступный стеклянный купол.

- Бинокль бы... - протянул Тимофей. – Там мебель какая-то и все загорожено... нет, кто-то ходит. Лешка, смотри, Лешка!

- А?

Вместо того, чтобы разглядывать вожделенную пирамиду, Алексей не мог оторвать взгляд от каменного карниза в основании пирамиды, по которому, уверенно перебирая лапами, двигался... наверняка это Джек, вон и хвост, и выросты эти дурацкие на спине...

Дверь сзади скрипнула, и мальчишки скатились с подоконника, оказавшись лицом к лицу с высоким бледным человеком, облаченным в заляпанный чем-то лабораторный халат. Человек уставился на них подозрительно, с видимым дискомфортом поморгал красными воспаленными веками, и спросил:

- Что вы здесь делаете? Кто вас пустил?

- Мы в туалет... а что, нельзя?- нахально поинтересовался Тимофей.

- Вы дети, - обвинительным тоном сказал человек.- Зачем вы проникли сюда?

- Мы вообще-то тут учимся. В Школе юного биолога.

- Где? – казалось, этот тип первый раз слышит о таком заведении. Впрочем, подумал Лешка, может так и есть. Факультет буквально кишит чудачками, которые весьма мало обращают внимания на все, что выходит за рамки их непосредственных интересов.

Мужчина неприязненно разглядывал мальчишек бесцветными какими-то глазами.

Что у него с веками? Думал Лешка. Может, обжег чем или аллергия. Человек заметил, что Тимофей косится в окно, глянут туда же, увидел пирамиду и нахмурился.

- Идите в свою аудиторию и не суйтесь, куда не надо, - негромко и с отчетливой угрозой произнес он.- Здесь, знаете ли, детям не место. Лаборатории и все такое. Укусит кто-нибудь или надышитесь чем...

Мальчишки, не зная, что и сказать, выскочили за дверь и бегом рванули к лестнице. Остановились они только на втором этаже перед дверью, за которой уже всюю шло занятие. Отдышавшись, оба вошли в аудиторию, извинились и сели.

Занятие вел Константин Николаевич, специалист по насекомым, т.е. энтомолог. Сферой его научных интересов были общественные насекомые, особенности их поведения и организация социума. Рассказывал он интересно, но мальчишки никак не могли сосредоточиться на лекции.

- Ты видел?- зашептал Тимофей.

- Что?

- Там, в пирамиде...

- Ни черта я не видел. А что там было?

- Н-не знаю. Показалось, может.

Лектор укоризненно глянул, и ребята замолчали. После занятия они вышли на улицу. Стемнело. Стеклопные пирамиды смутно виднелись в вечернем сумраке. От них отражался свет немногих машин, которые проезжали по уединенной аллее, ведущей вдоль ботанического сада МГУ. Ребята заметно устали и разговаривать как-то не хотелось. Молча мальчишки дошли до Главного Здания и остановились, глядя на высотку. Храм науки, архитектурный символ эпохи, центр самого престижного вуза страны сиял бело-золотыми огнями искусной подсветки.

Здесь приятели расстались: Тимофей жил с дедом и бабушкой в одной из жилых зон МГУ, а Лешка побрел дальше – к себе на Университетский проспект. Мамы дома не оказалось, но ужин она приготовила заранее. Алиска, старшая сестра, тоже еще не вернулась с занятий. Отец разогрел еду, и они сели за стол.

- Что было в школе?

Сын вяло и неподробно изложил события дня.

- А на биофаке?

Лешка попытался пересказать лекцию, осознал, как мало запомнил и расстроился. Видно было, что отец тоже недоволен.

- Тема такая интересная, - протянул он.- Что ж ты...

Сын пожал плечами и со словами "Мне еще уроки делать", ушел к себе. Уроки делать не хотелось, да и что там делать-то... Математику решил еще в школе, русский написал пока обедал, английский завтра на биологии

сделаю... Зашвырнув рюкзак с учебниками в угол, Лешка занялся своим зоопарком.

Сколько себя помнил, он всегда любил животных. У мамы оказалась аллергия на шерсть, и только это спасло дом от превращения в Ноев ковчег. Однако в природе полно существ с гладкой кожей, и в комнате Лешки обитали: морская свинка бесшерстной породы скинни (отдал одноклассник, чьи родители не вынесли даже такого домашнего питомца), мадагаскарские тараканы, геккон и две жабы в террариуме. Всех нужно было покормить, осмотреть, приласкать и Лешка погрузился в привычный ритуал ухода за своими питомцами. Потом в коридоре раздался звонок, пришла мама, а за ней почти сразу Алиса, его старшая сестра. В квартире стало шумно: Алиска в отличие от братца обожает рассказывать про свои дела, и что сегодня было новенького. Оглянувшись на дверь, Лешка выложил на стол учебники, но рядом положил комикс и погрузился в приключения героев манги.

Борис поднял голову и потер усталые глаза. Черт, он чуть было не заснул за столом! Скоро светает, нужно закончить работу, иначе Армандо будет недоволен. А если учитель будет недоволен, он не станет посвящать Бориса в тайны ремесла. Впрочем, тайны ремесла архитектора— далеко не самое интересное, чему можно научиться у синьора Армандо Бразини.

Борис Иофан приехал в Италию в 1914 году совсем молодым человеком, ему едва исполнилось 23 года, чтобы выучиться на архитектора. Старший брат Дмитрий, понимая, что юноше, окончившему Художественное училище в Одессе, трудно будет рассчитывать на серьезное место или хорошие заказы, дал денег, чтобы Борис поехал набираться опыта в Италию. Итальянец Иорини, преподававший в том самом одесском училище, написал рекомендательное письмо, и Бразини взял юношу в свою мастерскую. Кроме того Борис Иофан поступил в Высший институт изящных искусств в Риме, который и окончил в 1916.

В Италии Борис чувствовал себя счастливым. Мрачный, сырой Санкт-Петербург, где все было серо и грустно, сменился ласковым солнцем и теплым ветром с Аппенинских гор. Люди здесь пили легкое, искрящееся вино, много и шумно спорили, пели песни и азартно торговались на рынках. Нравы и климат немного напоминали родную Одессу, и Борис сразу же почувствовал себя в своей тарелке. Итальянский язык давался ему без труда, не прошло и года, как он не только смог вести разговор с

домовладельцем о повышении арендной платы (и даже поторговался!), но и вникал в рассуждения Бразини об искусстве.

Только теперь он понял, почему все художники стремились именно в Италию. Есть, есть что-то волшебное в воздухе Апеннинского полуострова, нечто в омывающем его море, в ветрах, шелестящих в оливах и ласкающих древние развалины. Отсвет былого величия удивительным образом возвышает и облагораживает самые обыденные пейзажи. Здесь обитает Искусство, и первое время Борису странно было видеть шедевры архитектуры, которые он изучал по учебникам, находящиеся в каждодневном обращении. Итальянцы беспечно жили в палатце, небрежно черпали воду из фонтанов и равнодушно курили на развалинах Колизея. Затем он привык, и где-то в глубине сознания прочно засела мысль, что не только дворец или храм может стать выдающимся творением, но и больница, и просто жилой дом достойны того, чтобы внести в их создание частичку вечности.

Через недолгое время, присмотревшись к ученику и оценив способности и душевные качества юноши, синьор Армандо ввел его в круг людей, которые интересовались не только архитектурой. Как волшебную сказку слушал молодой человек рассказы и рассуждения об артефактах, дошедших до наших дней из глубины веков или обретших силу не так давно, например, о копье судьбы, связанном с именем Христа. Люди разного возраста и происхождения собирались вместе, объединенные причастностью к неким тайным знаниям, и плели сети, стараясь привязать ниточки своих жизней к нитям судеб стран и народов, пытаясь повлиять на ход событий и таким образом соткать полотно истории в соответствии со своим собственным планом. Нетрудно было догадаться, что больше всего этих людей интересует власть. Борис, наивно полагавший, что власть дается либо происхождением, либо деньгами, был поражен, осознав, что люди эти извлекают ее из науки, искусства и неких тайных оккультных знаний, уходящих корнями в ту древность, что старше самих пирамид.

Убедившись, что юноша жадно внимает новым учителям и интерес его неподдельный, Бразини провел молодого архитектора через обряд инициации, списанный с масонского и разыгрываемый для посвященных низшего уровня. Незрелый ум воспринимает ритуал как знак причастности к священным тайнам и управлению миром, и с момента его прохождения неофит считает себя членом братства и готов на многое ради новообретенного чувства избранности и причастности.

Через некоторое время Бразини принес в комнату, которую снимал юноша, толстую пачку бумаг и велел в них разобраться. Иофан прилежно засел за работу. Первыми ему попались отчеты Э.Жомара, этот ученый сопровождал армию Наполеона в египетском походе и провел тщательные измерения пирамид. В той же потрепанной папке нашлись бумаги с расчетами возможной высоты и других параметров Колосса Родосского, Фаросского маяка и даже... Борис не поверил своим глазам, увидев плотные листы, на которых еще просматривались выцветшие от времени чертежи и имелась надпись на латыни: Вавилонская башня.

На отдельных листах, исписанных по-немецки, приводились данные о зиккуратах Междуречья.

- Учитель, что это за документы? – спросил Иофан, проведя над папкой бессонную ночь, полную захватывающих открытий и мучений над малопонятным немецким. В мастерскую он явился, переполненный вопросами и удивлением. Однако Бразини был занят, отмахнулся от молодого человека, и лишь вечером им удалось спокойно поговорить.

- Здесь есть ключ, - сказал Армандо, поглаживая картонную обложку папки.- Только его надо отыскать.

- Ключ к чему?

- К силе и власти. – Бразини вскочил и стал расхаживать по комнате, - Поверь, мальчик мой, не без причины все народы в тот или иной период своей истории стремились воздвигнуть высокие башни. Большинство архитекторов – настоящих архитекторов, не ремесленников – во все времена были посвящены в тайные знания. И они пытались воплотить эти знания, достичь силы и мощи, тщательно рассчитывая места постройки и высоту своих самых особенных творений. Все древние... да и многие новые здания создаются не только по плану застройки той или иной местности. Их положение рассчитывается по звездам, чтобы в нужный момент они смогли стать чем-то большим, чем просто здания. Но это не твоя задача – для этого есть специальные люди. Наша с тобой задача- выявить, рассчитать, прозреть идеальную форму для башни.

- Но если все это, - Иофан указал на папку с бумагами и чертежами,- было построено не просто так, значит, такие расчеты уже проводились?

- Да, ты прав. Но это не просто архитектура, это знание священное, эзотерическое. Его всегда передавали из уст в уста, а если и записывали что-то, то тщательно шифровали. И в ходе истории бывало так, что череда избранных прерывалась, и какая-то часть знания терялась. Так случилось и в этот раз... Последним Великим архитектором, посвященным высших тайн, был Герхард.

- Герхард? – Борис растерялся, имя ничего ему не говорило.

- Он создал чертежи Кельнского собора, - неодобрительно покачав головой, пояснил Бразини.

- Но, Учитель, это было в 13 веке!

- И с тех пор мы бродим во мгле догадок и недомолвок, - горько заметил Бразини.- И все же у нас есть самое главное – здания, построенные на основании настоящего эзотерического знания. Именно в них кроется ключ к будущему. Нужно анализировать великие творения прошлого, чтобы открыть врата будущего!

Борис молчал, в растерянности от масштабности задачи и отчаяния при мысли о собственной обыденности и невежественности. Но Бразини, казалось, не замечал его неуверенности:

- В тебе есть талант, - уверенно сказал он.- Ты станешь хорошим архитектором. Но если мы найдем ключ – мы станем не просто создателями зданий. Мы станем создателями нового мира, друг мой! Мира, обновленного не по воле каких-то выскочек, но по замыслу мудрых людей... и не только людей... Скажи, ты говорил с Тоцци, нашим коммунистом-активистом?

- Да.

- Таких, как он, великое множество. Прогрессивные итальянцы! Цвет нации! – Бразини фыркнул.- Они молодые и за ними стоят деньги людей, которым надоели у власти нерешительные старики. Грядут большие перемены, мой мальчик, их предвещает многое... Если мы сможем отыскать ключ, рассчитать нужные пропорции и достучаться до закрытых дверей – нам дано будет многое. Мы станем наравне с лучшими, да что там наравне! И потомственная аристократия и новая буржуазия будут с почтением внимать нам, ибо, сумев возвести башню, которая отомкнет небеса, мы сможем диктовать им свою волю.

Борис, как зачарованный, следил за учителем. Теперь Бразини метался по мастерской, размахивая руками, и говорил все громче и громче. Во всем крыле здания в этот поздний час не было ни единой души: лишь итальянский архитектор, мечтающий построить то, что не удалось никому из его великих предшественников, и худой юноша, так и не избавившийся от одесского выговора, который смешил его петербургских знакомых, но совершенно не смущал итальянцев.

После этого разговора для Иофана началась новая жизнь: днем он работал в мастерской Бразини, впрочем, Учитель не слишком нагружал его заданиями, что вызывало завистливые взгляды и перешептывание других архитекторов. Вечером Борис шел в кафе "Toro infuriato" (Разъяренный

бык), где собиралась радикально настроенная молодежь, и слушал вдохновенные речи тех, кто жаждал разрушать старый и строить новый мир. Впрочем, иногда Иофан находил в кармане куртки записку со временем и адресом, и тогда вечером его ждали другие разговоры: о древних, частично утерянных знаниях, мудрецах и пророках, о принципах, на которых строится мир, о магии и науке, которая является лишь суррогатом и бледной тенью истинных знаний.

Ночами он подолгу просиживал над бумагами из папки. Изучал чертежи, делал расчеты, пытаясь отыскать тот самый тайный путь, тот принцип, который позволил бы воплотить мечты Бразини, ставшие и его мечтами. Порой его ужасало собственное невежество, и он дрожащей от усталости рукой писал название очередной книги, отдавал мастеру и тот доставал для Бориса труды Леонардо и Галилея, катрены Нострадамуса и чертежи собора Нотр-Дам.

- Слушай, ты уверена, что это хорошая мысль? - Павел с сомнением взирал на Алису. – Если заметут, могут быть неприятности.

- Трусим, да? Зайка серый, зайка робкий... – пропела зловердная девица, сложила губы бантиком и протянула руку, чтобы погладить "зайку"- Пашку Зайцева - по воображаемым длинным ушам.

- Алиска, прекрати этот детский сад! - Павел сердито отодвинулся. – Что ты за человек, вечно тебя тянет во всякие... авантюры.

- Так не хочешь – не впутывайся! Никто же не заставляет! – Алиса передернула худыми плечами и с независимым видом принялась писать, положив блокнот на коленку. – Позову Базиля и Женьку.

Павел молчал, хмуро разглядывая девушку. Заботишься, заботишься, с обидой думал он. Вот ведь как дуре объяснить, что я к ней равнодушен, а? Никак ведь невозможно, потому что ... потому что он просто видит, как Алиска вскидывает светлые брови, хлопает ресницами, округляет бессовестно-зеленые глаза и начинает давиться смехом. Подумать только – ей уже девятнадцать, а все ведет себя как подросток. Впрочем, не всегда. Павел завздыхал, вспомнив, как на дискотеке Алиска отжигала с тем типом, кажется с международного факультета. Ничего в ней на тот момент не было от подростка. Вполне взрослая и сознающая свою женственность девица с пышными медно-рыжими волосами, распутными зелеными глазами и

чудесной фигуркой. Но он, Пашка, рядом чуть ли не с детского сада. Вместе ходили в школу, вместе ездили в летний лагерь, вместе поступили в Университет... правда, на разные факультеты. Павел на биологический, а Алиса – на факультет искусствоведения. Он столько раз защищал Алису и попадал из-за нее во всякие неприятности... Как человек, изучающий естественные науки, Пашка уже оценил ситуацию и классифицировал ее как сложившийся поведенческий паттерн. Оно, конечно, так, только вот как из этого сложившегося стереотипа отношений выбраться?

- Алис, давай лучше по крышам попробуем? – просительно сказал он.

- М-м? – она подняла глаза от листа бумаги.- По каким крышам?

- Вместо того, чтобы лазить по жутким темным подвалам с крысами, где мы можем наткнуться на агрессивных бомжей или свалиться в незакрытый колодец, я предлагаю отправиться на крыши. Хочешь – выбери любую высотку. Или можем Главное Здание попробовать.

- А как мы туда попадем? – живо поинтересовалась девушка.

- Придумаем что-нибудь. – Перспектива провести время на крыше на свежем воздухе, а не в каком-то жутком подземелье, вдохновила немногословного Павла на вполне сносный маркетинговый пассаж: - Наберем отмычек всяких... спрячемся где-нибудь в здании до закрытия, чтобы охрана не выперла. Потом вскроем двери и найдем выход на крышу. Там можно винца выпить или пива. Прикольно будет. – Подумав, он добавил: - Сперва планы здания надо бы посмотреть... лестниц в этом муравейнике до фига. – Паша обвел широким жестом высотку Университета, возвышавшуюся перед молодыми людьми. Они сидели под кустами сирени во дворе зоны Б и обсуждали планы Алиски на проведение ее дня рождения.

Девушка считала, что раз этот день главный в году, то проводить его надо так, чтобы потом вспоминать целый год. Честно сказать, такой подход шел от Алискиных родителей, и Паша уже не единожды мысленно желал, чтобы те приучали дочку собирать дома подружек и дарили бы ей кукол, вместо того, чтобы таскать детей по экспедициям и устраивать всякие экстремальные развлечения. Дни рождения у Алисы и ее младшего брата Лешки имели место в ноябре с разницей в две недели, что позволяло родителям устраивать один праздник на двоих. С точки зрения Алисы это было не совсем честно, потому что интересы у нее и братца различались радикально. Лешка жить не мог без всяких зверей. Вечно таскал в карманах кусочки и подачки для дворовых собак и кошек. Умел свистеть как птицы, обожал лошадей. Однажды Алиса позорно улепетнула с пляжа в Крыму, чуть не наступив на змею, а братик бесстрашно взял в руки светло-коричневое длинное и лениво извивающееся тело, и отнес его в кусты, бормоча что-то

про идиотов, которые обижают безобидных зверей. На вопрос ошарашенных отдыхающих "Мальчик, как же ты не испугался змеи?", семилетний ребенок глянул презрительно и ответил:

- Это ящерица, только безногая. Веретеница. Нужно знать фауну и флору района, куда вы приехали.

Народ почтительно примолк, а Алиска надулась. Подумаешь, змеелов!

Зато в то крымское лето она заставила родителей поехать в Мраморные и Красные пещеры. Лешка жался к матери, ему под землей было холодно и страшно, а Алиса брела меж нагромождений сталактитов и сталагмитов в полном восторге. Совершенно потрясающее место! Такого дизайна не придумает ни один человек!

Если брата интересовало всякое зверье, то Алиса предпочитала творения природы или рук человеческих, особенно все, связанное с искусством, архитектурой и дизайном. Потому и поступила она на факультет искусств.

- Пашенька, ты молодец! – Алиска так вдохновилась предложением приятеля, что чмокнула его в щеку и принялась строить новые планы: - Можно даже ночью туда сходить! Ночи сейчас еще не очень темные, чай не зима, так что видно будет нормально... но фонари тоже нужно брать... Насчет планов ты прав, наугад идти – мы можем никуда и не попасть... Но днем все-таки лучше, а то родителям придется что-то сочинять... Ты узнай, может, и днем можно на крышу выбраться?

Пашка сидел, кивал как болванчик и улыбался. В ушах шумело – последствия нежданного поцелуя. Когда он немного пришел в себя, то осознал, что подруга продвинулась в своих планах уже довольно далеко:

- Значит так, на этой неделе в ходе экспедиции в подвалы проверим, кто на что похож, и на крышу трусов и нытиков с собой не возьмем!

Пашка вздохнул. Неугомонная Алиска решила не менять одну авантюру на другую, а проверить обе. Это значит, что на днях его (не бросать же рыжую) ждет поход в подземелья Университета, о которых ходят весьма мрачные слухи.

Иофан, как человек молодой и одержимый работой, не слишком много внимания уделял комфортабельности своего жилья. Дом, где он снимал комнату, располагался недалеко от мастерской. Комната светлая, хозяйка время от времени прибирается, ну и хорошо. Однако окружающая его жизнь не стояла на месте. В одной из квартир дома поселился бывший

моряк, по состоянию здоровья вынужденный "высушить весла". Он много пил и регулярно устраивал громкие скандалы и ссоры, а порой и драки. Хозяйка родила близнецов, которым не хватало молока, и они оралы день и ночь. Помучавшись некоторое время, Борис понял, что ему срочно нужно искать другое жилье. Он слишком много работает и хоть иногда нужно спать, а не вздрагивать от криков младенцев или пьяных песнопений бывшего боцмана. Бразини, увидев невыспавшегося очередной раз молодого человека, поцокал языком.

- Гулял? Пил?

- Нет, мастер, это соседи. Я с ума сойду – дети орут, пьяница этот дебоширит... - Борис махнул рукой и потер красные от бессонницы глаза.

- Да-да, это нехорошо... - Бразини привычным жестом растрепал волосы и вдруг торжественно щелкнул пальцами:

- Я знаю, как тебе помочь! Только третьего дня я был в гостях у очаровательной женщины, русской, между прочим! Она сдает комнаты, потому что негодяй муж не захотел обеспечить ее после развода. Ее зовут Ольга- необыкновенная женщина, ты увидишь.

И Борис увидел и понял, что это чудо, посланное провидением лично ему. Дочь итальянского дипломата герцога Руффо и княгини Мещерской, Ольга получила прекрасное образование. Она была чемпионкой Франции по теннису и говорила на 8 языках. Ее семейная жизнь с полковником русской армии Н.П.Огаревым не сложилась и, получив развод, Ольга Фабрициевна уехала сперва в Париж, а затем в Рим. Полковник, глубоко оскорбленный стремлением жены к независимости, сделал все, чтобы она пожалела о своем поступке, и постарался, как мог, ущемить ее в средствах. Однако с помощью своего дяди, графа Строганова, Ольге удалось устроиться очень неплохо: она купила виллу на окраине Рима и стала сдавать комнаты, отдавая предпочтение людям искусства и политики. Постепенно салон княгини Мещерской стал весьма популярен, и по четвергам в гостиной Ольги собиралось множество интересных людей, как постоянцев, так и приглашенных гостей.

Борис влюбился и робко обожал княгиню, пока она не дала ему понять, что тоже испытывает нежные чувства. Они поженились в 1918, и Иофан усыновил ее детей: Ольгу (которую ласково называл Ольгеттой) и Бориса. Княгиня Ольга оказалась женщиной не только красивой, но и очень умной. Ни разу Борис не вспомнил, что она на 8 лет старше его. Ни разу не почувствовал себя ущемленным оттого, что жена лучше него знает итальянскую (и не только итальянскую) историю и культуру. Ольга стала его любовницей, женой, другом и поверенным всех его тайн, ибо Борис

совершил страшное преступление, нарушив священные клятвы и рассказав жене о тайном обществе посвященных и обо всем, что происходило на его заседаниях.

Веруя в грядущее обновление и улучшение мира, Ольга вместе с мужем вступила в коммунистическую партию. Как могли, старались они помогать соотечественникам и способствовать сближению Италии и Советской республики. В 1921 году Борис Иофан оформляет выставку советской книги во Флоренции, а в 1921 – выставку товаров Закавказских республик в Триесте.

С восторгом и надеждой Ольга и Борис следили за всеми вестями из России. Они свято верили, что именно там, на родине, происходит сейчас чудо претворения мира в нечто новое, молодое и отважное. Может быть, Борис и жалел порой о том, что находится далеко от горнила, в котором плавится история его родной страны. Но солнце Италии грело ласково, речи итальянских коммунистов звучали страстно, а кроме того, он все еще не нашел ответа на главный вопрос, не смог восстановить утерянное знание, и это мучило и унижало его. Вновь и вновь всматривался архитектор в цифры и планы, порой казалось, что тайна сейчас раскроется, и он поймет, как нужно соотнести фундамент с высотой, каковы должны быть ярусы башни. Он вычленил некие закономерности, но все это были лишь частности, которые категорически не желали складываться в целое. Армандо поддерживал его, не уставал повторять, что поиски непременно увенчаются успехом.

Через день вся компания собралась в Парке Победы кататься на роликах, там Алиса и объявила о предстоящем празднике и походе в чрево Университета. Женька из Бауманского хмыкнул и кивнул, девица, которую он привел с собой, откликнувшись на странное имя Дюша, нервно сглотнула и принялась переспрашивать:

- В подвалы? Мы полезем в подвалы? Зачем?
- Прикольнo, - мрачно отозвался Пашка.
- Да? – Дюша неуверенно взглянула на Женьку; тот кивнул.- Я мышей боюсь, - сказала девушка.
- Там нет мышей, - уверенно сказал Женька.
- Ой, ну тогда ладно...
- Там только крысы! – крикнул Базиль, раздражаясь хохотом.

Дюша вздрогнула, втянула голову в плечи, и Пашка подумал, что если Женька и пойдет в подвалы, то один, девушка туда не потащится. Женька как всегда помалкивал, из него вообще трудно было хоть слово вытянуть, зато Базиль веселился вовсю:

- Слушайте, какая здоровская идея! Ты, Алиска, молодец! А можно я кого-нибудь с собой приведу? Ребята в отпаде будут, наверняка захотят пойти!

Пашка вздохнул: Базиль (вообще-то по паспорту Василий) учится в медицинском, и чувство юмора у него порой весьма специфическое... медицинское.

- Да пожалуйста, - щедро согласилась именинница.- Я угощаю. За мой счет.

- Ты планы подвалов достала? – поинтересовался Павел, осознав неизбежность предстоящей авантюры и как всегда желая просчитать возможные последствия.

- Нет, планов никаких нет, беспечно отозвалась Алиса, - но я нашла проводника! Он, правда, деньги берет за экскурсию, но родители обещали на день рождения подкинуть, так что это мой мне подарок.

- И сколько это будет стоить? – поинтересовался Павел.

- Не знаю пока, еще не договаривались предметно... Не нуди, Пашка, праздник должен сохранять элемент спонтанности. Скучно же, когда все заранее распланировано! Ну, кто на перегонки до памятника энтомологу? – Алиса, закончив застегивать роликовые коньки, встала, поправила рюкзачок на плечах и легко покатила по аллее к обелиску. Сто сорокаметровый шпиль, воздвигнутый на Поклонной горе, ближе к верхушке имеет невнятную скульптурную композицию, похожую на насаженного на булавку жука, за что злые на язык студенты прозвали очередное ущербное творение Церетели памятником энтомологу.

Вечером того же дня Алиса созвонилась с проводником, и они договорились встретиться подле физфака для обсуждения подробностей. Алиса считала себя девушкой деловой, да и не на свидание шла, а потому прибежала минута в минуту, плюхнулась на ступеньки и спросила парня в черной кожанке и бандане, из-под которой на плечи падали немытые волосы:

- Это вы проводник?

Тот внимательно оглядел девицу и, отбросив в сторону окурок, отозвался:

- Положим, я проводник. А ты кто?

- Алиса. Я вам звонила.

Парень ей не понравился. Был он какой-то невымытый, пахло от него табаком и еще чем-то не сильно приятным. Кожа лица и рук бледная, хотя лето только-только кончилось, все более- менее загорели, а этот как из подвала вылез. Невыразительные глазки молодого человека смотрели пристально, над губами топорщились несерьезные усики, а губы он беспрестанно облизывал.

- Значит, ты хочешь погулять по подвалам... - протянул проводник. – Что так?

- Говорят, интересно. Бомбоубежище, таинственные двери и непонятные приборы. Кое-кто рассказывает, что там живут гномы, но, думаю, врут.

- Врут, - он лениво сплюнул на ступени.- Гномов там нет. Крысы есть. Не боишься?

- Если просто мимо идти, то нет. Обниматься с ними не обязательно, надеюсь.

- Не обязательно, - эхом повторил проводник.- Даже вредно.

- Вот мы и не будем их трогать, а они, надеюсь, не станут трогать нас, - радостно заявила Алиса.- Нас будет человека четыре... может пять. Это на сумму влияет?

- На сумму влияет все... Я группу собираю, так что там и еще кто-то будет, помимо вашей компании.

- Вот и хорошо. Чем больше народу, тем лучше. Не так страшно.

- Но разве ты не за этим туда идешь?

- А?

- Разве ты не хочешь, чтобы было страшно? – он развернулся к девушке, и Алиса невольно подалась назад.

- Ну... немножко... Адреналин чтобы пошел. Все ведь, наверное, за этим идут?

- Кто все? – Проводник почему-то оглянулся, словно ожидая увидеть на ступеньках компанию экскурсантов. Обкуренный он, что ли, подумала Алиса.

- Все, кого вы водите по подвалам, - терпеливо пояснила она.- Я думаю, они идут туда за адреналином, чтобы было прикольно и немножко страшно.

- Немножко страшно, - протянул парень и вдруг засмеялся.

Алису передернуло.

- Давайте к делу, - сказала она, стремясь побыстрее закончить общение со странным и неприятным человеком. – Сколько это будет стоить?

- Десятку, - все еще посмеиваясь, прохрюкал Проводник.

- Дорого, - покачала головой девушка.- Я рассчитывала на пять тысяч. Сколько по времени занимает экскурсия?

- По времени? Это как пойдет... Час, полтора.

- Я так и думала! Нас пятеро, по тысяче с человека, думаю, в самый раз.

Он опять смотрел на нее, не моргая, и Алисе требовалась вся ее выдержка, чтобы не отшатнуться и не отойти подальше. До чего же мерзкий тип, думала она.

- Ладно, - сказал вдруг Проводник. – Встречаемся в субботу на этом месте в семь вечера.

- Вот и хорошо! – обрадовалась Алиса. – Кстати, как вас зовут?

- Меня? – проводник помедлил, опять облизал обветренные губы и неохотно ответил: - Геннадий меня зовут. Гена.

Настал 1922 год. Италию раздирали противоречия между анархистами, фашистами и коммунистами. Недолгий период триумфа, когда коммунистическое движение контролировало такие крупные города как Рим, Неаполь и Милан, сменился реакцией 1923 года и наступлением чернорубашечников.

И в этот страшный год появился в жизни Бориса Иофана новый человек. Приехал он под вечер, и показался совсем обычным: высокий худой мужчина средних лет, темноволосый, с ранними залысинами. Глубоко посаженные глаза смотрели устало, бледные губы вздрагивали какой-то неуверенной, но привлекательной улыбкой. Он представился Адрианом, сказал, что приехал из России, привез письма от родных и друзей.

Ольга усадила гостя ужинать и принялась расспрашивать о происходящем в Советской России. Адриан рассказывал охотно, называл имена членов правительства, и по тем деталям, которые проскакивали в его речах, очевидно было, что вход он в самые верхние и узкие круги новой советской властной элиты. Потом гость извинился, сказал, что устал и откланялся. Иофан, не в силах расстаться с человеком, который олицетворял свежий ветер с родины, увязался провожать его. Они расстались на пороге небольшого, но уютного отеля и условились о встрече на следующий день.

Встретились за обедом, и Борису показалось, что он знает этого человека давным-давно. Адриан рассказывал сам и расспрашивал об Италии, атмосфере в Риме и на побережье, о планах и настроениях итальянских товарищей. Потом, словно спохватившись, усмехнулся смущенно и сказал:

- Вы простите меня, дружище, я забыл объяснить ... Я ведь тут не просто так, а по должности. Работаю секретарем у Алексея Ивановича Рыкова, он председатель Совета Народных комиссаров. Ну, премьер-министр по местному. Так вот, он недавно перенес удар, следствие напряженнейшей работы. Врачи рекомендовали средиземноморский климат для скорейшей реабилитации. Но ведь Алексей Иванович не может просто так приехать лечиться. Он намечает целую программу: встречи с итальянскими коммунистами, лекции, переговоры. Неофициально, но это порой даже лучше. Так что я тут вроде как авангард, понимаете?

Борис и Ольга, польщенные доверием, старались изо всех сил, вводя Адриана в круг местных активистов коммунистического движения. А через несколько недель, придя в палатку Армери, чтобы присутствовать на очередном собрании тайного общества, Борис увидел Адриана, представителя республики Советов, который, казалось, чувствовал себя здесь едва ли не более уверенно, чем на вчерашнем собрании коммунистической ячейки.

Тем же вечером, возвращаясь в гостиницу, Адриан негромко говорил:

- Я говорил с мастером Бразини и знаю, что вы ищете, дружище. И искренне надеюсь, что открытие ваше подоспеет к сроку. Хочу, чтобы вы знали: вы не один и многие люди, обладающие светлым умом и немалым талантом трудятся для достижения той же цели... Хотя здесь, в Вечном городе, приходят на собрания тайного эзотерического общества только старые болтуны. Да, они красиво рассуждают и знают много забавных историй из прошлого. Но у них нет ни сил, ни необходимых ресурсов для свершения практического переворота, для строительства чего-то по – настоящему нового! Зато все это есть там, в России! Подумайте об этом, Борис. Ваша задача – рассчитать правильные параметры башины. А я... и другие товарищи, соберем остальные части мозаики. Тогда мы получим доступ к огромному могуществу. И мир станет таким, как мы захотим, понимаете? Не будет голода, болезней, чертовых чернорубашечников! Мы наконец воплотим мечту...

После отъезда Адриана Борис словно почувствовал второе дыхание. Он работал как одержимый

В 1924 году в Италию приехал Алексей Иванович Рыков с женой Ниной Семеновной. Адриан, сопровождавший их в качестве секретаря, обустроил супругов в отличном отеле и на следующий же день привел Иофана познакомиться. Архитектор жадно, порой забывая скрывать свой интерес, рассматривал политического деятеля новой, советской России. Со слов Адриана он знал, что Рыков был из крестьян, хоть и получил неплохое образование. Ничего особо примечательного в его внешности не оказалось: усталое лицо много работавшего и болевшего человека. Усы, борода клинышком, тяжелые веки, морщины на лбу и вокруг глаз. Однако Борису он очень понравился: умный, местами даже остроумный, целеустремленный; человек, живущий ради великой идеи.

Они тотчас же затеяли какой-то политический спор об основах коммунизма и фашизма, принялись горячиться, и Иофан опомнился, лишь когда Нина Семеновна хлопнула его по руке и сказала:

- Давайте-ка отложим этот интересный разговор на вечер. Алексею Ивановичу врачи строго-настрого приказали соблюдать режим, так сейчас у нас обед и сон. А вот к ужину приходите.

Борис извинился и искренне расстроился от собственной бестактности, но, когда он уже торопливо прощался в дверях, Рыков хлопнул его по плечу и шепнул:

- Не тушуйтесь, молодой человек. Нина – мой рулевой. Вот у нас партия руководит страной, а она руководит мной. Что вы хотите – вся жизнь в революции...

Должно быть, на лице Иофана отразилось если не сомнение, то удивление. Очень трудно оказалось представить революционеркой милую женщину средних лет, с округлым подбородком, немного близко посаженными глазами и темными несколько вьющимися волосами, которые обрамляли спокойное и какое-то домашнее лицо. Рыков хмыкнул, оглянулся и, выступив вслед за Борисом на лестницу, негромкой скороговоркой произнес:

- Нина всегда была исключительно сильной личностью. Я могу только завидовать ее силе воли. Девушка, выросшая в провинциальном Ростове-на Дону, не побоялась после гимназии отправиться в Берн, потому что имела перед собой цель – получить медицинское образование. А у нас, в России, сами понимаете, кто бы стал девочку учить...

- Она врач? – с уважительным удивлением переспросил Борис.

- Собственно, нет. Дело в том, что еще в гимназические годы Нина принимала участие в работе кружка Южнорусской группы учащихся. А

потом нелегально распространяла "Искру", возила партийную литературу в Киев и Полтаву, а в 19 лет вступила в партию большевиков.

- Удивительная женщина, - пробормотал Иофан, совершенно четко понимая, что никогда не желал бы видеть в качестве жены столь глубоко политизированного и волевого человека. То ли дело его Оленька – милая, мягкая, сама женственность. Так велика была его слепая любовь, что в эту минуту не вспомнил Борис ни о практической хватке своей супруги, которая не растерялась после развода, и сумела содержать себя и двоих детей, ни о том, что княгиня Мецкерская глубоко образованный и весьма дисциплинированный человек. Впрочем, Ольга Фабрициевна и правда была женщиной душевной, по-русски жалостливой. Денег свободных у них никогда не было, но, узнав о голоде в Поволжье, Ольга продала свои немногочисленные драгоценности и роскошную библиотеку и отправила деньги в Россию, "иначе как же жить, зная, что ты ничего не сделал?".

Вечером состоялся ужин, на котором присутствовали итальянские коммунисты и кое-кто из русских, живших в Риме. Улучив минутку, Иофан тихонько спросил у Адриана, является ли Рыков посвященным. Тот покачал головой.

- Ему это не нужно. Он не архитектор и не мастер. Он – движущая сила, человек веры, который ведет за собой людей силой своей воли и своей веры. Таких, как он, тайны лишь смущают, и они теряют путь. Однако, согласись, он сам по себе личность замечательная.

И Борис не мог с этим не согласиться. По просьбе Адриана он стал для Рыковых чем-то вроде гида-чичероне. Познакомил с женой и часто приглашал в гости. Сопровождал в поездках по Италии, рассказывал о стране, которую хорошо узнал и полюбил. Будучи архитектором, он считал своим долгом сообщать приезжим о многочисленных архитектурных памятниках Рима. И в какой-то момент совершенно естественно возникла меж ним и Рыковым дискуссия о старом и новом в искусстве, о роли революции в архитектуре, о партийной сознательности и прочем. Иофан не без тайной дрожи показал Председателю Совнаркома кое-какие свои проекты, которые, как он тайно надеялся, будут востребованы Итальянской республикой в случае победы коммунистов. Алексей Иванович расспрашивал о деталях, потом передавал листы жене, и та молча и сосредоточенно просматривала работу за работой, иной раз уточняя назначение каких-то помещений или деталей. Из ее вопросов явствовало, что подход к строительству каких-бы то ни было зданий она ценит сугубо утилитарный. Украшательство, как напрямую заявила Нина Семеновна,

это напрасная трата народных денег. Главное - функциональность и удобство.

- Я не согласен, - волнуясь, Борис ерошил волосы, бессознательно копируя жест своего учителя, Бразини. - Здание строится не на один день. И мы не можем позволить себе возвести на долгий срок вещь безликую, некрасивую и невнятную. Архитектура – прежде всего искусство, и таким образом она имеет огромную силу воздействия на человека. Я считаю, что сила эта больше, чем у живописи, которую все и вся ставят во главу угла. Что есть картина? Объект непрочный, ее можно повесить на стену, а можно и убрать. У картины лишь одна плоскость и потому она несоизмерима по значимости и силе воздействия с произведением архитектуры, которое человек видит не только снаружи, но и изнутри. А потому на плечи архитектора ложится двойная, нет, тройная ответственность: он должен продумать, как здание будет выглядеть изнутри, снаружи, придать ему функциональность и вложить в него идею...

- Это уже четыре, - улыбаясь в усы, заметил Рыков.

- Что? Ну да, пусть четыре, но не в этом суть! – Борис раскрыл папку с листами и начал перебирать чертежи. – Вот, взгляните, проект здания посольства СССР в Риме. Это панорама со стороны реки. И, судите сами, не вижу я здесь никакого украшательства! Неоклассицизм, достоинство лучших образцов римской архитектуры. Вот эта изогнутая колоннада, обрамляющая главный вход, придает всему проекту нужный тон и ритм. Чтобы избежать холодности и простоты классицизма, я добавил немного барочных форм... Ну, и, конечно, советскую символику!

И, вы знаете, - Иофан в порыве искренности прижал ладонь к груди. - Я свято верую в миссию архитектора как творца прекрасного, если хотите – творца истории! – И с тем же жаром он процитировал:

*Творенье может пережить творца;
Творец уйдет, природой побежденный,
Однако образ, им запечатленный.
Веками будет согревать сердца...*

И тут же, устыдившись своего порыва, смущенно добавил:

- Это строки Микеланджело.

- Знаете, что я вам скажу, - произнес вдруг Алексей Иванович, и Борис, уловив некую новую нотку в его голосе, насторожился. - Давайте-ка, батенька, собирайтесь домой, в Россию.

- Домой? – переспросил растерянно Борис.

- Именно! Посмотрите вокруг: победа Муссолини – лишь вопрос времени, причем ближайшего. Да-да, не спорьте, вы человек идеалистичных

взглядов, а политика, знаете ли, вещь мутная. Не один я считаю, что установление фашистского режима в Италии – вопрос решенный. А придя к власти, чернорубашечники не дадут вам покоя. И заказов вы не получите, будучи коммунистом и идейным врагом... А если уж совсем начистоту – посмотрите, что они вытворяют: погромы, аресты. У вас ведь семья, дети.

Борис механически собирал чертежи и эскизы в папку, растерянно поглядывая то на Нину Семеновну, которая размеренно кивала головой в такт словам мужа, то на самого Рыкова, который поглаживал усы.

- Вы подумайте, с Ольгой Фабрициевной посоветуйтесь, - продолжал он. - Если решите, так тянуть нечего.

- Но там, в России, я буду никем, вернее, соперником нынешних учредителей архитектурной моды, - неуверенно возразил Иофан.

- Нет у нас такого понятия, как мода! – решительно заявил Рыков. - У нас есть партийный заказ. А мое слово как председателя Совета Народных комиссаров что-нибудь да значит!

В эту ночь ни Борис, ни Ольга не могли спать. Они разговаривали и разговаривали, так и эдак пытаясь представить себе будущее, сулимое предложением Рыкова, и его альтернативу - продолжение жизни в Италии. Так ничего окончательно и не решив, Борис забылся коротким сном на кушетке в кабинете. Ольга пошла в спальню, постояла у окна, глядя на небо, нежно светлеющее на востоке. Не хочется уезжать, думала она. Здесь дом, дети привыкли, но... Но она должна все взвесить и принять решение. И женщина стояла у окна, зябко обхватив плечи руками, и думала, думала. Потом, стесняясь самой себя и злясь, она вытащила из шкафа деревянный ларец. Там хранились старые, доставшиеся от матери православные иконы. Уверовав в прогресс и коммунистические идеи, в самодостаточность людского разума, Ольга завернула иконы в шелковые платки и убрала с глаз долой. И вот теперь она растерянно вглядывалась в темный скорбный лик Богородицы, надеясь если не на прозрение, то на что? Может, ни на что – просто пришло время признаться, что в этом непростом мире ответственность за детей и мужа тяжелой ношей лежит на ее плечах, что она очень любит Бориса, что пылкие мечты юности об изменении мира столкнулись с жестокой и неприглядной реальностью: мир меняется совсем не так, как ей представлялось. Жестокость и кровь волной накрывают ее любимую солнечную Италию. Ольга не понимает, что происходит с вечно ленивыми и шумно-веселыми итальянцами; они больше не хотят разговаривать, пить вино и пребывать в уверенности, что все образуется.

Они собираются в толпы, и тогда словно коллективное безумие туманит людской разум: сосед готов вцепиться в глотку соседу, с которым только вчера рыбачил или работал в конторе.

Ольга прикоснулась губами к иконе, зажмурилась и зашептала молитву. Когда с губ сорвалось последнее из знакомых с детства слов, она опять открыла глаза и взглянула на образ, немного стыдясь собственной слабости и растерянности. Так бывает, когда обращаешься к хорошо знакомому человеку за помощью и с чувством неловкости вспоминаешь, что и до этого тревожил его лишь просьбами, а времени просто поговорить, побыть рядом бесцельно, ради мимолетного соприкосновения душ, все не находится. И, преодолевая неловкость и стыд, надеешься каждый раз, что человек поймет и простит. Ольга опять завернула икону в шелковый плат и убрала в ларец.

Потом умылась, оделась и решила, что пора начинать день. Нужно проследить, как там завтрак, и сказать Лусии, чтобы не ставила на стол так много молока, его никто не пьет... Что ж, она сделала все, что могла, теперь нужно идти. А потом ехать... Утро принесло понимание того, что все вчерашние разговоры и сомнения были впустую – и Борис, и она сама должны вернуться в Россию.

Алиса вернулась домой довольная, швырнула сумку на пол, крикнула:

- Привет, я пришла! - И устремилась в свою комнату. Теперь, когда она договорилась с проводником о походе в подвалы Университета, нужно разослать приглашения приятелям. Просто написать банальный месседж неинтересно, и девушка провела некоторое время, оформляя открытку: контур высотки, темный вход в подвал и на этом черном фоне белыми буквами набран текст приглашения. Добавив паучка на шпиль и крысиную мордочку, выглядывающую из-за стены, она отправила послание друзьям и поспешила на зов гонга.

Из поездки в Индию родители привезли небольшой гонг, к которому крепился специальный молоточек. Именно звук гонга служил в их семье призывом к началу трапезы. Родители также требовали, чтобы дети если и не переодевались к ужину, то приходили в кухню чистыми и опрятно одетыми.

Алиса торопливо взглянула на себя в зеркало, подобрала рыжие волосы и закрутила в высокий узел, прихватив заколкой. Спohватившись, сняла с уха серебряную летучую мышь и, решив, что смотрится скромнее некуда, отправилась ужинать.

Родители у Алисы и Лешки жили наукой, путешествиями и детьми. Отец занимался теоретической физикой, мама преподавала на химическом факультете. Путешествовать они любили не как организованные туристы, а самостоятельно или с друзьями. А потому Алиса и Лешка успели пройти пешком и с рюкзаками горы и долины Крыма и частично Кавказа, побережье Греции и плато Норвегии. Сейчас родители разрабатывали маршрут в Непал и на стене их комнаты уже висели распечатанные карты, утыканые разноцветными булавками.

За ужином каждый традиционно рассказывал, как прошел день. Алиса весело прочиркала, что все путем, завтра поход в Пушкинский музей и лекции, на зимние каникулы собирают группу ехать в Италию, посмотреть Рим и раскопки где-то на юге. Цену за поездку еще не объявили, но предварительно евро по четыреста с человека. Ну, и с собой сколько-то денег нужно... Она может потратить честно заработанное за лето, но там осталось не так много... Папа с мамой переглянулись и обещали подумать. Братец был неразговорчив. В конце концов, когда пришла его очередь рассказывать, что случилось за день, Лешка бросил на мать хмурый взгляд из-под светлых бровей и сказал:

- Тебя классная в школу вызывает.
- А что случилось?
- Я подрался.
- Да? – заинтересовано переспросил отец.
- Ты цел? – сразу перебила его мама, ощупывая взглядом худое тело сына, облаченное в толстовку и джинсы.
- Нормально все, - отозвался Лешка уклончиво.
- А противник? С кем дрался? – проницательно поинтересовался отец.
- Губу разбил... я головой попал.
- Но из-за чего вы подрались? – продолжала тревожиться мама.
- Из-за Шоколадок.

Алиса захихикала. Еще в прошлом году Лешка, повернутый на всяких тварях, разжился на биофаке мадагаскарскими тараканами. Здоровенные, коричневые, в пол-ладони длинной, самец и самка жили в любовно оборудованном террариуме. Самец периодически издавал шипящие звуки, а самка – тихий свист. Еще они топали, но Лешке это не мешало, так что никто не возражал. Тараканам у Лешки жилось, видимо, неплохо, и они

начали размножаться. Самка произвела на свет десяток смешных личинок, которые ловко расползлись и попрятались под листьями. Юный натуралист Лешка заметил их не сразу, но, когда месяца через четыре личинки превратились в молодых таракашек, радость его не знала границ, и он буквально раздувался от гордости. Однако в террариуме стало как-то шумно и тесно, и Лешка задумался о расселении тараканов. Несколько особей ему удалось пристроить приятелям из Школы юного биолога, а несколько штук он взял с собой в школу, чтобы доказать сомневающимся, что Шоколадки безопасны и симпатичны. Однако Рустем, одноклассник, увидевший банку с копошащимися насекомыми, заорал как больной и смахнул емкость с парты. Банка упала на пол, разбилась и Шоколадки бросились в разные стороны. Первой на парту с визгом вскочила Танечка Полякова, отличница, а второй – Алла Сергеевна, классная руководительница.

Лешка бросился было спасать малышей, но Рустем накинулся на него с кулаками, и они покатались по полу, ругаясь и пиная друг друга. Короче, урок прошел нескучно.

- Да, говорила я тебе, не таскай в школу своих тварюшек, животновод фигов, - буркнула Алиса.

Мама, зная, что больше всего заботит сына, встревоженно спросила, всех ли Шоколадок ему удалось собрать. Лешка кивнул и с некоторым сомнением в голосе добавил, что после пятого урока к нему подошли старшеклассники, уже прослышавшие о происшествии, и попросили показать тараканов. Переспросив, правда ли, что они вырастут до 10 см и получив утвердительный ответ, они хотели Шоколадок купить. Лешка, не имевший коммерческой жилки, отдал таракашек даром, но заставил парней выслушать лекцию об особенностях содержания мадагаскарских тараканов в неволе. И все же, добавил он, нет уверенности, что они не будут устраивать с Шоколадками каких-нибудь глупостей, вроде тараканьих бегов.

- Будем надеяться на лучшее, - оптимистично кивнула мама. – В школу я схожу, ты не переживай.

Вечером Лешка постучался к сестре.

- Чего тебе? – поинтересовалась Алиса, не отрываясь от монитора.

- Я подумал... может, ты на курсе поспрашиваешь, не нужны кому-нибудь тараканы?

- Опять? Они опять размножаются?

Лешка кивнул.

- Дурак, посади их в разные банки, иначе мы скоро утонем в мадагаскарских тараканах.

- Ладно... Ты спросишь?

- Спрошу, - Алиса протянула руку и потрепала братца по волосам. Тот скривился.

- Ты чего?

- Шишка.

- Бедный мой! Давай поцелую...

- Ты прям как мама... Я уже не маленький.

В назначенный день и час подле фонтана в парке Университета собралась небольшая, но дружная компания: Базиль привел приятелей из медицинского, Ника и Романа; Женька с Дюшей притащили с собой какую-то девицу. Та робко представилась Машей и по большей части молчала, хлопая длинными, тщательно покрашенными ресницами. Пашка проницательно предположил, что Дюша привела подружку с видом на знакомство, и оценивающе оглядел девушку. Ничего так... Хотя на его вкус многовато макияжа и колечек в ушах. На крыле носа тоже посверкивал крошечный пирсинг. Оделись ребята вполне по-походному: штормовки или ветровки, джинсы из серии "чтоб не жалко потом выбросить", резиновые сапоги. Все перезнакомились и трепались о том, о сем, поджидая Алиску с проводником. Та опоздала на полчаса и явилась одна, злая как гремучая змея. Швырнула сумку на землю, подняв тучу пыли и сухих листьев, и плюхнулась на край фонтана рядом с Павлом.

- Алиска, в чем дело -то?- спросил Женька.

- В чем- в чем... В том! Нет у нас проводника!

- Почему?

- Потому! Потому что он много захотел...

- Вот блин... Ну, сказала бы, мы бы скинулись, - разочарованно протянул Базиль.

Но Пашка понял, что проводник потребовал плату не деньгами. Он набычился и принялся озираться в поисках потенциального врага.

- Морду набью, - пообещал он злобно.

- Да пошел он! Что мы, так дорогу не найдем?- запальчиво воскликнула Алиса, спрыгнув с фонтана и подбирая порядком изгвазданную сумку.

- Э нет, это не дело – без проводника лезть на незнакомую территорию, - возразил Роман.

- А я пойду! – Алиска закусил губы. – Фонарь есть, мел есть. Веребочку можно привязать, в конце концов!

- Ты больная!- буркнул Павел.

- Ну и пожалуйста! Труссы!

Алиска обогнула фонтан. Мерзкий тип успел рассказать про вход, прежде чем стал ломаться и требовать дополнительную плату.

Вход в вожделенные подземелья находился здесь же, за решетками воздухозаборников в основании чаши фонтана. Одна из решеток держалась на честном слове, и снять ее не составляло особого труда. Алиса пару раз пнула облезлые прутья, и металлическая конструкция подалась внутрь. Девушка согнулась и скользнула в отверстие. Пашка, тихо ругаясь, полез следом. Там обнаружился низкий и порядком замусоренный ход.

- Если это воздуховод, то вот чем мы дышим, - прошептала Алиса, продвигаясь вперед на полусогнутых. Под ногами валялись клочья пыли, сухие листья, банки, бутылки и черт знает что еще. Сзади раздавались негромкие возгласы и перебранка: народ решил все же податься в приключение и теперь просачивался в дыру.

Вскоре ход расширился, и ребята оказались в тоннеле. Павлу и Роману, рост которых был около метра девяносто, приходилось сутулиться и пригибать головы, но остальные двигались вполне нормально. Они выстроились цепочкой (Алиса впереди, естественно) и условились, что будут оставлять метки на стенах. Алиса взяла себе кусок розового мела, а Дюше дала белый. И все двинулись вперед.

Подвалы кое-где освещались тусклыми лампами, местами было темно, под ногами чавкала вода, и гнусно воняло. Они шли через бойлерные, насосные, через пустые помещения, через комнаты, заполненные всяким хламом вроде сломанной мебели или устаревшего оборудования. По стенам, а иной раз по потолку, змеились кабели и трубы теплотрассы. Иногда попадались двери прикрытые, иногда – запертые наглухо. Где-то что-то гудело, пару раз слышался писк вроде крысиного. То ли потому что проводник испортил настроение, то ли еще по какой причине, но Алисе было скучно. Скучно прятаться в темном углу, ожидая, пока пройдут, шлепая резиновыми сапогами по воде, матерящиеся водопроводчики, скучно принюхиваться к острому запаху медикаментов и реактивов, доносившихся из помещения, заполненного полуразломанными ящиками.

- А я почитал про эти подвалы, - глухо бубнил Базиль, подсвечивая фонарем и читая надписи на стенах, по большей части вариации на тему "здесь был".- Говорят, когда здание строили, то выяснили, что почва не выдержит массивный фундамент. Но никто не рискнул доложить Сталину, что в расчетах была допущена столь грубая ошибка, и здание нужно строить заново в другом месте. И тогда придумали гениальный ход: подвижный

грунт под фундаментом залили жидким азотом, который заморозил почву и сделал ее очень твердой. И на минус третьем этаже установлены специальные холодильные установки, которые все время это дело охлаждают. Иначе грунт поползет и здание рассыплется.

- Бред, - коротко вякнул Женька.- Ты прикинь объемы необходимой электроэнергии и риск – никто бы на это не пошел.

- А еще я читал, что в одном из подвалов скрыта пятиметровая статуя Сталина, выполненная из бронзы, - гнул свое неугомонный Базиль.- Ее планировали водрузить на шпиль, но потом рассчитали, что вес будет чересчур велик для башни и сунули куда-то в подвал.

- Если найдем – обогатимся, - хмыкнул Ник.- Бронза нынче в цене, а пятиметровый истукан должен потянуть на тонну.

- Не смей меня! С чего это на тонну?

Парни принялись припоминать удельный вес бронзы и пытались провести устные расчеты.

Алиса злилась. Она шла по подвалу, черкая мелом на стенах, чтобы найти дорогу обратно, и думала, что надо было слушаться Пашку. Уж он бы все сделал как надо: и планы бы нашел, и путь разведаль, и рассказал бы по дороге что-нибудь интересное, а не бред про холодильные установки. Девушка покосилась на своего спутника. Пашка с нескрываемым отвращением смотрел по сторонам. Поймав ее взгляд, он негромко спросил:

- А куда мы, собственно, идем?

- Идея была добраться до южной части подвала, там якобы есть какие-то таинственные тоннели с рельсами и вагончиками, они ведут то ли на Воробьевы горы, то ли вообще за пределы Москвы, - нехотя пояснила Алиса.

- А, ветка метро для правительства, что-то я такое слышал или читал, - подхватил Базиль.

- Нет тут никакого метро, - буркнул Пашка, - Я тоже читал.

За разговорами они брели вперед, проходя через бесконечную анфиладу помещений, протискиваясь в приоткрытые двери и решетки. Оступившись, Павел выругался, закончив фразу высказыванием о том, что не фиг тут вообще делать.

- Вот вечно ты, Пашка, - взъелась на приятеля Алиса.- Не хотел – чего вообще пошел?

- Чтобы тебя, дуру, одну не бросать, - не выдержал тот.

- Ах вот как? – Алиса встала в позу "бой-баба": руки в боки, лицо недовольное. – Дура, значит?

Дура и есть, сказал внутренний голос. Алиса понимала, что и голос, и Пашка правы, но признаться в этом? Правила требовали устроить

полноценную сцену, обидеться и вывернуть все так, чтобы Пашка оказался виноватым и просил потом прощения. Для нее не составило бы труда устроить такое, но... Но Алиса отличалась разумностью (иногда), а потому руки опустила и печально сказала:

- Прав ты, как всегда прав, друг мой Павел. Я дура, что все это затеяла, и что нашла редкостного козла в качестве проводника, и что полезла сюда... Пошли обратно, а?

Народ захихикал, загомонил и с готовностью повернул обратно. Настроение у всех существенно улучшилось, они переговаривались громким шепотом и прикидывали, куда бы пойти посидеть, когда выберутся из этой подземной помойки... Не пустят в приличное место в таком-то виде, да и пропахли мы, наверняка... Все разом замолчали, уперевшись в запертую решетку.

- Черт, заплутали, - протянул Роман.

- Нет, мы не заплутали, мы шли именно здесь...

Павел посветил фонарем на стены. Вот корявая черта, проведенная мелом по штукатурке. Она обрывается подле решетки. Он посветил вперед: там, в коридоре, ясно различима была следующая отметина: розовый мел на грязно-зеленой стене, ошибиться невозможно.

Подергали дверь, попытались открыть замок, покричали, все впустую.

Развернулись и пошли вперед. Теперь ребятам не было ни весело, ни интересно, ни скучно. Им стало страшно. Сигналы мобильных телефонов не пробивались через толщу камня и бетона, громоздящуюся над их головами. Пугало присутствие чьей-то злой воли; человека, который запер дверь, отрезав им путь назад. Никто из молодых людей не сталкивался прежде ни с чем подобным. Да, иногда они смотрели новости по телевизору или в интернете и представляли себе всякие несчастья, поджидающие человека в большом городе на каждом шагу: пьяный водитель, неадекватный полицейский, группа отморожков на пустынной улице. Однако теория и безличная, потенциальная угроза – это одно, а зло, направленное против тебя лично – совсем, совсем другое.

Однако ребята храбрились и шли вперед. В какой-то момент путь раздвоился. Безликий коридор за приоткрытой железной дверью вел в темноту, а другой путь представлял из себя тоннель, уходивший в стену на высоте метра от пола. Тоннель был довольно большой, но двигаться пришлось бы согнувшись в три погибели или на четвереньках. По стенам и потолку змеились кабели.

- И куда пойдём? – неуверенно спросила Дюша.

- Я предлагаю по коридору, – сказал Базиль.

- Плохо то, что здесь есть дверь, - заметил Ник. - Если этот урод идет за нами, он может повторить свой трюк и запереть нас. А если там тупик... Если там тупик, то нам крышка.

Они осмотрели дверь. При желании ее можно было запереть снаружи: имелись скобы для замка. Да что там замок: дверь можно просто припереть чем-нибудь, и тому, кто останется внутри, никогда не сдвинуть с места массивный железный лист, наваренный на раму.

- Мы разделимся, - решительно сказал Пашка.- Часть группы должна остаться сторожить дверь, а вторая часть – пойти искать выход.

Посоветовавшись, решили оставить в качестве сторожей Павла, Женьку и Романа, как самых здоровых, сильный и способных в случае чего дать отпор врагу. Маша и Дюша остались с ними. Они устали и были напуганы до дурноты. Алиса, Базиль и Ник пошли вперед. Здесь уже не было никакого освещения, и ребята подсвечивали дорогу фонарями. А еще внимательно оглядывали стены, опасаясь пропустить развилку. Однако развилки никакой не нашлось. Несколько железных дверей, попавшихся по дороге, оказались заперты намертво. Коридор тянулся и тянулся, безликий и темный, он сворачивал то направо, то налево и невозможно было представить себе, где именно, в какой точке территории университета, под каким зданием или сквером они оказались. И вдруг все кончилось: коридор завершился банальным тупиком. Некоторое время ребята стояли, прислонившись к стенам и чувствуя упадок сил и страх. Потом Базиль хрипло сказал:

- Пошли обратно, попробуем тот тоннель.

- погоди, - прошептала Алиса.- Вы ничего не слышите?

Все трое замерли, стараясь даже дышать как можно тише. Да, вот опять... то ли шелест, то ли шорох.

- Это, наверное, крысы...

- Но здесь воздух свежее...

Лучи трех фонарей заметались по стенам и потолку, и они нашли, что искали: ряд металлических скоб на стене вел к крышке в потолке тоннеля. Крышка была черная, массивная, но по бокам имелись узкие щели и в них что-то мелькало. Базиль раньше других вцепился в скобу и полез вверх. Он уперся плечами в крышку, но она не поддавалась. Тогда он крикнул:

- Эй, есть там кто? Вытащите нас!

Алиса вздрогнула. Почему-то ей казалось, что не надо здесь кричать. Однако ничего не произошло. Некоторое время Базиль сопел и ворочался под потолком, потом слез и согнулся пополам, отдуваясь.

- Черт, чуть не сверзился. Там улица, но... собаки, что ли, бродят: сопит кто-то и пахнет так.... Мерзко.

Ник тоже залез по скобам, толкал крышку люка то руками, то плечом, потом вскрикнул и быстро спустился обратно:

- Черт, оцарапался!

- О крышку?

-Н-нет, кажется, это был чей-то коготь... Алиска, не ходи туда!

Но Алиса уже поднималась, цепляясь за скобы. Она не стала дергать крышку, справедливо рассудив, что если ни одному из двух здоровых парней не удалось ее открыть, то ей и пытаться нечего. Вместо этого она велела ребятам выключить фонари и постаралась разглядеть что-нибудь в щель люка. Там, снаружи, дул ветер. Отверстие в потолке, несомненно, вело на улицу, однако в поле зрения девушки не было ни одного фонаря. Кругом клубилась серая мгла, в которой метались черные тени и поблескивали огоньки глаз и влажные клыки. Вот мимо люка скользнула... нет, это не собака, подумала Алиса. Или очень странная собака. Слишком угловатое тело и совсем короткая шерсть. Цокающий звук... Должно быть, его издают когти. Глаза животного поблескивают в темноте то красным, то желтым огнем. Вот тварь метнулась к люку, и в щель просунулись когти. Вцепившись в скобу, Алиса с трудом, но разглядела в сером сумраке тощие пальцы с длинными когтями. Морда животного приблизилась к щели, и на девушку пахнуло удушающим трупным запахом, влажные клыки лязгнули по крышке. Алиса отшатнулась, но успела заметить, что мимо крышки люка мелькает много теней.

Спустившись, она сказала:

- Пошли обратно. Даже если поднимем крышку, наружу не выбраться: они нас просто разорвут. Там их с десятков.

- Бродячие псы, что ли?

- Наверное.

Обратный путь всегда кажется короче, и до развилки ребята добрались довольно быстро. Пашка шагнул навстречу, с тревогой вглядываясь в лица друзей.

- Имеется тупик и люк в потолке, - доложил Базиль, - но он заперт и над ним пасется стая... собак. Крупные и злобные. Пытались добраться до нас. Думаю, надо попробовать тоннель.

И они полезли в тоннель. Двигались один за другим, согнувшись, мимо проводов, подсвечивая дорогу фонариками и стараясь не обращать внимания на писк крыс и мерзкий запах крысиного помета.

Тоннель не подвел, хоть и заставил поволноваться. Железная дверь, преградившая дорогу в конце, оказалась хлипкой, и парни выбили ее совместными усилиями. Ребята выбрались из дыры в стене, помогли спуститься девочкам и оказались в маленьком и тесном помещении. Посветив фонарями, они увидели металлический короб с торчащими обмотками проводов.

- Трансформатор, - радостно констатировал Ник.

Погасив фонари, ребята припали к щелястой двери. Разглядели снаружи асфальтированную дорожку, кусты, похоже, где-то неподалеку имелся фонарь. Пахло вечером и прелой листвой. Они уже хотели ломать дверь, но Алиса, увидев метнувшуюся под фонарем тень, схватила Павла за руку.

- Подожди, надо присмотреться...

Она присела на корточки и сидела тихо, прислушиваясь и изо всех сил вглядываясь в темноту снаружи, однако дорожка перед будкой было пуста. И вдруг подле самой двери раздались цокающие шаги, сверкнули желтые глаза. Алиса шарахнулась прочь и плюхнулась на попу, но Дюша засмеялась и сказала:

- Да вы чего? Это же просто собака.

Теперь все поняли, что это и правда какой-то мохнатый дружок обнюхивает будку и поскуливает то ли от удивления, то ли от испуга.

Несколько богатырских ударов плечами, и дверца трансформаторной будки распахнулась. Вся компания вывалилась на улицу и, настороженно озираясь, устремилась на свет фонаря. Буквально через несколько минут по правую руку на фоне темного неба возник изящно подсвеченный силуэт Главного Здания, и все вздохнули с облегчением. Теперь они поняли, что находятся подле биофака и легко выбрались на дорогу. Взглянув на циферблат часов на башне, Алиса охнула: почти два часа ночи. Родители наверняка с ума сходят! Но телефон молчал. Быстрая инспекция показала, что мобильники у всех разрядились и позвонить нет никакой возможности. Помимо вполне реальных перспектив нагоняя, ребята вдруг осознали, насколько устали от своего затянувшегося приключения. У Алисы подкашивались ноги, внутри все дрожало как противный кисель, и временами наплывала дурнота. Ни у кого не было желания продолжать вечер, и молодые люди торопливо распрощались. Пашка поймал машину, довез Алиску до дома, убедился, что она вошла в лифт, и отправился домой.

Само собой Алиса получила сполна: мама плакала, отец злился, ее наказали, лишив обещанных денег на новый телефон, но хуже всего было чувство вины, с которым девушка смотрела на плачущую маму и дрожащие

губы отца. Лешка не преминул внести свою лепту: высунулся из комнаты и обозвал дурой.

Алиса долго отмокала в ванной, стараясь отбить запах подземелья, всю одежду запихнула в стиралку, а сапоги просто выбросила. Однако увиденное в подвалах не давало покоя, и через пару дней Алиса зазвала Пашку в гости, некоторое время подлизывалась, расспрашивая, как дела и вообще, а потом ей это надоело и, не дослушав про лабораторную, которую приятель "чуть было не запорол, потому что" ... быстро сказала:

- Пашка, сходи туда со мной еще раз.

Он осекся, вытаращил глаза, потом спросил:

- Ты совсем сдвинулась, да?

- Послушай, я же не просто так! Ну, хочешь, спроси Ника, он тоже видел... там было что-то странное, над тем люком. Твари такие... не знаю, кто это мог быть, но не собаки. Не бывает у собак пальцев с когтями.

- Нет, - приятель глянул исподлобья. – Не пойду.

Алиса подъезжала к нему так и этак, но Павел был непреклонен. В конце концов он разозлился и ушел. На следующий день после занятий неумная девица отправилась посмотреть на ту трансформаторную будку, из которой они выбрались ночью; одной идти не хотелось, но и любопытство снесало. Однако будки никакой на том месте не оказалось. Алиса побродила по дорожке, поглазела на свежий асфальт и поняла, что этот путь отрезан.

Павел злился. Вот ведь, коза, еще раз в подвал захотела! И куда только мозги девались... А Алиса, помучавшись пару дней, вдруг вспомнила о его обещании сводить ее на крышу МГУ. Она опять насадила на приятеля, то капризная, то уговаривая. Павел поворчал, но согласился, поставив единственное условие: экскурсия состоится днем. Следуя обещанию, он провел большую подготовительную работу; хотелось быть уверенным, что они не облажаются так, как в подвале.

Само собой, тщательная подготовка принесла свои плоды: встретившись после третьей пары подле входа в зону Б, они поднялись в одну из башен Главного Здания, где расположено студенческое общежитие, из окна по специальной лесенке спустились на крышу, и перед ними открылся фантастический вид.

Парк, фонтаны, дорожки и цветники, а еще дальше - панорама города. Странно было взирать на людей и дома с такой огромной высоты, чувствовать ветер и некую избранность: тут мало кто бывал, а сейчас вся крыша находилась в их полном распоряжении.

- Пашка, ты прелесть, - Алиса, сидевшая на краю крыши, свесив ноги, обняла приятеля за шею и чмокнула в щеку.- Ой, колешься! А туда можно? – она ткнула пальцем в возвышавшуюся за их спинами центральную башню.

- К звезде не полезем, - быстро сказал Павел.

- Нет? Ну, ладно... А там, в башне, что? Ректорат?

- Много чего. Например, там есть музей геологии, на 23 этаже.

- О? Хочу в музей!

Павел вздохнул, и они пошли в музей.

Само собой Алиска не собиралась рассматривать никакие экспонаты, а переходила от окна к окну, что-то фоткала и стонала от восторга. Крайне недовольная тетенька- смотрительница ходила следом и не спускала глаз с молодых людей.

- Паша, это что? – девушка ткнула пальцем за окно.

- Где? Камень выщербленный, что ты как ребенок.

Но Алиса, закусив губы, смотрела на каменный карниз за окном. Его пересекали борозды, и только идиот не узнал бы в этих канавках следы когтей. Но это ведь чушь... Тень закрыла солнце, Алиса шарахнулась от окна, глянула вверх и увидела большую темную тучу. Ветер гнал ее по небу, она расплзлась, зашторивая собой синеву и делая окружающую реальность более тусклой. Переведя дыхание, девушка перехватила взгляд тетки -смотрительницы. Та оловянным солдатиком торчала в углу и следила за молодыми людьми, поджав губы и прищурившись. Взгляд ее показался Алисе очень недобрым, а выражение лица – хищным.

Она потянула Пашку к выходу из музея. Они подошли к дверям лифта и, оглянувшись, Алиса увидела на лице тетки что-то вроде злорадной усмешки. Повинуясь непонятному импульсу, она дернула Пашку за рукав:

- Давай пойдем по лестнице.

- Почему?

- Я... у меня в лифте голова кружится.

Он взглянул удивленно, но послушно повернулся и обвел взглядом холл. В стенах была единственная дверь и вела она в музей. Смотрительница как раз запирала замок на решетке.

- Простите, - Паша сделал широкий шаг и, просунув руку через решетку, придержал дверь: - А где здесь лестница?

- Тут только лифт.

- Но этого не может быть! По правилам пожарной безопасности должна быть лестница...

- Лестница в другом конце музея и я не собираюсь опять открывать двери. Лифт работает, так что не выдумывайте.

И действительно: механизм грохнул, и лифт гостеприимно раздвинул двери. В их лязге Алисе послышалось что-то зловещее, но Павел молча шагнул в лифт и потянул ее за собой.

- Вообще-то безобразия,- пробурчал он. – Решетки эти... случись что – никто оттуда не выберется... А лифт в стиле ретро, да? Ручки бронзовые, и даже стульчик есть.

- Это называется банкетка, - пробормотала девушка, опускаясь на обитое вишневым синим бархатом сидение.

Может, я заболеваю, тоскливо думала Алиса. Ее трясло, внутренности опять дрожали противным киселем. Со времени той экспедиции по подвалам Высотка и прилегающие к ней старые здания наводят на нее страх...

- Паша, ты сейчас куда?

- Работать, - буркнул Павел. – Ты не забыла, что мы тут не балду гоняем?

Они благополучно выбрались из лифта на 13 этаже, пересели в другой, более демократичный, и вскоре оказались в холле. Алиса уже хотела было начать высмеивать приятеля: тоже мне работник, научный сотрудник, блин, в Университете без году неделя... в смысле 2 курс, но это все равно еще статус салаги, человеком тебя начинают считать только после третьего курса. Но насмешки почему-то застряли на полдороге, она просто махнула рукой и пошла к выходу. Пашка смотрел, как худенькая фигурка с копной рыжих волос скрылась в проеме крутящихся дверей и вздохнул. До чего Алиска все-таки своенравная... Потом мысли его вернулись к делам насущным. Надо бы поесть, а то потом в лаборатории опять придется угощаться плодами творчества профессора Кислевского, который работает над синтетическими белками и выращивает "в пробирке" всякое... ну, типа "мясо" или рыбу". Хотя на самом деле это просто белковая масса, дополненная вкусовыми добавками. Результаты профессор честно пробует сам, а также норовит приспособить к этому своих студентов. Павел взглянул на часы и пристроился к недлинной очереди в буфет. Хорошо бы супу и мяса, но до столовой пока дойдешь... Так что придется ограничиться сэндвичем и соком.

Вообще-то Алиса зря пыталась преуменьшить значение научных изысканий своего друга. Еще будучи учеником средних классов, Пашка Зайцев ходил в Школу юного биолога. Мама его преподает в Университете биохимию, и сын, сколько себя помнит, крутился в лабораториях и на кафедре. Иногда мать просила его помочь своему научному руководителю, одному из факультетских отцов-основателей, профессору Рейниму, который с возрастом почти ослеп, но остроты ума не утратил, лекции читал блестяще

и на конференциях выступал с неизменным успехом. Так и получилось, что иной раз вместо уроков Паша летел с профессором на конференцию во Владивосток или еще куда-нибудь, приходил в сплошь заставленную книгами и заваленную рукописями квартиру, печатал под диктовку статьи профессора, читал ему работы коллег и внимательно слушал научные дискуссии. Когда Павел написал свою первую работу по биохимии и генной инженерии, он принес ее Рейниму и, заикаясь от смущения, попросил уделить ему пять минут. Старик указал на стул, подставил лицо солнечному свету, падающему из окна, и сказал:

- Прошу вас, юноша.

Выслушав, долго молчал. Опершись на подлокотники деревянного, обитого кожей кресла, встал. Подошел, осторожно провел сухой ладонью по лохматым Пашкиным волосам, высокому лбу и курносому носу.

- Вот, значит, как.... Вы сын Тамары?

- Да.

- Что ж, мой мальчик, я рад. Вы где сейчас учитесь?

- Я закончил первый курс биофака. Но статью писал по результатам исследований ваших и мамы... Только мне кажется, - Пашка глянул в незрячие глаза, и, набравшись наглости, выпалил: - Мне кажется, вы идете по тушиковому пути. Работы Найруллина представляются мне более перспективными. – Высказав эту крамолу, молодой человек с испугом взглянул на старика, который опять уселся в кресло, но профессор Рейним только хмыкнул и сказал:

- Это явствует из вашей статьи. Но хотелось бы подробнее остановиться на том моменте, где вы говорите о влиянии волновых факторов на клетки крови. Сколь мне помнится, исследований по этому поводу не велось.

- Да... то есть нет, не велось! Но на прошлой конференции, помните, выступал один финн, и он рассказывал очень интересные вещи о внутриклеточных и межклеточных связях. Если его теорию наложить на исследования Найруллина, то вектор указывает на важность именно волновых воздействий.

Некоторое время Павел с жаром излагал свои идеи, потом смущенно умолк. Профессор сказал:

- Думаю, молодой человек, вам нужно завязывать с работой поводыря. Это непроизводительно, терять время таким образом.

- Нет-нет, я все успеваю, вы не волнуйтесь!

- Не спорьте, юноша! – Старик похлопал его по руке. – Вы не понимаете пока, что времени у человека мало, а сделать нужно так много.

Просто послушайте старика. Я поговорю с Найруллиным. Ему, кажется, нужен лаборант. Это позволит вам присутствовать в лаборатории на законных основаниях и учиться непосредственно у корифеев. Статью оставьте, я ему сам отдам, вас он так сразу слушать не станет.

Так и получилось, что Павел стал сперва лаборантом, а потом вошел в группу ученых, которые работали над проектом "Иерихон". Проект финансировался не столько государством, сколько концерном, во главе которого стоял известный бизнесмен Анатолий Громов. Название, впрочем, придумал не он, а профессор Рифат Найруллин, ученый с мировым именем в области биофизики. Он занимался изучением воздействия волновых излучений на живые организмы. Тема была не нова, и многие ученые, например швейцарец Ханс Йенни, японский ученый Эмото Масару, и российский исследователь П.П. Горяев исследовали последствия воздействия звука на живые организмы. И все же прежние разработки не выходили за стадию накопления данных и проведения опытов.

Рифат Найруллин решил провести массированное исследование по всем направлениям: начиная от воздействия звука различной частоты и мощности на неживые объекты, до реакции на различные звуковые волны клеток живых организмов, растений и животных, в частности, клеток крови. Он свято верил, что звуковые волны таят в себе огромный потенциал.

Помните библейскую историю о падении города Иерихон? После смерти Моисея лидером иудеев стал Иисус Навин. Повинуясь воле своего Бога, он возглавил военный поход на Иерихон, который – и тому есть археологические подтверждения – являлся прекрасно укрепленным для своего времени городом, с мощными каменными крепостными стенами и башнями.

Первое чудо случилось, когда армия должна была переправиться через реку Иордан. По словам рассказчика, воды реки вдруг иссякли, и войска перешли на другой берег по сухому дну.

В течение семи дней армия окружает городские стены. На седьмой день войско обошло город семь раз в сопровождении священнослужителей, дующих в трубы. И стены города пали, причем перевод текста довольно однозначный: защитные сооружения обрушились именно от звуков. Да и не могло быть по-другому, потому что у иудеев не было техники, способной разрушить высокие каменные стены: ни таранов, ни штурмовых башен.

Этот библейский сюжет не является единственным свидетельством того, что звук может оказывать необычное и сильное воздействие на окружающий мир. Вспомните сирен, лишавших разума моряков. Или наговоры, и заклинания, оказывавшие на организм человека воздействие на

уровне самом что ни на есть физиологическом. В последнем ученый был особенно уверен: его бабка лечила древними наговорами. Сколько раз, закрывая глаза, Найруллин вызывал в памяти картинку из детства: у него опять начинается ангина, утром мама трогает лоб, потом идет за ложкой и заглядывает мальчику в рот, неприятно прижимая язык черенком ложки. Качает головой, целует его, велит вернуться в кровать. Он слышит, как в прихожей она разговаривает по телефону, потом убегает на работу. Рифат ждет, пока закроется дверь, тут же выбирается из постели и идет к окну. Горло болит, мальчик судорожно сглатывает, но такое впечатление, что в горло попадает песок и больно царапается. Мальчик забирается на письменный стол и подползает к подоконнику. Смотрит на улицу и ждет. Вот у подъезда останавливаются старенькие жигули цвета "охра". Дядя осторожно паркует машину, выходит, открывает дверцу и помогает выбраться бабушке.

Мальчик тотчас слезает со стола и бежит к кровати. Ноги замерзли, его трясет от поднимающейся температуры. Он не любит бабушку: она похожа на бабу-ягу и от нее вечно пахнет чем-то кислым. Но зато он уверен, что завтра или послезавтра сможет пойти в школу и гулять с ребятами, а ради этого нужно потерпеть. Дядя только заглядывает в комнату, здоровается, придвигает стул к кровати и сразу идет в кухню, ставить чайник и делать травяной настой, которым маленького Рифата будут поить всю неделю. Мальчик вытягивается на кровати и смотрит на старуху, которая основательно усаживается на стул и ощупывает мальчика холодными и жесткими руками. Когда он был малышом, то плакал, но теперь сжимает губы и молчит. Наконец бабушка начинает напевать и бормотать. Постепенно тело мальчика расслабляется, его перестают беспокоить сухие твердые пальцы, которыми бабка надавливает на грудь, на горло, на голову. Непонятные слова подхватывают его, несут куда-то, и он слышит шорох травы и стук копыт табунов, пасущихся в степях, плеск воды о прибрежные скалы и деревянные борта судна, шорох листвы в дубовых лесах ... Мальчик засыпал и спал иной раз до следующего утра, а просыпался практически здоровым. Раз за разом, уже взрослым, Найруллин пытался вспомнить, разобрать те слова, которые шептала бабушка, но ничего не получалось, все тонуло в волшебной пелене времени.

Уже став взрослым и заинтересовавшись феноменом звука и его воздействием на клетки живых организмов, он вспомнил бабушку и ее заговоры. Старухи уже много лет не было в живых, но Рифат обошел всю родню, надеясь, что кому-то достался тот же дар или передались знания.

Однако все его родственники оказались совершенно обычными людьми, и никто не помнил старинных лечебных наговоров.

Рифат пробил на ученом совете тему, собрал команду ученых: биофизиков, биохимиков, генетиков и других, еще более узкопрофильных специалистов. Подал заявку на конкурс перспективных грантов, объявленный концерном Громова. К собственному удивлению был зван на встречу с самим Громовым, который угощал ученого прекрасным кофе и расспрашивал о разработках и исследованиях, проявив редкое для неспециалиста знание предмета. Бизнесмен с огромным интересом слушал объяснения и рассуждения ученого о возможных перспективах проекта и, к изумлению Найруллина, тоже помянул Иерихон.

- До сего дня звук труб иерихонских остается самым загадочным звуком в истории, - сказал он. - Надеюсь, и эту тайну вам удастся раскрыть.

- Я не буду разрабатывать оружие, - сказал Рифат, глядя в яркие глаза миллиардера. Тот улыбнулся, потер щеку ладонью и сказал:

- Думаю, такой же разговор вели многие до нас с вами, Рифат Камилевич. Резерфорд и отец атомной бомбы Роберт Оппенгеймер также терзались сомнениями в правильности того, что они делают. Многие открытия и разработки представляют собой обоюдоострые лезвия...

И аргументы мои будут не новы: лучше мы и раньше, чем они и скоро. В перспективе, если открытие состоится, звуковые волны могут стать инструментом будущего, вы согласны? Горнодобывающая промышленность, медицина... да вы лучше меня все понимаете. И если наше государство сохранит и укрепит былую мощь, мы сможем контролировать процесс применения этой новой технологии.

Рифат не нашелся, что возразить. Так родился проект "Иерихон".

Пашка встал и поймал себя на том, что кряхтит как какой-нибудь старый пень. Сколько же он просидел тут, сравнивая образцы и записывая результаты тестов? Черт, уже четыре часа! В животе заурчало. Ну понятно, где тот сэндвич, рассосался уже, и есть опять хочется. Он вздохнул. Надо завести еще одну серию тестов, на что неизбежно уйдет часа два, а то и больше. Ладно, перерыв. Павел вышел из кабинета, запер дверь и огляделся. Сегодня он проводил тесты с растительными клетками, для чего явился во владения Сергея Михайловича Микчурина, заведующего кафедрой физиологии растений, в старое здание биофака. Все лаборатории Найруллина располагались в новых корпусах: светлых, отделанных современными

материалами, напичканных суперсовременной аппаратурой. Биофак же занимает здание сталинского ампира, этакий раритет, с полутемными коридорами, скрипучим паркетом, бронзовыми (или латунными?) люстрами. Павел приходит сюда на занятия и на кафедру физиологии растений, где проводятся опыты с растениями. Все помещения кафедры заставлены цветами. Причем, невзирая на недостаток света и жуткие сквозняки, тут цветут бугенвиллеи, розы, рододендроны и прочие растения, редко чувствующие себя комфортно в условиях средней полосы. Фамилия завкафедрой, так созвучная знаменитому садоводу Мичурину, вызывала бесконечный поток беззлобных шуток, в которых изощрались не только коллеги, но и студенты Сергея Михайловича. Но Сергей Михайлович не обижался. Он лишь улыбался, поглядывая на окружающих сквозь дымчатые стекла очков. Небольшого роста, сутулый, он говорил мало, но пользовался огромным уважением как у студентов, так и у преподавателей. Его негромкий голос и щуплая фигура создавали обманчивое ощущение хрупкости, но на самом деле профессор был довольно молод – около пятидесяти, и крепок: на его счету числилось немало экспедиций в отдаленные и труднодоступные уголки планеты. Все знали, что он разговаривает с растениями, считали это безобидным чудачеством талантливого человека и беззлобно посмеивались.

Проходя по лаборатории, Павел едва не сшиб с ног девушку, которая выскочила из-за высокой пальмы.

- Ой! – девушку шатнуло, и Павел схватил ее за плечо.- Ой, больно!

- Простите, я испугался, что вы упадете.

- А я бы и упала. Вы как трактор!

- Простите, - Павел потупился, глядя на нее с высоты своих 190 см и на всякий случай сделал шаг назад: кроссовки у него 45 размера, если на ногу наступить, она еще не так разорется...

- А вы кто? – с интересом спросила девушка, внимательно разглядывая белокурого великана.

- Павел. Я лаборант.

- И я лаборант! – Девушка засмеялась. – Думала, я тут одна с этими джунглями мучаюсь.

- Я с другой кафедры, здесь по работе. А как вас зовут?

- Лера. А давай на "ты" и в буфет пойдем, кофе хочется – смерть просто.

Через десять минут они сидели на высоких стульях в буфете с патетическим названием "Приют гурмана" и болтали, как старые знакомые. Павел смотрел на яркую брюнетку с карими глазами и ямочками на щеках и

думал, что он никогда еще не встречал такой замечательной девушки... такой красивой, умной, веселой девушки. Они проговорили больше получаса, потом вместе вернулись на кафедру и, только вставив в дверь ключ, Павел очнулся. Обернувшись к Лере, и чувствуя, что краснеет, он сказал:

- Тебе сюда нельзя. Я провожу тесты по проекту другой кафедры, поэтому не положено.

- Ой, ты, может, засекреченный агент? – Лера фыркнула, но Павлу все же показалось, что она обиделась. Пожав плечами, девушка ушла. Заперев дверь и усевшись за приборы, Павел вздохнул, но тут же воспрянул духом, вспомнив, что еще в буфете они обменялись номерами телефонов, потому что он обещал скинуть ей ссылку на один прикольный ресурс, который позволяет увидеть жизнь Университета в неожиданном свете.

Лера, затерявшись среди пышной листвы многочисленных растений, остановилась и прислушалась. Вот он закрыл дверь и заперся изнутри. Она достала из кармашка белого лабораторного халата веточку, усыпанную белыми, словно восковыми цветами, вдохнула сладкий, кружащий голову аромат и прошептала:- Никуда он от нас не денется. Никуда...

Адриан стоял на краю котлована, и ему казалось, что у его ног разверзлась могила. В этой братской могиле будут похоронены все его мечты, надежды и тщательно выстроенные и продуманные планы. Никогда прежде не ощущал он так остро ограниченность и малость собственных сил. Столько лет он готовил и вынашивал этот план, столько лет и вот все рухнуло! Чертовы идиоты, так похвалявшиеся своими знаниями и тайным могуществом, не смогли удержать баланс мировых сил. Мироздание дрогнуло, и разразилась война. И вот теперь в котловане кишит человеческий муравейник, разрушая фундамент его надежды, его будущее. Он столько сил положил, чтобы найти Архитектора, который построит Башню. Годы понадобились, чтобы знаки указали на Иофана. И Адриан смог направить его, подсунуть через Бразини нужные знания, обучить, привезти в Россию. Борис не подвел, он и правда, наверное, отмечен искрой или даром: его расчеты Башни выглядели безупречно, он, казалось, нашел ключ, соединив мудрость пирамид со ступенчатостью зиккуратов и устремленностью ввысь творения Вавилона.

Мысль о грандиозном сооружении должна была овладеть умами многих, и внедрять ее приходилось исподволь. И вот, наконец, на Первом съезде Советов в Москве в декабре 1922 года, в выступлении Кирова звучат слова о необходимости возвести в Москве такой дворец "который, по-

моему, должен быть выстроен в столице Союза, на самой красивой и лучшей площади, там рабочий и крестьянин должен найти все, что требуется для того, чтобы расширить свой горизонт. Я думаю, вместе с тем, что это здание должно явиться эмблемой грядущего могущества, торжества коммунизма, не только у нас, но и там, на Западе"¹.

И речь, и предложение о постройке дворца встречено было с должным восторгом, но, как всегда на Руси, "скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается". Голод, разруха, отсутствие завершённого проекта – масса объективных и субъективных факторов заставляли Адриана выжидать.

И он ждал, плетя интриги, тщательно стараясь оставаться в тени, ибо те, на кого падали лучи славы советской истории, сгорали слишком быстро. В 1924 году умер Ногин, успев отмежеваться от Зиновьева и Каменева, и тем хоть как-то продлив свое существование.

Рыков в 1930 году был снят со всех значимых постов и его политическая карьера фактически закончилась.

Киров, который не боялся никого и ничего, не желал отмежевываться, брать свои слова обратно и просить прощения за то, что действовал по приказу партии и велению совести, был убит в 1934. Адриан цепко держался за островок власти, все время оставаясь в тени значимых фигур и упорно шел к своей цели: в 1931 году было проведено несколько архитектурных конкурсов на лучший проект Дворца Советов. Предварительные конкурсы не принесли ничего интересного, и тогда был объявлен Всесоюзный открытый конкурс с приглашением к участию всех желающих, в том числе иностранцев. Все 160 присланных работ были показаны на выставке в Музее изящных искусств в 1932 году.

Борис Иофан был среди тех, кто получил премию за лучший проект, хотя ни один из вариантов не был одобрен официально. Поразил всех проект, представленный на конкурс Армандо Бразини. Итальянец не просто передал своему молодому ученику документы для исследования, он и сам продолжал работать над ними, искать то утерянное золотое сечение, которое должно превратить архитектурную форму в нечто большее. В представленном на конкурс проекте Бразини композиция здания состояла из высокой, многогранной башни, построенной в виде вытянутой пирамиды, которую венчала статуя Ленина. На меньших, прилегающих башнях,

¹ I Съезд Советов СССР. Стенографический отчет. М., 1922. С. 15–16. См. также: За социалистическую архитектуру. Сборник важнейших материалов. М., 1937. С. 7–8.

располагались прожектора, призванные освещать фигуру вождя мирового пролетариата.

Номинально ни один проект не получил официального одобрения, но в постановлении Совета строительства Дворца Советов перечислялись черты проекта Бразини, как предпочтительные.

Адриан сам привез опубликованный текст постановления Иофану и сказал:

- Готовь настоящий проект. Наша задумка с засланным казачком - Бразини - удалась.

- Знаете, я вдруг усомнился, - Борис Иофан отложил газету, которую успел пробежать глазами. - Ведь постройка такого здания потребует огромных капиталовложений, ресурсов, ... не говоря уж о полном разрушении облика старой Москвы. Время сейчас такое... сложное. Не слишком ли грандиозен план?

Адриан взглянул на архитектора презрительно: пешка, она и есть пешка, хоть и прошла практически в дамки. Однако он улыбнулся дружески, хлопнул Иофана по плечу и уверенно сказал:

- Вот тут, друг мой, ты заблуждаешься. Цель оправдывает средства, а наша цель - изменить этот мир. Ресурсы найдутся. Делай расчеты и готовь проект.

Адриану потребовалось все его мастерство внушения и огромные силы, чтобы заставить людей поверить в его идею и донести эту веру до вождя. Сталин, к сожалению, внушению не поддавался, и Адриан избегал встреч с человеком, на которого не мог повлиять и действия которого не умел предсказать. Он, посвященный высших оккультных знаний, человек исключительных способностей, проживший на свете в два раза дольше любого из смертных и не собиравшийся умирать вовсе, Адриан боялся вождя. Сколько раз смотрел он издали на невысокую плотную фигуру во френче и не видел ничего, кроме темной глыбы. Ни мысли, ни чувства человека по имени Иосиф Сталин не просачивались наружу, а интуиция подсказывала Адриану, что нельзя вступать в контакт с тем, чего ты не понимаешь. Действовать приходилось обходными путями, и тем не менее он смог отодвинуть за задний план таких могучих архитекторов, как Жолтовский и Щусев, и добиться утверждения проекта, который нужен был ему самому.

В 1931 году взорван был Храм, и на его месте начали возводить фундамент Башни, которая для всех, кроме Адриана, была Дворцом Советов. Ожидалось, что Башня станет самой высокой в мире - 420 метров и 70 метровая статуя на вершине. Астрологические расчеты

показали, что проект должен быть закончен к 1945 году. Когда сойдутся в нужном порядке небесные светила, собственной силы Адриана и силы поработанных им душ хватит, чтобы открыть людям новый мир...

И вот чертова война смешала все карты. Металлические конструкции фундамента разбирают: часть пойдет на противотанковые ежи, а оставшийся металл используют для починки мостов. Кто бы ни выиграл войну, думал Адриан, я свою битву уже проиграл: этот проект стал бессмысленным. Нужно садиться за новые расчеты, искать и ждать следующего благоприятного момента...

Адриан вспомнил вдруг историю, рассказанную ему одним из астрологов-расчетчиков, человеком, которого Адриан использовал для определения времени и места постройки Баши. Отметив серебряной булавкой нужную точку на карте Москвы, старенький профессор астрономии печально покачал головой и проговорил:

- Не знаю, что из вашего плана получится, сударь мой. Недоброе это место.

- Вы из-за того так считаете, что тут храм стоит?

- Да храм-то что ж, ему, видать, судьба такая... хотя жалко, знаете, жалко! – старик все качал головой. - Ведь на народные деньги строился... Врубель, опять же, расписывал, талантливый был человек... Я про само место. Тут ведь и прежде церковь была.

- Что не так? – нетерпеливо спросил Адриан. – На мой взгляд, тот факт, что здесь и раньше, до Храма Христа Спасителя, стояла церковь, указывает на особенность и необычность этой точки поверхности земли. Предки наши, знаете ли, на каком-нибудь невнятном пустыре храм строить бы не стали. Места тогда выбирать умели.

- Это конечно, сударь, - профессор пожевал сухими губами, глянул вверх пенса. – Однако тут раньше была не просто церковь, а обитель. Алексеевский женский монастырь. Монахини обороняли его в 1812, не испугавшись французов, а после войны император Николай Первый приказал обветшавший монастырь снести, а обительниц его переселить в Красное село. Было это... - астроном задумался и не совсем уверенно сказал, - в году 1837, кажется. Настоятельница не хотела покидать обитель и велела приковать себя к большому дубу, росшему подле храма невесть сколько лет. Конечно, с глупой бабой справились, приказ есть приказ. Но игуменья прокляла то место и сказала, что ничто на нем стоять не будет.

Старичок примолк и несколько опасливо глянул на слушателя. Адриан сидел с закрытыми глазами. Да, наверное, так все и было... И дуб там, конечно, неспроста рос. Старый был дуб, он помнил еще волхвов. Слова

обезумевшей от горя женщины зацепились за его ветви, соткали паутину заклятья... Время прошло, и оно ослабело. Да и иконы христианские должны были помочь, все-таки храм простоял там какое-то время. И все же... он очнулся от раздумий и попросил старика проверить расчеты еще раз. Тот не стал возражать, пробормотав, что не единожды счел уже все, что требуется, но ведь можно и еще раз пересчитать.

Неужели всему виной то проклятие? Адриан зябко поежился. На него разом нахлынули звуки, поднимавшиеся из котлована: рев и скрежет, крики рабочих, лязг металла. Преисподняя, одним словом. Он поднял воротник пальто. Старичок-астроном был в своем деле хорош, но он умер, и нужно искать новых помощников. Проводить новые расчеты и искать место, где он сможет возвести Башню. Я все равно не откажусь от своих планов. Пока идет война, нужно набраться сил и подготовить новый план действий. И, отвернувшись от фундамента, Адриан зашагал к машине.

Алиса вот уже почти час сидела на диване в гостиной, поджав ноги, обхватив себя руками за плечи, и тупо смотрела в одну точку. Правда, до этого она пыталась рисовать: на полу валялось несколько листов картона. Вернувшийся из школы Лешка покосился на жутких угловатых тварей, которых изобразила сестрица, прошел в кухню, перехватил пару бананов, запил чаем с вареньем, потом направился обратно к себе в комнату, а Алиска все сидит. Он подошел и тронул ее за плечо:

- Ты чего?

- Ничего, - неубедительно отозвалась девушка.

- Болееешь, что ли?

- Нет вроде... так.

- С Пашкой поссорилась?

- С чего ты взял?

- Так не звонит и не приходит. То все тут пасся, я уж думал, может, пусть у меня живет, вместе с тараканами, - схамив, Лешка на всякий случай отодвинулся в сторону, но сестра лишь передернула плечами.

- Это что за монстричий зоопарк? – спросил он, пошевелив лист бумаги носком тапка.

- Так, бред какой-то привиделся.

- Что бред, так это точно. Лучше Тайсона нарисуй.

- Да рисовала уже!

- А он полинял, теперь красивый такой...

Алиса вздохнула: братик чокнутый, это точно. Тайсоном он назвал любимую ящерицу, и хоть бы игуана какая-нибудь солидная была или варан там. Так нет, банальный геккон. Впрочем, надо отдать Тайсону должное: комаров и мух он ловит мастерски.

- Давай в другой раз, - сказала она, потому что рисовать свежеполиявшего геккона не хотелось. Лешка надулся и ушел. Алиса закрыла глаза и стала думать о Пашке. Жаль, что он не ходил тогда с ними к люку и не видел тварей. Пашка человек трезвомыслящий до занудства и уж он бы точно все разглядел и не стал бы мучиться вопросом: привиделось- не привиделось. А кстати, Лешка был прав: куда это приятель подевался?

Алиса нехотя сползла с дивана и отправилась на поиски мобильного. Просмотрела СМС-ки и почту, однако от Павла не было ни посланий, ни звонков. Странно вообще-то. Она набрала номер и, услышав его короткое "Да", сказала:

- Привет! Куда пропал?

- Работаю.

- И что? С утра до ночи и с ночи до утра?

- Именно.

- Давай сходим куда-нибудь, а? Тоскливо что-то...

- Я же сказал, у меня много работы. И тосковать мне некогда, - в трубке запищали гудки.

Алиса в полном обалдении смотрела на телефон. Это что вот сейчас такое было? Никогда Пашка с ней так не разговаривал. Бывало, говорил сквозь зубы, если ссорились, но Алиса всегда знала, что это так, не всерьез и на время. А сейчас... зло он с ней разговаривал, как чужой. Может, я его обидела? Алиса переместилась к себе в комнату, села на край кровати и принялась вспоминать последний разговор с Пашкой. Тоже что-то по поводу работы... Но до этого они ходили на крышу высотки МГУ и в музей то ли на 23, то ли на 24 этаже. И она ужасно довольна была, помнится, даже чмокнула Пашку, он от этого так смешно краснеет всегда... Продолжая расстраиваться, но в глубине души твердо рассчитывая, что недоразумение разъяснится при первой же встрече и они с Павлом помирятся, Алиса принялась листать электронную почту на своем iPad. Нашлось письмо от приятелей, которые собирались в Коломенское на очередной фестиваль исторических реконструкций. Событие обещало быть интересным, Алиска быстро наступала по клавишам согласие, отправила и побежала собираться: открытие фестиваля в шесть, а сейчас уже четыре. Только –только одеться и доехать.

Осень вызолотила листву, расплескала по дорожкам отблески низкого и холодного уже солнца, и парк Коломенского музея-заповедника превратился в иллюстрацию к стихам Пушкина. Впрочем, к сказкам тоже, потому что по дорожкам, аллеям и полянам бродили персонажи, одетые в кафтаны, русские рубахи, сарафаны, лапти или мягкие, сшитые вручную сапожки. Кроме того в ассортименте были широко представлены поддевки и поневы, платы и кокошники, а также куча оружия: кинжалы и ножи, заткнутые за пояса или подвешенные на специальной португальской сабли, бердыши и бог знает что еще. На арене, под приветственные крики зрителей и вялые комментарии ведущего, гарцевали казаки.

Алиса нашла знакомых ребят, они вместе побродили по дорожкам, пообщались и пофоткались с группой дружелюбных воинов войска литовского. Впрочем, литовцев они скоро бросили ради красочно разодетых и шумных мушкетеров, не на шутку столкнувшихся с гвардейцами. Мушкетеры оказались чехами, а гвардейцы поляками, но это не уменьшило в глазах зрителей их очарования, и некоторое время Алиса была занята, разглядывая яркие костюмы и подробности амуниции, и вслушиваясь в ломаную русскую и английскую речь. Потом пришла очередь мушкетеров выходить на арену и участвовать в бою, а ребята отправились на трибуны – болеть за новых друзей.

Выше арены на холме раскинула шатры ярмарка, и Алиса, не горя желанием наблюдать имитацию боя, улизнула в многоцветье и суету торговых рядов.

Она бродила от палатки к палатке, рассматривая посуду, сувениры, амулеты, одежду, оружие и всякую всячину. Задержалась, перебирая глиняные игрушки, которыми задешево торговал дедок совершенно патриархального вида, видать, кто-то из ролевиков собственного прашура приспособил. И вдруг в соседнем ряду Алиса заметила Пашку. Он шел, смеялся и с кем-то разговаривал. Ах ты, поганец, подумала она. Работаешь, значит! Вот я тебе сейчас все скажу... и тут она увидела, что Павел не один. Он обнимает за плечи яркую брюнетку. Та смотрит на молодого человека снизу вверх, смеется, и на щеках у нее ямочки. Наметанным взглядом ревнивой женщины, да еще художника, Алиса сразу поняла, что девица старше ее самой, ей лет двадцать пять, не меньше, ну так что с того? Фигурка – закачаешься, все при ней. Одета хорошо: черные колготки, трикотажное в обтяжку короткое платье, курточка замшевая, сапоги на каблуках. Ничего лишнего. Из украшений серьги длинные да к вороту платья приколоты брошь

в виде веточки с мелкими белыми цветами. Опытная, небось. Вон Пашка каким идиотом восторженным на нее смотрит.

А я? Как же так? Алиса закусила губы. Вот уж не ожидала, что вид влюбленного Пашки окажется для нее столь мучителен. Мир вокруг перестал быть интересным и радостным, краски потеряли яркость, и все происходящее здесь, в Коломенском, да что там – все происходящее в этом мире – стало совершенно неинтересным и неважным. Неважным и ненужным, потому что ее Пашка, высокий, красивый, самый умный и замечательный на свете парень, обнимал не ее и смотрел, смотрел влюбленными глазами на другую женщину. Да что со мной, попыталась Алиса вразумить того, кто плакал в душе. Он просто друг, с детства вместе, на соседних горшках сидели и все такое. Однако ей нравилось знать, что Павел всегда рядом. Нравилось злить его, отплясывая на дискотеке с другими. Забавно было видеть, как он краснеет, если она целовала его, всегда на бегу и несерьезно, так просто. Подружески.

- Выбрала что, детка? – бубнил дедок, подтягивая домотканые портки неопределенного цвета и пододвигая к девушке раскрашенные глиняные фигурки. – Кого возьмешь? Барыню с коромыслом, али петушка?

- Да-да, спасибо, - не глядя на старика, ответила Алиса, попятилась прочь и, выбравшись из толпы, поспешила к выходу с ярмарки.

Если она останется, они с Пашкой неминуемо столкнутся. Это только кажется, что парк большой, а попробуй, разминись, обязательно встретишься... Она не готова встретиться лицом к лицу с Павлом, влюбленным не в нее, поняла Алиса. Нужно возвращаться домой. От метро тек людской поток устремившихся в парк горожан, и Алисе, которая двигалась в обратном направлении, приходилось пробираться вдоль ограды скверика, обходя торговцев всякой всячиной, которые проявляли чудеса скорости, складывая и раскидывая свои пыльные дастарханы в зависимости от траектории движения милицейского патруля. В метро она сдерживалась, тарашась на пассажиров круглыми глазами, полными непролитых слез. Но, оказавшись в тепле и гостеприимной тишине родной квартиры, разревелась. Плюхнулась в прихожей на пол, прижала к животу сумку и редела, размазывая слезы по лицу и жалобно хлюпая носом.

После слез стало не то, что легче, но как-то печальнее. Алиса переоделась, вымыла руки, умылась и решила, что из-за предателя Пашки жизнь не кончается. А значит, надо делать домашку, потому что завтра семинар и Глеб Олегович, по прозвищу Великий Инквизитор, непременно успеет спросить всех и каждого. Очень не хотелось нарваться на плохую отметку и насмешливые комментарии язвительного и злого на язык

преподавателя по истории средневекового искусства. Алиса сунула руку в сумку в поисках тетрадки с конспектами и нашарила там какой-то бумажный комок.

Не сказать, чтобы в сумке у нее был идеальный порядок, но девушка терпеть не могла всяких клочков и огрызочков, а потому быстро вытащила комок газетной бумаги, поморщилась и хотела уже отнести в мусорное ведро, но пальцы нащупали в середине неопрятного свертка что-то твердое. Алиса осторожно развернула газету и извлекла на свет глиняного петушка. Это еще откуда, поразила ее. То есть петушок был тот самый, с ярмарки. То ли она сама сунул его в сумку, то ли бородатый дед успел продать игрушку, а она и не заметила... Ну, да куда там было замечать, она ведь смотрела на Павла! И вдруг вся обида, выплаканная вроде бы, нахлынула с новой силой. Слезы полились из глаз, только теперь обида явилась не одна, ее сопровождала изрядная порция злости. Гад Пашка! Ведь он должен был знать, что она его любит! Просто... просто не время еще, но было бы у них все, зачем же он... Зачем он все испортил!

В ярости девушка швырнула ни в чем не повинного пестрого глиняного петушка в стену. Ярко раскрашенные осколочки брызнули в разные стороны и посыпались на пол. Но под глиной оказалось что-то еще – тускло блеснув, на пол упал кусочек металла.

Алиса все еще стояла, сжимая кулаки и злясь на всех и вся. Однако взгляд ее был прикован к серебристой тени, лежащей на полу. Она подошла, присела на корточки и, взяв один из черепков, пошевелила находку. Ну, надо же, монетка... или медальончик? Отбросив испуг, девушка взяла в руки кружок серебристого металла. Петушок -то оказался с секретом! Пожалуй, это все же медальон, хотя дырочка пробита прямо в металле... Алиса села на пол и с интересом рассматривала находку. На одной стороне кружка было что-то вроде янтарной пластинки... или просто смолой залито – не понять, но переливается золотисто-охристыми разводами, как янтарь. На другой же имелся рисунок: схематично выполненный глаз, вместо зрачка – пирамидка. По кругу шла надпись, но буквы совершенно незнакомые, похожие на арабскую вязь. Алиса вспомнила, что пирамидку и глаз она видела на долларовой купюре, но там символы расположены по-другому: пирамида, а над ней парит глаз. Вроде это символы масонства? Впрочем, масоны, помнится, унаследовали свою символику от рыцарей, которые, так сказать, экспортировали ее с Востока. Может, это просто какой-нибудь сувенир из арабских стран. Вон, в Египте, на каждом углу продавали украшения с "глазом Осириса" и "рукой Фатимы". Пока Алиса разглядывала неожиданный подарок, сердцебиение ее успокоилось, пропало ощущение тоски, которое

мучило девушку последние дни. И самое главное - ей захотелось рисовать. Вот уже который день она если и делала какие-то наброски, то преодолевая себя. А теперь думать ни о чем другом не могла, только бы скорее добраться до картона.

Впрочем, прежде чем взяться за уголь и сепию, Алиса отыскала в шкатулке с бижутерией подходящий шнурок, продела его в дырочку и надела медальончик на шею. Кружок удобно лег в ямку между ключицами.

- Куда? Борис Михайлович занят!

Иофан поморщился. Зачем он опять проявил слабость, повелся на уговоры приятеля и взял эту Сонечку в помощницы? Голос у нее такой неприятный... Хотя, с другой стороны, она очень аккуратная и ответственная: все документы на своем месте, машина всегда вовремя и он перестал опаздывать на встречи...

Дверь распахнулась, Борис Михайлович внутренне собрался и медленно поднял взгляд от чертежей: война приближалась к концу, и очевидно было, что, лишившись врага внешнего, государство опять примется за врагов внутренних. Он ожидал увидеть товарищей во френчах, но на пороге стоял Адриан. Худой, загорелый, прекрасно одетый: двубортный костюм и шляпа. За его спиной маячила растерянная Сонечка.

- Спасибо, Соня, это мой старый друг, - Борис Михайлович поднялся, вышел из-за стола навстречу гостю. - Сделай нам чаю, хорошо? И не беспокой.

- Но как же... Через полчаса у вас совещание в Моском...

- Соня. - Он сказал это, не повышая голоса, но девушка замолчала. - Пока мой друг здесь, больше ни для кого меня нет. Ты поняла?

- Да, Борис Михайлович.

Дверь закрылась.

Адриан прошел в кабинет, сел, положил на стол папку с бумагами и накрыл ее шляпой.

- Я принес тебе новые расчеты, - сказал он, словно они расстались неделю назад, и не прошло трех лет после последнего разговора. - Нужно строить восемь высотных зданий, их месторасположение указано на карте. Главное из них - здание Московского университета на Воробьевых горах.

- Восемь? - Борис растерялся. - Но ведь всегда речь шла об одной Башне!

- Тот план устарел. Я нашел новых расчетчиков и уверен, что сеть башен сработает не хуже одной, а то и лучше. Центром всей системы

станет здание нового университета на берегу Москвы-реки. Именно из этого центра должен начаться процесс Слияния.

- Университет на Воробьевых? Но почему именно там?

- Так нужно. Над этим планом работают величайшие умы человечества. Просто поверь, - Адриан глянул пристально и Борис, как всегда, не усомнился в его правоте. И все же здравый смысл заставил его возразить:

- Но как можно построить 8 башен в городе, где многим людям нечего есть? Война еще не закончилась! И кто будет меня слушать? - Борис Михайлович бросил быстрый взгляд на дверь и понизил голос: - У нас тут всячески борются с космополитами... Не знаю, сколько мне осталось.

Адриан усмехнулся:

- Не волнуйся, ничего с тобой не случится. Твои добрые ангелы, твоя Оленька и я, не допустим этого.

Иофан кивнул рассеянно, не особо удивившись странным словам Адриана. Он уже думал о предстоящей работе. Проект Университета – задача огромная и желанная для каждого архитектора! А уж восемь высотных зданий в Москве – это проект, неслыханный по размаху и грандиозности замысла!

Адриан понял, что архитектор - как всегда - беспрекословно выполнит его волю, и без дальнейших объяснений направился к двери. У порога задержался:

- Отметь себе, что все высотки, все восемь зданий, должны быть заложены в один день – 7 сентября. Это важно.

- Хорошо, - Иофан сделал пометку на краю листа, где уже появилось несколько вертикальных линий; он решил сейчас же набросать первый эскиз.

- И не забудь, что в планы зданий должны быть вписаны священные символы.

- Непросто будет этого добиться, - пробормотал Иофан, разглядывая символ, более древний, чем трискелион и трикветр, и похожий на трехлучевую звезду². – Этот куда?

- В Котельники. Посмотри на карту: место каждого здания обозначено соответствующим знаком. Впрочем, твоя главная задача – детально проработать проект Университета и добиться, чтобы все высотки были заложены в нужных местах. Кстати, в одной из папок – планы храмового комплекса Ангкор Ват, обрати внимание на его структуру при проектировании Университета.

² План высотки в Котельниках.

- Это где такой храм? – удивленно спросил Иофан, перебирая бумаги.

- У черта на рогах, в Юго-Восточной Азии. Но принцип именно тот, что нам нужен. Главная башня как центр квадрата, еще четыре башни по периметру и центральный колодец в едином пространстве со шпилем... Посмотри: там, в бумагах, есть несколько фамилий; эти люди - среди них и чиновники и архитекторы - поддержат наши планы и будут помогать воплотить проект в жизнь.

Адриан ушел. Иофан, словно очнувшись, в смятении смотрел на лежащие перед ним бумаги. Он уже решил было, что план изменения мира остался в прошлом. Стыдно признаться, но порой вместо разочарования архитектор испытывал облегчение. В конце концов, и без строительства Дворца Советов ему есть чем гордиться: по его проектам в Москве построено несколько прекрасных зданий, например, жилой комплекс напротив Кремля, так называемый "Дом на набережной". Сейчас он работает над проектом станции метрополитена, и все в его жизни хорошо и складно... было до сего дня. И вот опять непонятно откуда явился его "черный человек" и требует закончить начатое, возвести Башню.

Архитектор взял листок с фамилиями будущих сподвижников. Да, все значительные и важные люди, Адриан мелко не плавает... Он опасливо покосился на дверь. Фамилии запомнить несложно, а вот списки такие в наше время лучше не хранить. Борис Михайлович изорвал бумажку в мелкие клочья и высыпал их в пепельницу. Принялся было искать спички, но передумал: сам он не курит, и запах горелой бумаги привлечет внимание; в приемной наверняка кто-нибудь да есть. Тогда он налил в пепельницу воды из графина и карандашом толк бумагу, пока она не превратилась в кашу. Получившееся мокрое месиво архитектор осторожно вылил в кадку с пыльным бальзамом и перемешал с рыхлой почвой. Вытер пепельницу носовым платком и вздохнул с облегчением. Взялся было за эскиз, но понял, что прежде нужно увидеть тот склон по-над Москвой –рекой, где суждено стоять новому храму. Храму науки и нового мира.

- Сонечка, машина на месте? – нетерпеливо крикнул он. - Я еду на Воробьевы...

Вечером Лешка вернулся из Школы юного биолога, пробрался в кухню, был изгнан мамой, которая торопливо что-то резала на разделочной доске и одновременно мешала в кастрюле.

- Ужин через 10 минут. Руки вымой.

- Ага, - он стащил—таки дольку огурца и отправился к себе. По дороге притормозил подле Алискиной двери. Сестру он сегодня жалел. Последнее время она была сама не своя, и сегодня Лешка понял почему: в коридоре биофака он видел Пашку в обнимку с какой-то темноволосой лахудрой. Та всячески на нем висла, и они нахально целовались на дальней лестнице. Лешке стало обидно, что этот дурень променял его сестру на какую-то девку, и некоторое время Лешка маялся вокруг, раздумывая, какую бы гадость сделать. В голову ничего полезного не лезло, и он пошел на занятия. Однако увиденное не давало ему покоя, и в перерыве он опять побежал к лестнице. Здесь было пусто, и Лешка отправился в коридор, занимаемый ботаниками. Помнится, Пашка говорил, что обосновался в одной из лабораторий кафедры физиологии растений и проводит там какие-то опыты...

Мальчик уже бывал здесь и потому вид кафедральных джунглей был ему не в новинку. Он заметил за одной из приоткрытых дверей профессора Микчурина. Тот поливал из маленькой леечки ящики с рассадой.

Лешка не стал отвлекать ученого и пошел дальше. Он добрался до лаборатории, но дверь оказалась заперта, на стук никто не открыл, и внутри было тихо. Черт, Павел, наверное, домой ушел. Лешка глянул на часы. Занятия в его классе уже начались, и он нога за ногу поплелся обратно, притормозил, чтобы полюбоваться на круглые желтые лимоны, свисающие с ветвей растущего в кадке дерева (один сорвал и сунул в карман). Подумав, обломал несколько веточек с красиво цветущего куста олеандра. Биологичка в школе поделилась с детьми той житейской мудростью, что цветы нужно воровать, тогда они будут хорошо расти. Лешку она уважала, на уроках разрешала заниматься своими делами, и он старался эти хорошие отношения поддерживать. Если цветок приживется, училка будет довольна. Вынырнув из-за куста, Лешка остановился в растерянности. Он увидел профессора Микчурина, который сидел на низенькой скамеечке перед кадкой со здоровенным суккулентом. Из кадки торчали ветки —палочки, безлиственная причуда жаркого климата. Часть веточек налилась желтизной, видимо, растение болело. Сергей Михайлович осторожно обрезал специальными ножницами желтые веточки и что-то ласково приговаривал, видимо, утешая больной суккулент. Но эта картина, хоть и чудная, не произвела бы на мальчика особого впечатления. Гораздо больше его поразило другое: сзади к профессору подкрадывалась та самая брюнетка, с которой целовался сегодня Пашка. В руках брюнетка держала тяжелую металлическую кювету, и выражение лица у нее было сосредоточенно-

хищное. Тяжелый взгляд, кювета и медленные крадущиеся шаги недвусмысленно свидетельствовали о том, что молодая женщина собирается опустить тяжелую железку на голову Микчурина. Лешка растерялся. Крикнуть? А если она сперва стукнет, а потом обернется? Он сунул руку в карман, нащупал твердый желто-зеленый лимончик и, пожалев, что нет с собой рогатки, метким броском послал его в девицу.

Лимончик впечатался ей между лопатками, брюнетка вскрикнула и выронила кювету. Профессор обернулся и с изумлением уставился на нее. Девица закутила головой, пытаясь определить, кто из присутствующих представляет для нее наибольшую угрозу. Потом, видимо, решила не принимать мальчишку всерьез и всем корпусом развернулась к Сергею Михайловичу.

- Что вам угодно? – тот поднялся и отступил на несколько шагов, оказавшись между высокими растениями в кадках. Ученый выпрямился во весь свой невеликий рост, руки засунул в карманы и сердито поблескивал дымчатыми очками.

- Орех отдай и разойдемся, - процедила девица.

- Какой орех?

- Тот самый, что привез из экспедиции. Или как эта штука называется? Плод? Неважно, вы же знаете, о чем идет речь! Давай! - недобро усмехаясь, она извлекла из кармана небольшой, тускло блеснувший пистолет и направила его на Лешку. – Не отдашь – пристрелю мальчика. Ну, дедуля, - и она протянула руку ладонью вверх, краем глаза косясь на мальчика, чтобы удерживать его на мушке.

Лешка замер. Все происходящее напоминало боевик самого дурного пошиба, а потому он растерялся. Что должен сделать герой боевика? Каким-то образом обратить ситуацию в свою пользу. Желательно еще и врага обезвредить. Но девица стоит далеко и держит в руке оружие, а у него самого даже лимонов больше нет. Пистолет небольшой, но почему-то Лешка уверен, что он настоящий. И что стреляет девица хорошо. Она, видимо, все делает хорошо: и целуется, и стреляет, и профессоров грабит.

- Стой спокойно, мальчик, - сказал Микчурин, кивнув Лешке, - Мы с девушкой договоримся.

- Орех, - повторила та.

- У меня его с собой нет.

- Не надо душить мне голову. Он здесь, я точно знаю. Давайте сюда.

- А кто, скажите на милость, так жаждет получить подаренную мне вещь? – по-прежнему невозмутимо поинтересовался Сергей Михайлович.

- Неважно.

- Вот тут вы неправы, это важно...

Девушка закрутила головой. Она сообразила, что профессор заговаривает ей зубы, но не могла понять, почему. А Лешка понял. Вытаращив глаза, он смотрел, как ветки кустов тянутся к девушке. Та услышала шорох, развернулась и хотела отступить назад, но Сергей Михайлович резко махнул руками и куст синхронно взмахнул ветками. Это был хороший, мощный куст семейства фикусов. Часть веток постарше одревенела, но сохранила некоторую гибкость, а потому удар получился мощный. Ветви хлестнули брюнетку по плечам и голове, по лицу. Она вскрикнула и торопливо закрыла лицо руками, спасая глаза. Сергей Михайлович махнул Лешке, и тот бросился к двери.

К сожалению, пост охраны есть только у входа в здание; нужно спуститься на три этажа и пробежать длинным коридором. А больше и помочь некому: вечер, студенты разошлись, и если кто и сидит в лабораториях, то люди совершенно не воинственные: женщины или ботаники. Поэтому Лешка мигом скатился по лестнице и припустил по коридору, но обернулся подле лестничной клетки и увидел, как девушка во все лопатки удирает в противоположном направлении. Там есть выход, вспомнил он. Двери, правда, заперты, но что-то подсказывало мальчику, что брюнетку это не остановит. К тому же окон на улицу на первом этаже выходит множество: открыл или выбил – и все, никто не догонит, не поймают. Испугавшись, что она все же стукнула профессора Микчурина, Лешка рванулся обратно, нащупывая в кармане мобильник: вдруг "скорую" нужно будет вызвать. Однако Сергей Михайлович оказался цел и невредим, сидел все на той же скамеечке, правда с растениями не беседовал, а крутил в руках какую-то круглую штучку и, видимо, пребывал в задумчивости. Увидев мальчика, он сунул безделушку в карман и спросил:

- Вы как, молодой человек?

- Нормально... - Лешка дышал быстро, так как бежал изо всех сил.- Я вернулся, потому что увидел ее на первом этаже... она уйдет через дальние двери, ну, где приемная комиссия... Или в окно вылезет где-нибудь.

- Да, думаю, нам с вами не догнать шустрюю девушку. Вы ее знаете?

- Н-нет. Видел тут...

- Вы присядьте. – Профессор подождал, пока мальчик устроится на неудобном пластиковом ящике, перевернутом кверху дном.- Собственно, я должен сам хоть что-то знать об этой агрессивной особе, так как она лаборантка моей кафедры. Впрочем, работала она на кафедре недолго, с начала сентября. Надо бы узнать, кто ее порекомендовал. А зовут ее... Позвольте, как же...

- Лера, - буркнул Лешка.

- Да? Ну, возможно... - Сергей Михайлович внимательно поглядел на мальчика. Лешка молчал, разглядывая лимоны на дереве. - А вы, - спросил Микчурина, - для студента молоды, мне кажется...?

Лешка представился и объяснил про Школу юного биолога.

- Ах, ну да, конечно. Знаете, Алексей, я просил бы вас не предавать данный инцидент огласке. Не стоит пугать народ. Думается, девушка Лера не столь глупа, чтобы вернуться, так что лучше предать этот несимпатичный эпизод забвению.

- А если она вернется?

- Не вернется.

Мальчик внимательно поглядел на профессора. Тот улыбался, глаз за дымчатыми очками не разобрать. Ну, это его дело.

Лешка встал, заверил профессора, что болтать не станет, "да все равно никто и не поверит" и ушел. По дороге домой он все гадал, на чем основана уверенность Микчурина, что Лера не вернется. И если она больше не придет на кафедру, то значит ли это, что и с Пашкой она встречаться тоже больше не будет?

Профессор Микчурина закрыл за собой дверь кабинета, подумав, повернул ключ, чтобы обеспечить себе некоторое время для размышления в одиночестве. Кабинет невелик и все здесь, кроме ноутбука на столе, можно использовать для съемок фильма про Россию сталинской эпохи: бра на стенах, деревянные шкафы, массивный стол, настольная лампа под зеленым абажуром. Портрет на стене – яркий пример реализма начала шестидесятых. Сергей Михайлович сел за стол, вынул из кармана темный шарик размером с пинг-понговый мячик и принялся задумчиво катать меж ладонями. Кто же послал эту девушку и откуда этот кто-то узнал про его талисман? Он привез этот орех из экспедиции в Юго-Восточную Азию, и было это так давно, что временами профессору казалось, что все случилось не пятнадцать лет назад, а гораздо раньше... может, даже в другой жизни.

Та экспедиция являлась международным проектом, а потому готовилась долго, и вошли в нее двое российских ученых и французы (которые в основном всю затею спонсировали), а вездесущих американцев представлял Джек Лорикс, фотограф и оператор. Один из французских ученых был специалистом по тропическим растениям, другой – историком, автором нескольких книг о культуре кхмеров, а третий представился

специалистом по охране культурного наследия. Один из крупнейших памятников Камбоджи – Ангкор Ват – объявлен объектом всемирного наследия и находится он под защитой ЮНЕСКО, а потому Микчурину присутствие специалиста по культурным объектам показалось естественным.

Однако уже через несколько дней и он, и Петр, энтомолог из Питерского университета, заметили, что французы откровенно недолюбливают своего коллегу, сотрудника ЮНЕСКО. Они демонстративно не желали с ним общаться, и пару раз другие члены экспедиции были свидетелями довольно шумных перепалок. Русские недоумевали и чувствовали себя неловко. Американец был совершенно непробиваемый: улыбчивый, взирающий на мир через видоискатель, озабоченный лишь поисками лучшего ракурса и зарядкой батареей супероборудования. Проведя некоторое время во Вьетнаме, группа отправилась в Камбоджу и вскоре прибыла в район расположения жемчужины культуры кхмеров – храмового комплекса Ангкор Ват. Остановились члены экспедиции в ближайшем городке и оттуда отправились к храму. Естественным образом группа разделилась: специалист по охране памятников, историк и фотограф занимались собственно архитектурными сооружениями, а ученые-естественники, побродив по комплексу и навсегда осознав его величие, занялись своими изысканиями.

Микчурин любил ездить в экспедиции, особенно в Азию. Флора здесь была не просто богаче, чем в средней полосе: она была более живой, яркой, смелее заявляла о своем присутствии и не отступала перед человеком безропотно, как растения умеренного климата. Вот и теперь Сергей Михайлович с почтением взирал на деревья, взявшие в плен храмовые постройки Та Пром (где снимали фильм о Ларе Крофт) и Бантей Кдей. Рассматривая громаду храма, четко выделявшегося на горизонте, биолог видел не только архитектурное сооружение, но целую экосистему, сложившуюся вокруг него за многие годы. Под ногами кабелями тянулись корни деревьев, почти не заглубленные в почву. Это поистине удивительные деревья: они могут расти на камнях, цепляясь за стены, и создается странное впечатление, что стволы текут, только не сверху вниз, как положено по законам физики, а снизу вверх; наплывами они поднимаются вверх, льнут к каменным стенам, разрушая их... А потом оказывается, что стены эти не могут рухнуть, потому что переплетения корней, ветвей и лиан удерживает их... Только это уже другие стены: конфигурация изменилась, они стали не приютом для людей, а некоей абстракцией, идеей храма или дворца. Странное, необычное зрелище.

Ангкор и весь прилегающий район буквально очаровали Микчурина. Он брел по территории храма и видел улыбки божеств, чьи лики вырезали на стенах искусные каменотесы древности. Разум отказывался верить, что века назад боги улыбались столь же безмятежно, взирая на людей, их горести и радости. И столь же непостижимо они будут улыбаться, когда пройдут еще сотни лет.

- Сергей, что с вами? – Микчурин вздрогнул, обернулся: французский ботаник, Эмиль, удивленно взирал на коллегу.- Вы уже минут десять стоите перед этой стеной. Я вас звал, а вы даже не обернулись!

- Черт... Задумался, наверное. Место здесь такое... наводит на мысли.

Эмиль бросил быстрый взгляд на лики богов и отвел глаза.

- Это место наводит на меня страх, - неохотно признался он.- Ничего не могу с собой сделать, все время кажется, что кто-то смотрит в спину. Я уж думал, это из-за Кристиана, но он с утра торчит на развалинах...

- А при чем тут Кристиан? – рассеянно переспросил Микчурин, раздумывая, как бы забраться на крышу. Кажется, там виднеется прекрасный образчик *Dendrobium*. – Смотрите, Эмиль, я нашел очень неплохую орхидею... Надо бы залезть туда. Поможете? Заодно погляжу и поснимаю, как там крыша выглядит, и кто еще на ней прижился.

- Я не полезу! – быстро сказал Эмиль.

- Я сам. Просто подстрахуйте немного.

Вспомнив гимнастическую юность и пользуясь тем, что ветки и корни росли на разной высоте, Микчурин довольно ловко залез на крышу здания. Наступать на каменные лики почему-то не хотелось, и он какое-то время полз по ветвям чуть не вниз головой, но добрался до цели. Сделал снимки, замеры, осторожно отделил орхидею и спустил вниз Эмилю, привязав емкость для образцов к веревке. Потом слез сам. Сел, отдуваясь, в тени, принял из рук француза бутылку с водой. Влажность и высокая температура затрудняли работу, и все же Микчурин переносил местный климат лучше француза. Кроме того его не сильно волновала царящая кругом антисанитария, а Эмиль буквально вздрагивал каждый раз, как видел какое-нибудь насекомое или живность, почти ничего кроме риса и фруктов не ел и вообще всячески страдал.

- Мы думаем, что он шпион, - сказал вдруг француз.

- Кто? – Микчурин удивился: мысли его были заняты орхидеей, и он совершенно забыл, о чем Эмиль говорил до его похода на крышу.

- Кристиан. Мы с коллегами практически уверены, что он работает не столько на фонд охраны памятников, сколько на разведку... причем даже не на нашу!

- А на чью?- Сергей Михайлович не удержался от шпильки.- Неужели на КГБ? Впрочем, теперь они у нас не так называются.

- Нет, Сергей, вы зря смеетесь! Он работает на американцев, на их ЦРУ!

Микчурина пожал плечами: ну работает, так что ж теперь. Обескураженный такой аполитичностью русского Эмиль замолчал и больше не поднимал эту тему.

Через несколько дней экспедиция отправилась дальше – к холмам Кулен. Плато Кулен является священным местом и имеет особенное религиозное значение для индуистов и буддистов, которые приезжают на гору в качестве паломников. По плато протекает Ручей Тысячи Лингамов, священных символов Шивы, а в водах реки купаются боги: их изображения вырезаны на каменном дне. Плато Кулен – духовный центр одной из цивилизаций древности, здесь находятся 56 храмов. Вся территория объявлена национальным парком. Микчурина, Эмиль, Петр и Рене (француз-историк), а также фотограф и предполагаемый ЦРУшный шпион Кристиан продвигались вглубь территории. Три джипа с людьми и оборудованием медленно ехали по лесной дороге. Чем глубже в лес, тем меньше туристов. Экспедицию сопровождали два человека из местной администрации, водители и два помощника в роли мальчиков на все про все: готовить еду, таскать сумки и прочее.

Даже при наличии машин, экспедицию нельзя было назвать столь уж простой. Тяжелый климат, необходимость таскать оборудование и забираться вглубь леса для поиска образцов и проведения наблюдений, отнимали много сил. Рельеф непростой, да еще густая растительность, идти трудно, насекомые донимают, любая царапина (а их не избежать) начинает обильно кровоточить и отказывается заживать. Джипы продвигались по дороге, но на хоженных тропах не найти интересных образцов и ученые пробирались по дикому лесу.

- Смеркается, или у меня в глазах темнеет? – поинтересовался Петр, вытирая со лба пот.

- Смеркается, наверное. Хотя, какие тут сумерки; раз - и ночь. – Сергей Михайлович выпрямился, аккуратно пристроил на плечо сумку с образцами эпифитов.- Пошли обратно к дороге. И, Петр, не забывай говорить по –английски. А то французы уже между собой разосрались, если мы тут еще и конфликт культур организуем, то совсем грустно будет.

- Да плохо я по-английски говорю!
- Лучше плохо, чем никак.
- А америкос этот скалится всю дорогу!
- Слушай, он вообще по жизни такой... улыбчивый. Даже спит, наверно, улыбаясь. Не принимай на свой счет.
- Ладно, - буркнул Петр,- постараюсь.

Они вернулись к джипам и, подсвечивая фарами то, что уже очень мало походило на дорогу, медленно двинулись дальше. Вскоре прямо меж деревьями выросла темная громада храма с конической крышей. Он оказался мало разрушен и самое удивительное: на нем не росли деревья, хотя из документов местной администрации явствовало, что здесь не проводились ни прополки, ни реставрация. Подобные культовые сооружения, как правило, называют ступами: конической формы башня, построенная с соблюдением всех особенностей местной архитектуры, т.е., обильно покрытая резьбой и узорами из камня. Открытый, без претензии на двери, вход ведет в небольшой зал, вместо стен с трех сторон его огораживают тонкие, словно стволы бамбука, витые колонны. В центре зала – лингам около полуметра высотой.

Южная ночь наступает быстро, и пришельцы ничего толком не разглядели, только черную громаду ступы, колонны, стержень внутри и ступени, ведущие к ступе.

- Все завтра, - высказал общее мнение Эмиль. - Сейчас поесть чего-нибудь – и спать.

Микчуин поднялся на рассвете. Лес вокруг жил своей, загадочной и скрытой утренним туманом жизнью. Ступа, окутанная влажными испарениями, казалась огромным коконом. Осторожно выбравшись из спального мешка, Микчуин подошел к ступеням и попытался разглядеть что-нибудь внутри храма, но безуспешно. Кругом клубился молочный туман, искажая реальность, скрывая от глаз чужака не только лес, но и творения рук человеческих. Не слишком уверенно ученый поднялся по ступеням и чуть ли не сразу же очутился перед символом Шивы: каменный фаллос, воздвигнутый на алтаре, символизировал и вечную жизнь и могущество богов и много чего еще. Перед поездкой в Камбоджу Сергей Михайлович почитал кое-что о местной культуре и знаком был с символикой индуизма, древней религии этих мест. В ходе истории индуизм оказался в значительной степени вытеснен более молодым буддизмом, но монахи – спасибо им за это - не стремились изгнать старых богов или уничтожить их символы. Никто не потрудился нарушить уединение древнего молитвенного места, и лингам Шивы, творца всего сущего, возвышался на каменном алтаре

так же горделиво, как и много веков назад. Единственное, что удивило Микчурина – наличие резьбы. Каменный фаллос был сплошь покрыт резным орнаментом, который детально воспроизводил стебли, листья, цветы и плоды некоего растения. Ученый оглянулся, убедился, что никого из членов экспедиции поблизости нет, достал из кармана бутылку воды и полил сверху на предмет древнего культа. Ну, не то, чтобы он верил в древнеиндуистских богов... и не стал бы этого делать при коллегах. Но сейчас он один, никто не станет смеяться, и Сергею Михайловичу подумалось, что, если ты приходишь в храм, то естественно сделать некий жест... вроде как поздороваться. Обливание водой лингама – лишь малая часть древнего обряда, призванного даровать плодовитость мужчине и миру в целом, но в качестве "здравствуйте" подойдет.

Микчурин обошел алтарь, внимательно разглядывая узор. Судя по детализации, древний скульптор изобразил какой-то определенный образчик флоры, но вот какой? Гибкие ветви и цепкие листья, значит, это лиана, но он никогда не видел таких бутонов, да и запах странный.... Сергей Михайлович вздрогнул и сделал шаг назад... Меж ним и каменным фаллосом тотчас сгустилась дымка влажного тумана.

- Привиделось, - пробормотал ученый, таращась между колонн в тщетной попытке выглянуть наружу. Все кругом тонуло в том же молоке; слои тумана перемещались, сгущаясь и разреживаясь, порой за ними угадывались некие плотные формы... Сергей Михайлович знал, что это деревья... а вон те, пониже – джипы их экспедиции. Но сейчас он готов был поверить в великанов и пригнувшихся перед прыжком таинственных зверей, так мистически загадочны были очертания всех предметов. Он взялся рукой за колонну и с удивлением понял, что она украшена той же резьбой, что и сам лингам: плети лиан, плотные листья, бутоны и цветы. Биолог рассматривал их внимательно, с профессиональным интересом, и чем дольше смотрел, тем реальнее они становились. Еще немного – и опять он почувствовал сладкий запах незнакомого растения, листья под рукой обрели податливость не камня, но живой материи. Отдернув руку, профессор обернулся к алтарю. Лингам расцвел: на плотном переплетении лиан распустились белые и пурпурные цветки. Не веря своим глазам, Микчурин подошел ближе. Его окутало волной сладковатого, пьянящего запаха, от которого закружилась голова. Он задержал дыхание. Протянул руку и попытался сорвать нежно-просвечивающий белый цветок. Однако чашечка с плотными белыми лепестками крепко сидела на стебле, и он не смог отделить ее от темно зеленого основания. Отпустив цветок, Микчурин с огорчением увидел, что тот на глазах никнет и съеживается. Завернулись и

пожухли белые лепестки, мгновенно превратившись в коричневато-бурый комок.

- Черт, как же я так, красивый такой... - он протянул ладонь, чтобы коснуться цветка и понял вдруг, что не может вдохнуть. Воздух словно стал густым и никак не шел в легкие. Микчурина захрипел, тело наполнилось мучительной болью, в глазах потемнело, и он провалился в небытие.

Очнулся, когда его облили водой и принялись тормошить:

- Эй, Сергей, ты чего? – гудел Петр.

- Серж, вам плохо? Что с вами? – Эмиль обмахивал коллегу журналом, создавая ток воздуха. Микчурина попытался было сесть, но от слабости кружилась голова, и он только сказал, что нанюхался цветов и оттого упал в обморок.

- Каких? – немедленно оживился Эмиль.

- Там, в ступе.

- Серж, там нет цветов, - встревоженно сказал Эмиль, обернувшись и взглянув на серо-черное сооружение.

Сергей Михайлович поморгал. Он лежал чуть в стороне от ступеней храма, туман полностью рассеялся, и теперь он видел, что ступа выполнена из камня, и ни внутри, ни снаружи нет никаких признаков растений. У Микчурина хватило ума промолчать и не озвучивать свои приключения. Потом он уснул, а когда проснулся – говорил, что ничего не помнит. Проснулся рано, пошел вокруг осмотреться, а больше ничего не помню... наверное, оступился и ударился головой. Еще у него болела и не слушалась левая рука. Он взглянул на ладонь – она оказалась сжата в кулак. С трудом разогнув пальцы, Сергей увидел плод, размером с мячик для пинг-понга. От него исходил слабый, едва заметный сладковатый аромат, и он понял, что это плод того растения, которое так неожиданно расцвело в ступе. Сунул его в карман. Встать смог лишь на следующий день и, осмотрев и ступу, и окрестности, убедился, что ничего похожего на загадочное растение там нет и не было. То есть колонны и лингам действительно покрыты резьбой. Довольно четкий растительный орнамент, явно фантазийный. Никого из коллег этот факт не удивил и особо не заинтересовал.

Если не считать инцидента с обмороком, то та экспедиция прошла для Микчурина очень удачно. Он собрал ценные образцы, нашел практически все растения, какие хотел. Привез в Москву прекрасный экземпляр Пеллионии Прекрасной, с которой позже много и успешно экспериментировал. И почему-то уверен был, что успехом обязан темному плодику, который всегда носил с собой. Он так и не смог классифицировать его, определить, к какому именно виду принадлежит растение. Позже, много

позже и очень постепенно, Микчурич научился использовать его, понял, что благодаря этому дару – кто знает, случайному или нет, - он имеет над растениями если и не власть, то все же некую силу. И еще он никому и никогда не рассказывал о необычном подарке, который сделали ему боги в заброшенном храме на священном плато Кулен. Откуда же агрессивная девица (или, скорее, тот, кто ее послал), узнала о плоде неизвестного растения, лаково-блестящие бока которого покрывала сеточка трещинок, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся необычным и сложным узором?

Адриан стоял у окна, глядя на город. Муравейник, суший муравейник. И с каждым годом он становится все шумнее, грязнее, суетливее. Большие беготни и все меньше толку. Хорошо, что приближается долгожданный момент Слияния. Он, Адриан, вернет смысл в жизнь этих людей, заставит их очнуться, остановиться и задуматься.

В комнату вошел секретарь и негромко произнес:

- К вам посетители. Им было назначено на два часа.

Адриан обернулся, кивнул и сел в кресло, положив руки на блестящую поверхность стола красного дерева. Он вселился в эти апартаменты совсем недавно, как только отделка комнат была закончена. Самое высокое жилое здание в Европе, самый шикарный жилой комплекс в Москве: Триумф-Палас, построенный в районе Сокол, из окон открывается вид на центр Москвы, парковые зоны и множество дорог. Адриан постарался, чтобы эта последняя высотка была выполнена в стиле сталинского барокко: пирамидальная конструкция, в основе стилобат, увенчанный шпилем.

Как и в случае с другими зданиями, больше всего хлопот доставил шпиль. Его изготавливали по спецзаказу, а затем вертолетами посекционно устанавливали на предназначенное для этого восьмигранное основание.

Адриан занял апартаменты в Бутик-отеле, расположенном на последнем, самом высоком, этаже. Здесь все, даже изящная простота обстановки, говорило о роскоши. К роскоши Адриан был совершенно равнодушен и удобства – последнее, о чем он думал, а потому предпочитал ночевать в Замке, на примитивном деревянном ложе, застеленном шкурами. Но люди, как всегда, встречают по одежке, по машине, по тому, какое у тебя жилье и какая служба. А потому ему приходилось держать дорогое жилье, машину, прислугу...

Адриан без любопытства рассматривал посетителей, которые, следуя приглашающим шепоткам секретаря, устроились за столом напротив хозяина. Люди удивительно однообразны, думал Адриан.

Меняется мода (да и та, если честно, все больше ходит по кругу), прически, марки часов и авто. Но такие персонажи были и, вероятно, будут, всегда. Крепко сбитый делец, облаченный в дорогой костюм, галстук ручной работы, на коротком пальце перстень с не к месту крупным бриллиантом. Имеет большой опыт работы в разных сферах и ему все равно, какой заказ принять: на строительство, на убийство, на задержку строительства. Второй – юрист. Довольно молод, скорее всего образование получал за границей.

- Итак, господа, - бесцветным голосом произнес Адриан.- Мне нужно, чтобы до 2012 года башня Федерации не поднялась выше 69 этажа.

Первый господин удивленно вскинул брови и покосился на юриста. Тот и глазом, однако, не моргнул и с благодатной улыбкой кивнул своему коллеге.

- Такова суть вашего заказа? – все же переспросил тот.

- Да.

- Что ж, хорошо. Давайте обсудим условия оплаты и сроки, и посмотрим, как будет выглядеть проект договора.

"...При сооружении плиты фундамента 21—24 февраля 2007 года был установлен рекорд, занесённый в книгу рекордов Гиннеса. Было залито 14 тысяч кубометров бетона. Несколько необычным в ходе строительства был факт, что поверх первой фундаментной плиты была залита вторая фундаментная плита, в результате чего комплекс потерял один подземный этаж, и произошла задержка строительства, минимум на 5 месяцев. Необычность этого факта заключается в том, что, судя по полученным с объекта фотографиям, строители начали активную подготовку к сооружению первого подземного этажа, но внезапно свернули работы, разобрали установленные краны, срезали ранее подготовленную арматуру для колонн и приступили к арматурным работам для второго фундамента. Необычным является и то, что причины этого решения внятно не комментируются организаторами строительства.

...25-26 ноября 2008 года в ряде изданий появилась информация о приостановке строительства башни, однако в Роток эту информацию сразу же опровергли.

...5 июля 2011 года компания Роток объявила о возобновлении строительства башни. Фактический рост башни намечен на сентябрь 2011. По состоянию на 19 марта 2012 года ведётся строительство 67-го надземного этажа башни «Восток», а также остекление башни.

*...2 апреля 2012 года на башне «Восток» произошел крупный пожар, тушение которого заняло около четырех часов. Всего в операции по ликвидации возгорания в здании, которое многие эксперты называют самым высотным и дорогим долгостроем столицы, приняли участие 25 пожарно-спасательных подразделений и 4 вертолета Московского авиационного центра. Несмотря на привлечение вертолетов, потушить пожар долгое время не удавалось. Верхний этаж высотки полыхал практически по всей площади. Пламя то затухало, то разгоралось с новой силой. Огонь был виден за несколько десятков километров от Делового центра. По официальным данным, в результате инцидента никто не пострадал.*³

В целом Адриан остался доволен тем, как контрагенты выполняли условия договора. Башня росла, но недостаточно быстро, и потому в решительный день и час Слияния она не станет помехой на пути передачи энергопотоков между зданиями высоток, выстроенных в соответствии с продуманной и просчитанной схемой расположения звезд и планет.

На следующее занятие Школы юного биолога Тимофей не пришел. Прислал СМС-ку с грустным смайликом и диагнозом ОРЗ. Лешка бинокль, как договаривались, принес, но идти в одиночку на пятый этаж было как-то неинтересно... да что там, страшновато было. Он зашел в туалет на втором этаже и, убедившись, что его никто не видит, навел окуляры на пирамиду. И не увидел ровным счетом ничего интересного. Мутные стекла, какая-то там мебель внутри, действительно склад, наверное. Сразу стало скучно, и он поплелся в аудиторию. Настроение было самое что ни есть дурацкое, а все из-за Джека: почти час Лешка проторчал сегодня у фонтана. Сыр крошил, свистел, просто ждал, а ящер Джек так и не пришел. Аспирант Костя посадил всех делать не слишком интересную лабораторную работу. Надо было разглядывать в микроскоп споры и пыльцу, а потом зарисовывать увиденное.

Исчеркав пару листов не слишком аккуратными зарисовками, Лешка уставился в окно. За окном шел дождь. Обстоятельно так шел, нудно. Листья намокли и уже не шуршали под ногами и не пахли горьковатым дымом. Они расплзались как намокшая бумага, и осень сразу теряла всякое очарование и превращалась в унылое межсезонье.

³ Цитировано по материалам Википедии

Вот по аллее прошла парочка студентов: парень и девушка – под одним зонтом, тесно прижавшись друг к другу. Ну, с этими все ясно, им что дождь, что солнце – лишь бы целоваться не мешали. Потом пробежала целая компания парней, видимо из спортзала, потому что в спортивной форме. Прошел лаборант, таща клетку. В клетке кто-то сидел. Лешка отвел было глаза: мысль об опытах над животными его никогда не радовала. Но тут он узнал заляпанный халат и сутулую фигуру высокого типа с воспаленными глазами, который несколько дней назад шуганул их с Тимофеем. Лешка во все глаза уставился на человека с клеткой. И увидел, что из клетки свешивается хвост, совсем не похожий на крысиный.

- Алексей, ты куда? – Аспирант Костя, удивленный тем, что мальчик вскочил и кинулся к двери, едва не уронил какие-то образцы. Но Лешка уже бежал по коридору. Красноглазого он увидел подле лестницы: тот не спеша поднимался наверх, таща прикрытую тряпкой клетку. Лешка стал подниматься следом, поотстав и стараясь оставаться незамеченным. Вот и пятый этаж. Выглянув из-за поворота, мальчик увидел, что тип в грязном халате идет по темноватому коридору. Вот он остановился подле одной из дверей, отпер ее и вошел внутрь. Несколько минут Лешка проторчал под дверь, прислушиваясь. Но в ушах гудела его собственная кровь, и в голову лезли всякие ужасы. Не выдержав, он решил: будь, что будет – и толкнул дверь. В комнате никого не оказалось. Пустое помещение с лабораторными столами и стеллажами. В дальнем конце мальчик заметил еще одну дверь, полуоткрытую. Там кто-то двигался и чем-то гремел и позвякивал. Но Лешка не стал прислушиваться, потому что прямо напротив увидел стол, а на нем клетку. Он сделал шаг вперед и сдернул противную влажную тряпку. Джек лежал на дне клетки, неловко подвернув лапы. Он оказался больше, чем Лешка его помнил: там, среди листвы, тварики мелькал и выглядел мелким. Но теперь мальчик видел, что ящер довольно крупный, с кошку. Вот только лежит он неподвижно и глаза затянуты пленкой. Лешка просунул палец сквозь решетку и коснулся шершавого тельца. Джек вздрогнул, блеснул желтый глаз. Живой!

Лешка открыл клетку, осторожно вынул тварику, мимоходом удивившись тому, какой он горячий, сунул Джека за пазуху и выскочил за дверь.

И нос к носу столкнулся с каким-то стариком.

- Алеша? – удивленно спросил тот, вскинув седые брови.

Перенервничавший Лешка не сразу сообразил, что перед ним Эрнест Виленович, дед Тимофея. Старик был высокий, с прямой спиной и широкими плечами. Впрочем, это он по Лешкиным меркам старик, а так –

профессору Литвольду недавно исполнилось пятьдесят семь, он считался одним из крупнейших специалистов-микологов, ездил в экспедиции и вел большую научную работу.

- Что ты здесь делаешь? – удивленно спросил профессор, внимательно разглядывая взъерошенного мальчика.

- Ничего. Я хотел посмотреть... на лабораторию. Ну, такую, настоящую, а не учебную.

- Лабораторию? – переспросил Эрнест Виленович.

- Ну да... а как там Тимофей?

- Болеет пока. Но это ничего. Идем, - профессор крепко взял мальчика за локоть.- Я покажу тебе настоящую лабораторию.

Эрнест Виленович шел не то, чтобы быстро, но некоторое время все Лешкины мысли были заняты тем, чтобы не сильно отставать от профессора и не уронить Джека, который все еще не подавал признаков жизни. Лешка придерживал его одной рукой и чувствовал, что тваренок тяжелый. Закинув рюкзак на плечо, он прижал ящера обеими руками, и теперь было похоже, что у него болит живот. Поотстав на полшага, Лешка попытался пристроить ящера поудобнее. Толстовка - вещь хорошая своей объемностью, но если присмотреться, то любой сообразит, что мальчик что-то прячет под одеждой. Вот ведь не вовремя повстречался ему Тимкин дед, с досадой думал Лешка. В другое время он был бы счастлив столь заманчивым предложением, небось не каждый день удастся шестикласснику попасть в настоящую лабораторию! Но сейчас он мог думать только о том, как бы смыться, хоть на время остаться в одиночестве, осмотреть Джека... Лешка решил, что не остается ничего другого, как заявить, что ему срочно нужно в туалет. Открыл было рот, поднял голову и вдруг сообразил, что они с профессором приближаются к тем самым запертым стеклянным дверям. Последний рубеж перед стеклянной пирамидой, который ему так и не удалось преодолеть. Лешка заколебался, хоть и понимал, что надо бы сматываться как можно быстрее, но тут Эрнест Виленович, небрежно протянув руку, открыл стенную панель, и у мальчика перехватило дыхание. Такие штуки он видел только в кино. Под облезлой, крашеной коричневой красочкой деревянной заслонкой оказалась суперсовременная электронная панель. Профессор приблизил лицо к тускло мерцающему голубым экранчику. Вау, устройство для распознавания сетчатки глаза, понял Лешка. Это круче, чем считывание отпечатков пальцев! Тем временем экранчик налился насыщенным молочным светом, что-то тихо пискнуло, и двери открылись. Мужчина зашагал вперед, Лешка – за ним.

Пройдя пару шагов, он оглянулся. С этой, внутренней стороны, двери не притворялись деревянной рухлядью. Они тускло отсвечивали тяжелым металлом, стекла обрели сероватый оттенок и почти осязаемую толщину. Лешка потянул носом и понял, что здесь даже пахнет по-другому. Может, двери и вовсе герметичны. Он чуть ли не вприпрыжку поспевал за профессором, который шагал вперед, не проронив ни слова. Ай да биофак! А он-то думал, что тут все сплошь старье прошлого века! Ан нет, есть, оказывается, места, где настоящее суперсовременное оборудование! И работа тут, наверное, действительно важная ведется. На секунду в Лешкину лохматую голову закралась мысль, что не положено пускать шестиклассников в секретные лаборатории, но он быстренько сомнение это изгнал: повезло – так повезло.

Как и в обычном коридоре, здесь справа и слева тоже имелись двери, но выглядели они куда солиднее. И, как назло, среди них не имелось ни одной с буквочкой "М". А впереди... Конечно же такие огромные двойные двери могут вести только в пирамиду! Ладони у Лешки вспотели, он поелозил ими по толстовке и почувствовал, как трепыхнулся под рукой тварик. Живой!

Профессор остановился подле дверей, оглянулся на мальчика. Лешка вытаращился в ответ, стараясь, чтобы незаметно было, как он запыхался. Мужчина хотел что-то сказать, но потом лишь пожал плечами и буркнул:

- Ты сам напросился. Заходи.

Послышалось шипение, тяжелые створки разошлись в разные стороны, и Лешка робко вошел в помещение. Первое, что он увидел перед собой, был старый, облезлый шкаф. Шкаф стоял посреди совершенно пустого пространства, на выложенном плиткой полу, в окружении стеклянных панелей купола.

Мальчишке вдруг захотелось заплакать, но он вспомнил, что уже взрослый и рассердился на того, кто так жестоко пошутил над его любопытством. Обернувшись к профессору, Лешка зло спросил:

- Это что? Это и есть ваша супер-пупер лаборатория?

Однако Эрнест Виленович не улыбался. Лицо его было жестким и напряженным. Он смотрел на шкаф и словно прислушивался к чему-то. Теперь и мальчик уловил легкий гул, некую вибрацию, источник которой, видимо, находился в шкафу. Он сделал было шаг назад, и в тот же миг твердая рука вцепилась в его плечо.

- Эй, вы чего?

Гул нарастал. Откуда-то налетел ветер, Джек вдруг очнулся и принялся возиться. Лешка сильнее прижал его к себе ладонями, опасаясь,

что ящер упадет на пол. А в стеклянной пирамиде меж тем нарастали гул и свист, ветер бил в лицо, заставляя щуриться. С изумлением заметил Лешка зазмеившиеся меж плиток пола ярко-красные, словно раскаленная лава, полосы. Они сбегались от стеклянных панелей по стенам, со стен на пол и к шкафу, а когда достигли его, дверцы распахнулись. Внутри было темно. И как-то сразу ясно стало, что это не уютная темнота деревянного шкафа, где можно и в прятки поиграть, и найти забытую в детстве игрушку. Тьма была бесконечна, она шумела и гудела, и именно туда, в темноту, заталкивал Лешку профессор Эрнест Виленович. Лешка упирался как мог, но совладать со взрослым здоровым мужчиной ему было не под силу. Он почувствовал, что падает в гул и ветер, дверцы шкафа захлопнулись, стало темно, а потом он упал на спину, и тут же Джек ужом вывернулся из-под толстовки.

- Стой, ты куда?

Лешка сел, кругом по-прежнему было темно, он зашарил руками вокруг себя, пытаясь найти беглеца, наткнулся на дверцу, и она распахнулась. Он сидел на полу в старом деревянном шкафу. Напротив поблескивали стекла пирамиды. Было тихо, ни ветра, ни гула. Но вместо профессора подле шкафа обнаружился мальчик. Лешка выбрался из недр прозаического и в то же время загадочного предмета мебели, выпрямился, с облегчением убедившись, что мелкий пацан, должно быть, классе в третьем, а потому угрозы не представляет. Был он какой-то худой и бледный чуть ли не до зеленого оттенка. Впрочем, одернул себя Лешка, неизвестно, как я сам выгляжу. Напугался так, что аж колени ноют.

- Привет, - сказал он.

- Привет, - прошелестел мелкий.

- Ты это... деда тут не видел? Ну, профессора?

- Нет.

- А ящера?

Глазенки мальчика расширились, он испуганно попятился.

- Эй, ты чего? Он небольшой совсем, с кошку. Джек зовут.

Тут только Лешка сообразил, что мальчик смотрит не на него, а куда-то ему за спину. Резко обернувшись, он увидел красноглазого. Тот опять был в грязном халате. Увидев Лешку, он как-то недобро оскалился и спросил:

- Ты забрал дракона?

- А? – Лешка изумился совершенно искренне.

Некоторое время человек пристально смотрел ему в глаза, а мальчик растерянно думал, что Джек не дракон, а всего лишь ящерица... неизвестной породы, правда. Хотя, может, он детеныш комодского дракона? А еще Лешка

думал, что сегодня у этого противного типа не только веки красные, но и глаза тоже. Обалдеть, чем же он таким занимается?

- Ладно, - сказал тип. – Идите к себе.

Мальчик потянул Лешку за руку, и тот неохотно поплелся за ним к выходу, украдкой оглядывая помещение в поисках Джека. Тварика он не нашел, зато, когда они вышли за дверь, сразу понял, что вокруг что-то не так. Коридор был темен и пуст. Не скрипел старый паркет, ноги ступали по каменному полу, впереди маячили обычные двери, и его худенький провожатый распахнул их легким толчком.

Пока Лешка пытался сообразить, что к чему или хоть задать какой-нибудь умный вопрос, они вошли в лифт и спустились на несколько этажей ниже. Лешка так растерялся, что не знал, что спрашивать. Даже лифт был странный: в нем имелась банкетка, обтянутая красным плюшем, а стеклянная дверь кабины была отделана накладками из тусклого металла с растительным орнаментом. Потом потянулся бесконечный коридор, низкая дверь и за ней комната.

- Это твоя кровать, - прошелестел мальчик, указывая рукой на тюфяк подле окна, застеленный суровым шерстяным одеялом.

- Кровать? Какая кровать?! Да меня дома родители ждут! Я... я пошел, - Лешка повернулся было к двери, но услышал сзади тонкий голосок:

- Двери Замка уже закрыты. И никто не выходит ночью в одиночку. А кто выходит – не возвращается.

- Замка? Вы тут что все – с ума посходили?

- Иди сюда, - позвал мальчик, подходя к окну, - Смотри.

Лешка неохотно сделал несколько шагов вглубь комнаты и уставился в темное стекло. Постепенно он смог разглядеть то, что находилось снаружи.

Часть 2

Замок возвышается на холме над мутной рекой. Река не отражает его серые стены, на которых видны отметины, оставленные когтями сумеречных тварей. Мутные воды темны и тяжелы и даже тот, кто наклонится над ними, не увидит своего отражения. Все почему-то знают, что это река, хотя никому еще не удалось разглядеть противоположный берег, ибо он всегда скрыт туманом. Туман кажется лишь дымкой, но чем пристальнее вглядываешься в него, тем плотнее он становится, обретая глубину и некую загадочно-неприятную вещественность. Посмотри чуть дальше – и ты увидишь нечто,

дышащее и шевелящееся там, внутри, потом почувствуешь взгляд, устремленный на тебя, и страх ледяными крючьями вцепится в желудок. Кто это? Кто там? Или что? Нужно найти силы оторвать взгляд от колышущейся и переливающейся серостью пелены и уйти прочь. Потому что, если продолжать вглядываться – ты увидишь и услышишь... Никто не узнает, что ты слышал, потому что ты никому не сможешь рассказать, кто звал тебя из тумана. Зов этот сковывает душу, и человек идет к нему, ступает в тяжкие воды реки и пропадает в серой пелене, когда вода поднимается по грудь. Никто не возвращается из тумана и никогда к берегу не прибывает тела. Не нужно вглядываться в туман, он не лучше той бездны, что может взглянуть на человека в ответ на слишком пристальное внимание с его стороны.

Замок возвышается на холме, охраняемый, скрытый рекой и туманом. Он самодостаточен, прекрасен и величественен. Шпиль главной башни упирается в небо и любой человек, видевший главное здание Университета без труда опознает знакомые контуры. Но что-то изменило суть здания, и перемены эти отразились в архитектурных деталях. Прямоугольные окна и перекрытия выгнулись готическими арками, двери обросли тяжелыми резными порталами, их деревянные рамы взбухли, и в их плоть врезались металлические оковы, покрытые защитными рунами.

Серый камень стен утратил гладкость облицовочных плит и вернул себе неоднородность и шершавость грубо вытесанных блоков. Зубцы поднялись по периметру стен, зарешеченные окна первых этажей сменились узкими бойницами.

Подобно Университету, Замок окружен территорией. Здесь есть деревья, кусты и странные предметы, занявшие место статуй и фонтанов. Есть заросший дикий парк на месте ботанического сада, и в его зарослях обитают загадочные существа.

- Паша, нам нужно встретиться и как можно скорее!
- Что случилось?

Павел оторвался от окуляров микроскопа и сосредоточился на голосе Леры. Нервный у нее был голос, взвинченный. Или даже испуганный.

- Я хочу попросить тебя о помощи, - выпалила девушка. Потом, словно спохватившись, добавила: - Ну, и я ужасно соскучилась... мы ведь с утра не виделись!

- Мне нужно закончить серию тестов, - бесцветным голосом сообщил Павел. Если она вспомнила, что соскучилась - ситуация вряд ли смертельна! – Встретимся на биофаке в восемь тридцать, хорошо?

- Лучше приезжай ко мне, когда закончишь работу. Ты сегодня где? На биоинженерном?

- Да.

- А что делаешь?

- Все то же самое. Смотрю в микроскоп.

- Я буду тебя ждать, - проговорила Лера, и Павел не смог определить, что же за нотки прозвучали в ее голосе. Ведь не могло это быть раздражение или даже злость? С чего бы ей злиться? Потому что он не может сразу бросить работу? Чушь, Лера должна понимать... Павел потер уставшие глаза, повел плечами и, отбросив посторонние мысли, сосредоточился на работе.

Науку делают лаборанты, говорил себе Павел. Чтобы выявить закономерности некоего процесса, нужно провести множество опытов, проверить и перепроверить результаты. Ни один маститый ученый не станет часами просиживать перед микроскопом. Для этого есть лаборанты, вот как он, например. Сегодня у нас на повестке дня результаты облучения клеток крови звуковыми волнами разного диапазона. Тромбоциты, лейкоциты, моноциты... Он работал механически, но в голове крутился разговор с Лерой. Может, она злится из-за того, что он отказался обсуждать с ней свою работу над проектом Найруллина? Но из-за чего тут сердиться? Во-первых, Павел сомневается, что Лера поймет научные подробности той части проекта, над которой он работает. А во-вторых это действительно секретная информация! Рифат Камилевич лично побеседовал с каждым, кто работал над проектом "Иерихон". Он сумел донести до сотрудников не только важность порученного каждому из них участка, но и необходимость абсолютной секретности. Найруллин не стал скрывать, что, поскольку проект "Иерихон" курирует лично господин Громов и этот бизнесмен тратит на исследования большие деньги, его служба безопасности считает своим долгом присматривать за людьми, участвующими в проекте.

Я дал согласие на прослушивание своих телефонных разговоров и наблюдение, говорил Найруллин. Если вы чувствуете, что такие условия для вас некомфортны или по каким-либо соображениям неприемлемы, от работы в проекте нужно отказаться сейчас. Кто-то отказывался, кто-то соглашался.

Павел пожал плечами и подписал необходимые бумаги. Пусть следят, секретов особых у него нет. Может, так и лучше, а то опять уплывут отечественные разработки корабликом в синюю зарубежную даль.

Вечером он приехал в квартиру к Лере. Она усадила его за стол, подала ужин и, пока он ел, принялась рассказывать:

- Я хотела попросить тебя... Ты ведь знаешь Микчурина?

- Сергея Михайловича? Ну, относительно. То есть я с ним знаком, потому что время от времени работаю в его лаборатории на кафедре физиологии растений. Мы там с тобой встретились, помнишь?

- Да... Знаешь, я не говорила тебе раньше... а ведь Микчурин работал с моим отцом! Папа был энтомологом. Только он преподавал не в МГУ, а в Новосибирском университете. Но Микчурина считал своим другом... и зря! – последние слова она выкрикнула зло.

- Правда?- удивился Павел.

- Да... Они вместе были в экспедиции в Африке, где мой отец погиб.

- Да ты что? – Павел отодвинул тарелку. – А что там случилось?

- Не знаю толком... это очень странная история. Дело было несколько лет назад, они принимали участие в комплексной экспедиции куда-то вглубь Африки... Кения, Уганда, Танзания. В этом районе есть озеро с уникальной экосистемой, и они изучали его флору и фауну, ну, ты понимаешь... Там был какой-то пограничный конфликт, проводники бросили экспедицию и сбежали, ученые оказались в районе боевых действий, и отец погиб.

- Мне жаль, - Павел протянул руку к девушке, но та, схватив его за запястье, заговорила быстрее:

- У моего отца был талисман – такой крупный плод какого-то африканского дерева... ну, типа орех: круглый, ребристый, размером с пинг-понговый шарик. Папа мне так часто говорил, что это наш с ним талисман и столько сказок мне в детстве про этот орех рассказывал... Что из него можно вырастить любое дерево, даже целый лес... И все растения в этом лесу будут необыкновенными... - Лера осеклась и замолчала.

Павел ждал продолжения, глядя на взволнованное личико подруги.

- И вот недавно я увидела этот орех у Микчурина, - выпалила Лера.

- Ну... ты уверена, что это та же вещь?

- Конечно! Он такой один... вот, смотри! – девушка достала из сумочки фото и сунула его Павлу. На светлом фоне лежал круглый, немного неправильной формы предмет. Темные, лаково отблескивающие бока были покрыты сложным узором. - И я Микчурина прямо спросила, откуда у него эта вещь, а он сказал, что получил его в наследство, - продолжала Лера. – Он мне соврал, понимаешь?

- Может, он взял орех на память о погибшем друге? – предположил Павел.

- Я ему сказала, что это папин талисман и попросила отдать, а он... он рассмеялся и сказал, что орех нужен ему самому, а мне пора забыть про папу и детские сказки.

Павел нахмурился. Может, Лера что-то не так поняла? Профессор Микчурин не производил впечатление человека, способного смеяться над чужим горем, пусть и давним.

- Ты, наверное, не так его поняла...

- Все я поняла! Он просто хочет оставить его себе, а я... это все, что осталось от папы и... - Лера начала всхлипывать. – Ой! – она схватилась за глаза.

- Что?

- Линзы... Черт, я сейчас... - и девушка побежала в ванную. Она вернулась буквально через пару минут, но за это время в голове молодого человека возникло множество вопросов относительно экспедиции и всего случившегося.

- Нет, это не важно, - прервала его Лера, когда он пристал к ней с расспросами. - Важно только то, что этот человек обокрал меня, присвоил себе то, что принадлежит мне... папину вещь.

Она поникла и закрыла лицо руками. Плечи начали вздрагивать. Павел обнял ее, пытаясь утешить. Он целовал ее волосы, пальчики, которыми она закрывала глаза, потом подхватил на руки и понес в комнату.

- Ты достанешь его для меня? – спросила Лера через некоторое время.

- Что?

- Орех? Ты заберешь его? Микчурин всегда носит его с собой.

- Ты хочешь, чтобы я поговорил с профессором?

- Нет, не о чем с ним говорить! – она отстранилась, села на диване и уставилась на молодого человека сердито, кусая губы.- Он подлый, раз не хочет отдать мне папину вещь! Ее нужно просто забрать! Ты pomoжешь мне? Ты ведь такой сильный...

- Лера, ты соображаешь, что говоришь? Я что, должен с ним драться?

- Милый... - она обвила его, прижимаясь всем телом, горячее дыхание касалось губ Павла.- Ты ведь сделаешь это для меня? Докажи мне, как я нужна тебе, верни мне эту вещь... И я буду для тебя всем, всем...

- Я поговорю с ним, - пробормотал Павел.

- Мне не нужно, чтобы ты с ним говорил! Я хочу, чтобы ты поклялся, что заберешь у него орех! Ну же, ради меня!

- Я сделаю все, что в моих силах...

Лера отстранилась.

- Вот как? Ты, оказывается, трус?

- Почему трус? – растерялся он.

- Потому что боишься! Боишься, что у тебя будут неприятности? А я?

Обо мне ты подумал?

- Лера, послушай...

- Нет! Я ничего больше не хочу слушать! Уходи! И не возвращайся, пока не заберешь папин талисман!

Она ничего не желала слушать, и ошарашенный Павел через несколько минут обнаружил, что стоит перед закрытой дверью, а из квартиры доносятся рыдания Леры. Сердце его разрывалось, но, сколько он ни звонил и ни стучал, она так и не открыла. Павел вернулся домой, полночи сидел за компьютером, утром поехал в Университет и на кафедре узнал, что профессор Микчурич ночным рейсом улетел на конференцию в Томск и вернется послезавтра. Тогда он попытался дозвониться Лере, но трубку никто не брал. Павел поплелся на лекции, потом в лабораторию, но в голове была полная каша.

Павел положил руки на стол, а на руки опустил свою гудящую голову. Неладно что-то в датском королевстве. А если точнее – то пропала королева. Вчера он не смог дозвониться Лере, расстроился и поехал к ней домой. Девушка снимала небольшую двухкомнатную квартирку на улице Миклухо-Маклая. В этой самой квартирке Павел провел немало приятных часов. Несколько раз он даже оставался ночевать, и утром они вместе с Лерой завтракали, а потом ехали в Университет. Павел поднялся по лестнице и позвонил в дверь. Никто не открыл. Он повторил попытку и несколько минут бестолково топтался на лестничной площадке, потом поехал домой, снова и снова звонил Лере на мобильник, переживал, что не знает номера ее матери, почти не спал ночь.

Утром прибежал в Университет, снова ждал, расспрашивал сотрудников кафедры. Но те лишь качали головами: никаких сведений кроме мобильного и адреса той же съемной квартиры Лера не оставила. Но ведь есть отдел кадров, сообразил Павел. Если она работала лаборанткой, то ее должны были оформить, а значит записать данные паспорта, прописки. Он нашел нужный телефон и набрал номер, но дама из отдела кадров несколько высокомерно заметила, что в начале года полно работы, и никто не

торопится оформлять лаборантов, тем более, что девушка бумаги взяла, пообещала заполнить дома и занести. Вот с тех пор и не появлялась.

И вот теперь Павел сидел, злой и несчастный, запершись в кабинете, и думал, что же могло с Лерой случиться. Возможные ответы на этот вопрос ничего хорошего не сулили. В большом городе с молодой девушкой может случиться все, что угодно... Он уже подумывал о том, не позвонить ли в милицию... и кажется, есть специальная справочная, где можно получить информацию о жертвах несчастных случаев... Негромко плюкнул телефон. СМС-ка... Он скосил глаза на дисплей. От нее! Дрожащим пальцем Павел ткнул в экран, открылось сообщение: "Уезжаю к родителям. Спасибо за fun. Пока." И улыбающийся смайлик.

На парня словно вылили ушат холодной воды. Fun? Пока? Он тут с ума сходит, а она просто уехала?

Ах, я дурак, какой дурак! Она развлекалась, что ли? Или... или это сообщение написано не Лерой? Она говорила, что отец погиб, а тут "уезжаю к родителям"... Впрочем, про отца она наврала, это он знает. Первое, что сделал Павел, вернувшись домой ночью после ссоры с Лерой, - залез в компьютер и стал искать информацию об экспедиции, в которой принимали участие Микчурин и отец Леры. И с удивлением узнал, что профессор Микчурин в Африке не был никогда. В Азии – да, много раз. Но ни в какой Кении или Уганде отродясь не бывал. Тогда Пашка принялся искать любую информацию об экспедициях в тот район с участием российских ученых. Нашел несколько отважных исследователей, но все они вернулись из поездок живыми и здоровыми. Но самое странное: ни в одной экспедиции Лерин отец участия не принимал. Да что там экспедиции! Павел вообще не нашел ученого с таким именем; ни статей, но фамилии в списках преподавательского состава Новосибирского университета – ничего!

Вывод напрашивался простой: либо информация закрыта и как-то очень уж плотно, либо Лера наврала про отца. А если не только про отца? Если она его использовала, чтобы развлечься и получить желаемое – орех профессора Микчурина или еще что-то? Пашка обхватил голову руками и опять застонал. Как я мог? Как превратился в полного идиота, едва познакомившись со смазливой девчонкой? Он сидел и вспоминал последние две недели день за днем. Там была Лера, работа, Лера и снова Лера. Ни одной посторонней мысли, ни одного желания, кроме стремления видеть ее и общаться с ней. И, положив руку на сердце, сейчас он не мог понять почему. И самое ужасное... Как получилось, что ни разу за две недели не вспомнил он про Алиску? Это было действительно странно, потому что, сколько Пашка себя помни, она всегда рыжим огоньком жила в его душе, и, даже не

думая о ней, Павел никогда не забывал про девушку. А в этот раз – как будто его околдовали.

Он вспомнил, какая Алиска была в их последнюю встречу после прогулки по крыше и музею: бледная и несчастная. Павел решил тогда, что она просто вредничает и пошел работать. Если бы все шло как всегда, он позвонил бы в тот же вечер, и они болтали бы, как ни в чем не бывало. Но он встретил Леру и не позвонил. И что самое ужасное – Алиса тоже не звонила, а это значит... значит, она знает про Леру.

Павел провел в поисках и метаниях еще пару сумрачных дней, потом устал удивляться собственному кретинизму, и мысли его перетекли в русло практическое. Нужно узнать, как там Алиска и придумать, как ее вернуть. Пробежав пальцами по клавиатуре, чтобы выйти в чат, Павел осознал, что за последние недели ни разу не общался не только с Алиской, но и с остальными ребятами. Все его время было занято работой и Лерой.

Он нашел переписку, из которой явствовало, что Большая часть компании сегодня идет в Сокольники участвовать в какой-то акции, или перформансе, который называется "Живые часы". Часы так часы, решил Павел и вечером отправился в парк тусоваться с надеждой встретить Алиску.

Сокольники встречали гостей хорошо: по ухоженным аллеям катались велосипедисты, роллеры и энтузиасты на педальных машинках. Порывы несильного ветра доносили с разных сторон волнующие запахи: кофе, шашлык, пончики, что-то еще памятное с детства и очень манящее. Кто-то бродил по аллеям и дорожкам, кто-то любовался белками, кто-то фоткался на фоне зеленой еще травы, усеянной роскошным ковром желтых и красных листьев. Народу на перформанс собралось полно, организаторы, которые называли себя скульпторами, бегали, суетились, размечали мелом площадку, где должны тикать живые часы. Один из "скульпторов", молодой человек субтильного сложения с дорожкой стрижкой и в дизайнерских темных очках, объяснял участникам смысл происходящего:

- Мы проводим наш перформанс в рамках программы "Изменим ландшафт города с помощью культуры". Наши действия исполнены важного смысла: требуется доказать, что мы не просто планктон, населяющий эти бетонные джунгли, мы сознательные граждане, которые хотят осознавать мир, и подчинить себе пространство, в котором живут... живем... – он сделал паузу, чтобы перевести дыхание и поправить очки.

Базиль, оторвавшись от своей девицы, которой он что-то нашептывал и целовал в ушко, сказал:

- Планктон не живет в джунглях.

- Что? - затемненные стекла дизайнерских очков уставились на оживший элемент перформанса с удивлением.

- Вы сказали: "планктон, населяющий джунгли". Планктон – это мелкие ракообразные и живут они в океане, не в джунглях.

- Какая разница?

- Действительно, какая? – хмыкнула девица Базиля, весьма колоритная: вся в красно-черных тонах и с большим количеством металлических вкраплений в разных частях организма.– Понты они тут разводят и все.

- Аркадий, я же говорила, что нужно быть проще в объяснении концепций современного искусства, - вмешалась в разговор высокая и тощая особа тщательно скрываемого возраста, застегнутая в зеленый френч. Свободные брюки маскировали кривоватые нижние конечности, водруженные на изрядные шпильки.

- Да, вы бы нам попроще, ну это, шоб мы допетрили, - подхватил Базиль, кривляясь.

- И мы будем думать, что вы и правда все это сами придумали, а не у западников слизали, - ввернула девица, когда Аркадий, принявший издевку за чистую монету, собрался было снизить и объяснить происходящее.

- Как это "слизали"? – растерялся Аркадий.

- Идея живых скульптур принадлежит британцам Гилберту и Джорджу. Свой первый перформанс ребята сделали еще в 196- каком-то году, - нахально заявила черно-красная девица, демонстрируя неожиданно глубокое знание предмета.

- Но позвольте, этак вы скажете, что любой, кто изобразит сидящего человека в камне, подражает Родену! – принялся горячиться скульптор.

Павел без особого интереса слушал всю эту дискуссию, глаза его шарили по толпе в поисках знакомой фигурки, но Алиса все не появлялась. Когда стало понятно, что действие вот – вот начнется, он тронул за локоть Базиля:

- Слушай, Алиска сбиралась прийти?

- Алиска? – приятель удивился, потом, словно вспомнив что-то, глянул на Павла хмуро: - Ты уезжал куда?

- Вроде того.

- Алиске сейчас не до тусовок. У нее брат пропал. Предки в истерике, она вообще-то тоже. Мы ходили по району, объявления расклеивали с его фоткой. Но пока ничего.

Сердце Павла ухнуло в холодную темень. Лешка? Лешка пропал? Как же так? Развернувшись, он бегом кинулся к выходу из парка. Тоскливое чувство неловкости, которое он испытывал из-за того, что так в одночасье позабыл про Алису, сменилось обжигающим стыдом: его не было рядом, когда пришла беда. И еще он думал о Лешке. Пацанчик был внятный, Пашка часто возился с ним, и знал, что парень без закидонов и тинейджеровской шелухи. Что же могло случиться?

Не сознавая того, всю дорогу до алискиного дома он бежал, даже в метро, в переходе, лавировал в толпе, спеша неведь куда. Не переводя дыхания, взлетел на 5 этаж и позвонил в квартиру. Дверь распахнулась буквально через секунду, и Павел увидел перед собой Анастасию Николаевну, мать Лешки и Алисы. Конечно, она ждала не его, и юноше показалось, что и он постарел, а душа его сжалась от горя, когда он увидел перед собой лицо и глаза женщины, сын которой несколько дней назад не вернулся из школы.

Надежда на лице Анастасии Николаевны сменилась горьким разочарованием, потом она узнала Пашку, улыбнулась ему слабой, жалкой улыбкой и махнула рукой вглубь квартиры:

- Алиса у себя.

Он скинул кроссовки и прошел в комнату. Открыл дверь. Алиса сидела на полу лицом к мольберту. Она покачивалась из стороны в сторону и тихонько то ли бормотала, то ли всхлипывала. Пашка опустился рядом с ней на ковер и обнял. Даже не взглянув, она привалилась к его плечу и затихла. Потом она плакала, а он, не зная, что делать и говорить, то целовал ее волосы, то бормотал что-то, обещая, что все будет хорошо. Успокоившись и не выпуская его руки, девушка задремала. Павел смотрел в ее лицо, и горло сжимал горячий спазм от подступивших слез. Она осунулась и похудела. Под глазами залегли тени, сухие губы потрескались. Он так и сидел, баюкая ее на руках, как ребенка. Потом Алиса вдруг вздрогнула, села и уставилась на Пашку, потом схватила его за руку, развернула лицом к мольберту и спросила:

- Что ты видишь?

Павел уставился на картину. Алиса писала и раньше, но совершенно в другом стиле. На листе картона громоздилась серая стена замка. Узкие окон-бойницы, готические арки, приоткрытая дверь, за которой неоднородный

какой-то мрак. Павел напрягся. Там, в темных и путаных линиях штриховки угадывалось нечто... словно кто-то недобрый смотрел оттуда.

- Мрачная архитектура. Почему замок? – спросил он.

- Потому что я думала о Лешке... Понимаешь, я... если сосредоточиться, я могу чувствовать. Знаю, что он жив. Тянусь к нему... но не могу достать. Тогда я думаю, думаю, а потом рисую. И вот, смотри.

Павел перебирал листы картона: там вновь и вновь повторялся тот же сюжет: стены замка, темные переходы, где к стенам жмутся колючие угловатые тени, крысообразные твари на высоких когтистых лапах.

- Алиса, ты... Почему именно это? Своды какие-то церковные...

- Нет, там не церковь, там что-то вроде старого замка... Пашка, не смотри на меня так, словно я с ума сошла. Много всего случилось...

Алиса встала, закружила по комнате, поглядывая на приятеля. Потом, остановившись перед Павлом, сунула руку в карман и как нож выхватила оттуда что-то блестящее:

- Вот. Возьми в руки, и ты поймешь...

Пашка смотрел на дрожащую, перемазанную грифелем ладошку. Перед его глазами серебрился круглый медальон. Он разобрал изображение глаза и пирамиду вместо зрачка.

- Возьми, ты поймешь, что он необыкновенный. Ну же! – крикнула Алиса почти зло.- Ты не представляешь, как тяжело дать его другому человеку. Только тебе, потому что я верю... я знаю тебя.

- Я не хочу его трогать, - Павел вдруг ощутил, что лопатками упирается в стену. – Убери. Я верю тебе и понимаю, что эта штука необыкновенная. Давай ты мне расскажешь, откуда и как она к тебе попала.

Лешка обживался в замке. Он уже знал, что Хозяина Замка зовут Адриан. Он своего рода верховное существо, его никто не любит, но уважают и боятся. Живет он в Главной Башне и лучше с ним вообще не встречаться, во избежание проблем. Красноглазого зовут Мавсол и он что-то вроде эконома и управляющего Замком; он распоряжается и командует упырями. Кроме упырей в Замке есть служки, в число которых вписали и Лешку. Его служба состояла в том, чтобы ухаживать за Джеком, которого все местные упорно величали драконом. Остальные служки больше всего смахивали на неразговорчивых гномов, общаться не желали, и Лешка вспомнил мелкого мальчика, с которым познакомился в первый же день, но

потом мальчик куда-то пропал. Лешка искал его, бродя по темным коридором, натываясь на запертые двери и злобно шипящих вслед упырей. Попробовал спросить Мавсола, тот зыркнул сердито и велел заниматься делом. А через несколько дней, завернув за угол коридора, Лешка встретил мальчика совершенно случайно. Тщедушный мальчик, одетый в длинный балахон и бледный до зеленого оттенка кожи, шарахнулся к стене и вытаращился на него в испуге.

- Эй, ты чего? – Лешка с интересом его разглядывал. - Как тебя зовут-то?

- Кустик, - прошелестел мальчик.

- А я Алексей... Лешка. Ты давно тут?

Мальчик кивнул и попытался улизнуть.

- погоди! Ты разве не хочешь поговорить?

- У меня дела.

- У меня тоже... дракон сбежал опять, а я его ищу. Но мы можем сделать вид, что ищем его вместе, а пока идем, я тебе найду поесть чего-нибудь.

- Зачем?

- Как зачем? Ты бледный такой. Голодный же?

- Нет, - мальчик замотал головой.- Я не хочу.

Лешка удивился, но решил не навязываться.

- Ты не знаешь, как отсюда выбраться? – в лоб спросил он.

- Главный коридор и лестница там, - Кустик мотнул головой назад.

- Я имею ввиду из Замка, балда!

- Нет. Отсюда нет выхода, - малец втянул голову в плечи и сжался еще больше.

- Вранье! – крикнул Лешка.- Если есть вход, то есть и выход! Я попал сюда через шкаф в башне со стеклянным потолком –пирамидой. Да ты же видел! А ты сам? Как ты здесь оказался?

- Не помню, - прошелестел мальчик, отводя глаза.

- А Джек вообще шляется туда-сюда как ему вздумается.

- Это кто?

- Дракон.

- Ну, так он же дракон... Ему все равно.

- А кто еще может ходить туда-сюда? – быстро спросил Лешка.

- Упыри могут...

- А еще кто?

- Хозяин...

- А с собой провести упыри могут? – поразмыслив, спросил Лешка.

- Нет.

Лешка впал в задумчивость, и странный малый быстро мелькнул краем своего балахона в конце коридора и сбежал. Через некоторое время они встретились снова, мальчик дичился меньше и стал более разговорчив. Они иногда убегали от своих обязанностей и как-то раз, сидя на одном из карнизов крыши, привалившись спиной к башне и рассеянно глядя в серый сумрак, заменяющий небо, Кустик рассказал, откуда в Замке появился дракон.

- Хозяин принес яйцо лет десять назад. Ты не представляешь, как они все с ним носились! Обогревали так, что замок чуть не спалили! Потом он вылупился, - Кустик покосился на дракона. Ящер лежал на крыше, положив голову Лешке на колени и, помаргивая, таращился на мальчиков золотистыми глазами. – Сперва Хозяин был рад и строил какие-то планы, где дракону отводилась важная роль. Но он, дракон, никогда ничего не ел и не рос. Хозяин был в бешенстве! Все пытался найти того, кто заставит дракона есть... Потом он вычитал где-то, что дракон сам должен выбрать себе друга... или службу или как это назвать... Человек этот должен быть непременно рожден в год Дракона. Ну, пару раз тут появлялись... разные. Но дракон к ним интереса не проявлял. Мавсол, - Кустик испуганно оглянулся и понизил голос.- Мавсол его всегда терпеть не мог и все клянчил у Хозяина для каких-то опытов. Что-то там связано с кровью дракона, вроде она обладает какими-то свойствами необыкновенными.

Ящер поднял голову и внимательно взглянул на Кустика.

- Ну, говорю, что слышал,- пожал плечами тот. – Хозяину надоело, что дракон просто шляется по замку, вроде кошки, да еще оказалось, что он и в ту реальность может выходить. И он разрешил Мавсолу забрать дракона для опытов. А тут ты объявился и вроде дракон тебя признал. Литвольд, который помогал еще с яйцом возиться, заметил, что дракон начал расти, а значит, кто-то его кормит. Если это ты и был, то теперь ты служба Дракона.

- Мне больше нравится слово друг, – буркнул Лешка, почесывая лобастую башку ящера и удивляясь, какой Джек горячий. – А если он не станет есть и не будет меня слушать? – на всякий случай поинтересовался Лешка.

Кустик глянул испуганно и зеленоватый оттенок его кожи стал более заметным.

- Для тебя лучше, если будет, - прошелестел он.- А то будешь лифт возить или еще что...

Так Лешка узнал про души. По словам Кустика получалось, что никакой электроники в Замке нет. Характер здешнего мира таков, что он

приемлет лишь механику. А все механизмы, за неимением тока, управляются либо тягловой силой, либо душами людей, когда-то попавших в Замок, и чем-то не угодивших хозяину.

В той части Замка, где обретался мальчик, таких механизмов было немного, но с тех пор Лешка предпочитал обходить их стороной.

Через некоторое время он с удивлением обнаружил, что появляются здесь и обычные люди: порой из коридора, где располагался лифт, ведущий в стеклянную пирамиду, выходили мужчины и женщины, хорошо одетые, уверенные в себе. Их всегда сопровождал кто-нибудь из подобострастно-услужливых упырей, и мальчик понял, что приблизиться и попроситься домой ему не дадут.

Тогда Лешка решил, что вернется сам. Выждав момент, когда никого из упырей поблизости не было, он напрямик отправился в знакомый коридор и остановился перед дверью лифта. На самом деле человеку незнающему нелегко было сообразить, что это именно лифт. Дверь была сделана из матово-белого стекла с некоторым оттенком то ли серого, то ли зеленого цвета. Вся отделка была из бронзы: ручка, петли, накладки по всему периметру и наличник. Если бы мальчик знал историю искусства, он понял бы, что бронзовая отделка выполнена в стиле ар-нуво. А так Лешка просто отметил про себя, что узоры по металлу похожи на растительный орнамент.

Он протянул руку, крепко сжал в ладони ручку и дернул. На дверь это не произвело никакого впечатления. Некоторое время он сопел, толкая и крутя ручку, но ничего не помогало. Тогда Лешка опустился на пол и тихо сказал:

- Прошу вас, откройте.

Показалось ему, или ручка дрогнула? Так и есть: опустившись вниз, ее бронзовая завитушка стала похожа на вопросительный знак.

- Мне нужно попасть наверх, в пирамиду, - торопливо заговорил мальчик, вглядываясь в молочную белизну стекла. - Там есть шкаф, через который можно пройти домой.

Ручка с громким щелчком встала на место. Лешка встал и опять попробовал открыть дверь, но та по-прежнему была заперта.

- Прошу вас, - он погладил ладошкой прохладное стекло.- Помогите. Вы... у вас ведь тоже когда-то был дом... И кто-то там вас ждал и плакал. Моя мама, наверное, все глаза выплакала.

Он сглотнул комок в горле, вытер слезы... показалось, или стеклянная поверхность потемнела? Может, это знак? Он коснулся пальцами ручки, потянул и тут же вздрогнул от скрипучего голоса за спиной:

- Что ты здесь делаешь?

Лешка отдернул руку и оглянулся: за ним стоял Мавсол. Глаза упыря подозрительно взирали из-под красноватых век, кожа была покрыта какими-то пятнами и шелушилась, а одежда выглядела так, словно он спал в ней всю последнюю неделю.

- Н-ну? – Мавсол протянул руку и схватил мальчика за шиворот. Оторвал от земли и встряхнул как котенка. Другой рукой поддел пальцем под подбородок и приподнял голову. Только теперь Лешка заметил, какие у Мавсола ужасные руки: грубая кожа, скрюченные пальцы, суставы как узлы на корневищах. А ногти: коричнево-желтые, отросшие и загибающиеся внутрь... Когти звериные, а не ногти!

Краем глаза Лешка заметил в углу движение и задержался, пытаясь вырваться и хрипя, потому что ворот одежды мешал дышать:

- Пусти! Я тут по делу... Я его искал...

- Кого?

- Дракона!

Мавсол огляделся по сторонам и увидел Джека. Дракон выглядел не слишком дружелюбно. Он выгнул спину, как сердитый кот, и раскачивался на упругих лапах, злобно шипя. Шипение периодически переходило в свист, от которого ныли зубы, и закладывало уши. Упырь, хоть и был много крупнее дракона, попятился. Разжал руку, и Лешка кулем свалился на пол, жадно хватая ртом воздух и держась за горло. Дракон продолжал наступать на Мавсола, издавая высокие звуки, злобно сверкая золотистыми глазами и растопыривая все шипы и выпуклости своего костлявого тела.

Мавсол пробурчал что-то грубое и злое, и быстро ушел, скрылся за поворотом коридора. Джек тут же успокоился и, мимоходом дружески отдавив Лешке ногу, потопал в сторону кухни.

- Зараза ты все-таки, - ворчал мальчик, догоняя своего подопечного. - Вечно денешься куда-нибудь, даже на стреме постоять некому... Слушай, подожди! – Он ловко прихватил Джека за хвост, не дал себя цапнуть и заглянул в круглые золотистые глаза с вертикальными щелями зрачков. – Давай вернемся к лифту. Я его почти уговорил, когда этот урод явился. Если лифт согласится меня подвезти, я найду шкаф и смогу вернуться домой!

Ящер дернул головой. Лешка растерялся. Он хочет сказать "нет"? Джек интеллектом явно превосходил не только всех рептилий, но и собак, это мальчик понял давно. Однако дракон ни разу не общался с ним напрямую и Лешка не мог быть уверен, что жест что-то значит. Словно уловив его сомнения, Джек поднял голову и уставился на мальчика. Золотые глаза мерцали в полумраке коридора, и как самый узкий зазор меж яркими шторами раздражает, являя в освещенной комнате намек на черноту ночи,

так и зрачки дракона притягивали взгляд. Проблески тьмы в жидком золоте, они удерживали внимание мальчика, и вдруг Лешка увидел себя в лифте. Все как в прошлый раз, только теперь он смог в подробностях разглядеть потертые деревянные панели стен, тусклый блеск тянущейся по периметру бронзовой ручки и пятна на мутноватом зеркале. Потом взгляд его упал на банкетку, обитую красным плюшем. Плюш был аккуратно прибит маленькими позолоченными гвоздиками, и Лешка ошалело таращился на них, когда вдруг почувствовал, что в кабине что-то изменилось. Он поднял взгляд и понял, что пропало зеркало. На его месте клубился серый сумрак, и возникло неприятное ощущение пристального взгляда. Кто-то прятался там, за зеркалом, и наблюдал. Еще миг, тошнотворное головокружение – и вот Лешка стоит на ватных ногах, прислонившись к стене и чувствуя, как капля пота пробирается по спине меж лопатками. Капля его страха.

- За лифтом следят? – на всякий случай спросил он.

Золотистые глаза на миг помутнели, подернувшись пленкой внутреннего века. Джек развернулся и решительно зацокал в сторону кухни.

- Расскажи еще раз, только подробно, - что именно делает этот медальон, - попросил Павел.

- Он... когда я вешаю его на шею и хочу что-то узнать, мне нужно сосредоточиться, сильно, и тогда он становится холодным. Этот холод пробирается внутрь и словно постепенно доходит до мозга. И все становится таким ясным...

- Все?

- Да. Ты не поверишь... Я угадала, что мама приготовила мне в подарок на день рождения и нашла, где она его спрятала... хотя раньше мне это никогда не удавалось. А тут просто знала и все. Я вдруг поняла, что у нашего преподавателя культурологии роман с Викой из третьей группы. И странно было, что раньше не заметила очевидных признаков и намеков. – Она горько усмехнулась.- Думала, что сессию сдам играючи, эта штука должна и с учебниками помочь... А потом, потом пропал Лешка. И могу думать только о нем. Когда я сильно сосредотачиваюсь, я его чувствую, понимаешь? Родители думают, что он умер. А я знаю, что живой. Но где? Один раз я никак не могла заснуть и, видимо, впала в транс. Очухалась перед мольбертом, а на нем – этот замок. Я уж отсканировала его и в сеть завела, но ничего подобного нигде нет. Может, это катакомбы какие-нибудь? – Глаза Алисы расширились, и она вдруг выпалила:

- Знаешь, Лешка, когда был маленький, очень любил смотреть на Университет издалека... С Метромоста, например, или набережной Лужников. И он говорил, что это замок. А мама наша работает в этом замке волшебницей. Ну, он так думал, потому что она его брала в лаборатории и показывала всякие опыты, ну там с давлением, реактивной тягой и тому подобную чепуху...

- Ты думаешь, это Университет? – Павел принялся раскладывать на полу листы картона. – Но не похоже... Не может быть, чтобы где-нибудь, даже в Главной Здании, были такие помещения.

- Лешка пошел на занятия Школы юного биолога и не вернулся. Охранник сказал, что он ушел вместе с остальными... Я думаю, охранник просто так сказал, чтобы не цеплялись... С чего ему запоминать мальчишку! – Алиса сжала руки, потом решила: - Помнишь наш дурацкий поход по подвалам? Я тогда видела этих тварей, - она кивнула на колючий силуэт на одном из картонов. – Когда мы нашли люк. Он был заперт, но они были там, шастали по поверхности... Надо вернуться в тот подвал, найти люк.

- С ума сошла? Мы и попали туда только потому, что заблудились.

- Значит, надо заблудиться еще раз!

- Хорошо, - Павел взглянул на ее разгоревшиеся лихорадочным румянцем щеки и понял, что возражать бесполезно.- Только не сейчас, хорошо?

Он подумал еще немного, потом встрепенулся:

- Алис, а ведь подвалы в основном проходят под Главным зданием.

- И что?

- А если просто пойти в высотку? Не в подвал, а так... Но с этим твоим волшебным медальоном? Может, ты что-то найдешь или почувствуешь?

- Ты молодец! Идем!- Алиса вскочила.- Заодно к Дашке заглянем, она мне какой день звонит, а я не хотела никуда вылезать.

Родители Даши жили в Протвино. Обстановка в доме, благодаря вспыльчивости Даши и маминому второму мужу, была не самая лучшая и после серии сцен и скандалов Дашу отослали к тетке в Москву. Тетка жила в коммуналке, работала в ресторане помощником повара и больше всего на свете любила путешествовать. Причем обязательно автобусом, чтобы были люди, с которыми можно общаться и делиться впечатлениями. А также попеть во время длинной дороги, и чего-нибудь приятного выпить с устатку. Даша с теткой ладила лучше, чем с матерью и отчимом, училась в

школе для одаренных детей, но, поступив в университет на ВМК, сразу написала заявление на общежитие и вот уже второй год как обитала в комнатке зоны Б на 18 этаже. Система здесь блочно-коридорная: в коридоре множество жилых блоков, каждый состоит из двух комнат и душевой с туалетом. В конце коридора общая кухня одна на этаж. В большинстве комнат студенты живут по двое, хотя есть однушки, но они, как водится, в дефиците. А в башенках комнаты светлые и побольше площадью, поэтому туда селят по трое.

Когда дверь в Дашкину комнату –пенал распахнулась, стал очевидно, что вечеринка в разгаре.

- Дашка, а чего такой дым коромыслом? – оторопело спросила Алиса, оглядывая толпу незнакомого народа, расположившуюся на кроватях, на стульях и на полу.

- Так день рождения у меня!

Увидев, что Алиса болезненно сморщилась, Дашка выпихнула ее в коридор, обняла и зашептала на ухо:- Я не обижаюсь, что ты забыла. Главное – ты пришла. И подарки мне не нужны, ладно? Идем, ребята вина привезли из Грузии, виноград и персики. Все еще свежее, они дня три назад приехали. И еще чача есть, будешь?

- Нет! – встрял Павел, который имел опыт дегустации чистой как слеза и сладкой как родниковая вода домашней чачи. После первой рюмки тебе хорошо, после второй тебе по-прежнему хорошо, после третьей весело, но встать не удастся, потому что ноги не слушаются. Потом тебе опять же хорошо, а потом наступает провал в памяти. С утра жертва дегустации начинает вспоминать все рецепты от похмелья и применять их бессистемно, но с энтузиазмом. – Чачу мы не будем, а вина выпьем.

Они вернулись в комнату, им выдали по пластиковому стаканчику с чудесным грузинским вином, которое пахло солнцем и ветром Кахетии. К ним протолкались кое-кто из знакомых и некоторое время Павел и Алиса жужжали в общем ритме и темпе. Однако Павел заметил, что Алиса быстро устала и все нетерпеливее ерзает на месте.

- Пойдем-ка мы подышим, - сказал он, как морковку выдернул подружку из рядка плотно сидящих на кровати девиц и вывел в коридор.

- Ох уж эти горячие грузинские парни, - пробормотала Алиска, прислушиваясь к урчанию в животе. Двое генацвале поспорили, чьи персики слаще, и девушке пришлось съесть оба, чтобы примирить спорщиков. – Куда пойдем?

- Где потише, - отозвался Павел, провожая взглядом группу студентов, направлявшихся в сторону кухни. Судя по сумкам и веселью, там намечалась готовка с пирушкой.

- Знаешь, давай пойдем в музей... вот там точно было тихо! – воскликнула Алиса.

- Боюсь, время уже не музейное. Не пустят, - покачал головой Павел, вспомнив вредных теток-смотрительниц.

- Тогда... тогда пойдем на крышу!

Павел, помня прошлый поход, направился к одной из башенок. Они миновали несколько коридоров и лестниц и нашли дверь в нужную комнату. На двери обнаружился листок бумаги. Синими чернилами неровным почерком написан следующий текст:

" Плата за выход на крышу взимается сигаретами и продуктами. " Внизу карандашом приписано криво: "Принимаются поцелуи от красивых девушек".

- Черт! – Павел лихорадочно шарил по карманам, но ни еды, ни табака у него не имелось. Зато Алиса извлекла из недр дамской сумочки шоколадку и пачку сигарет, зажала плату в кулаке и уверенно постучала в обшарпанную деревянную дверь.

Услышав громкое "Да!", Павел толкнул дверь и вошел первым. В комнате о двух окнах царил бардак, что, в общем, никого не удивило. На полу валялись рюкзаки, гитары и книги, на кроватях – одежда, на столах – книги, какие-то непонятные дивайсы с проводочками, коробки от печенья, пакеты от чипсов, пачки сигарет и прочее. Стены завешены одеждой, плакатами с героями анимэ и портретами рок-музыкантов. Среди пестроты беспорядка, они не сразу разглядели одного из обитателей комнаты, который валялся на кровати с электронной книгой. Был он лохмат и до смешного похож на одного из когда-то популярных персонажей рок-тусовки, называвшего себя милым именем Мумий-тролль.

- Нам на крышу, - сказал Павел, пытаясь вспомнить, этого ли парня они видели в прошлый раз. Впрочем, он мог бы поклясться, что и комната была другой.

- Чего принесли?

- Вот, - Алиса протянула сигареты и шоколадку.

- Помру либо от диабета, либо от курева, - прокомментировал владелец выхода на крышу. - Кладите во-он туда, в коробку. Ну, в углу стоит. И в следующий раз принесите фруктов каких-нибудь... или суп. Ты умеешь варить суп? – спросил он, глядя на Алису. Та покачала головой. – Жаль. Ну,

хоть морковки какой-нибудь... - он глянул на посетителей внимательно, увидел, что ребята не склонны к беседе и махнул рукой: - вон то окно.

Окно было прямо над пустующей кроватью. На одеяле предусмотрительно лежала фанерка, на которой уже отпечатались чей-то ботинок. Павел решительно наступил след в след, открыл старую деревянную раму, перебрался через подоконник и помог Алисе. Они преодолели недлинную лестницу и встали на крышу. Здесь было холодно и странно. Ноги тонули в темноте, а вокруг все заливал призрачный свет ламп, направленных на архитектурные детали Главного здания. Они подошли к краю крыши и взглянули на город. Его огни переливались внизу, но Университет был словно окружен темным кольцом: деревья в парке еще сохранили пышные кроны умирающих осенних листьев и скрадывали свет фонарей.

Алиса оглянулась на Павла, он протянул было к ней руку, желая обнять и защитить, но она покачала головой. Постояла несколько секунд, глядя в никуда, потом подняла руку и потрогала медальон. Закрывает глаза. Лешка, звала она, братик, ты где? Я найду тебя и вытащу... но где ты, где? Перед глазами, словно черно-белый мультик, замелькали те же картинки, что она рисовала собственной рукой: мрачные каменные своды, арки, потом мелькнули чьи-то кожистые лапы и хвост, покрытый чешуей... Она увидела Лешку: брат сидел на полу, около его ног распласталось странное создание, похожее на ящерицу, но размером с крупную собаку.

- Лешка! Ты где? – она, не замечая, кричала в полный голос. Павел оглянулся, напуганный криком, дико прозвучавшим на ветру пустой крыши.

Брат поднял голову, словно услышал. Алиса видела, что он похудел, волосы торчат вихрами в разные стороны, лицо чумазое. Губы его шевельнулись, но она ничего не слышала.

- Где ты? Скажи, как попасть туда? Лешка! – Она рванулась вперед, ударилась о парашют, но не почувствовала боли. Все внимание сосредоточилось на лице брата. Вот губы опять зашевелились.

- Замок... я в замке... это здесь...

- Где? Где замок?

- Здесь... на ... факультете.

Мальчик вскочил, и беспокойно завозилась тварь у его ног. Алиса глянула на нее и обмерла: кожистая морда с большим ртом, полным зубов, крепкая шея, удлиненное тело, сидящее на мощных лапах, по спине идет гребень из роговых пластин и разворачиваются тускло отблескивающие крылья. Это дракон? Все померкло перед глазами, и она упала бы, не подхвати ее Павел.

Когда он появился в окне с девушкой через плечо, инертная фигура на кровати проявила некоторые признаки оживления. Хозяин комнаты сел и неуверенно спросил:

- Эй, вы чего?

- Обморок, - кратко отозвался Павел. – Воды дай.

- Блин, - парень вскочил, довольно шустро переместился в угол и принялся копать в коробке с приношениями.

- Воды нет, - сказал он.- Сок есть и пиво.

- Давай сок. – Павел уложил Алису на кровать, похлопал по щекам, потом, оглянувшись на хозяина комнаты, взял ее руку. Так и есть: кулак сжат и меж пальцев проглядывает серебристое тело фигурки. Он разжал пальцы девушки, оттянув рукав, подхватил фигурку, не прикасаясь к металлу, и сунул Алисе в сумку. Тут как раз подоспел сок и стакан воды из-под крана. Павел плеснул водой на лоб и опять похлопал девушку по щекам. Алиса, судорожно вздохнув, открыла глаза.

- Пей, - он сунул ей сок.

Через пару глотков она закашлялась.

- Что это за гадость?

- Почему гадость? – обиженно спросил хозяин комнаты.- Нормальный томатный сок. Я люблю... О, вспомнил, девчонки из соседней башни покупают канистры с водой... Сейчас принесу.

Прихватив стакан, он испарился.

- Ты как? - спросил Павел, осторожно ладонью вытирая мокрые от воды лоб и щеки подруги.

- Ничего, - она вдруг беспокойно заерзала: - Где медальон?

- На тебе, я не трогал.

- Спасибо, - Алиса села и сразу закрыла глаза, потому что комната поплыла куда-то.

Хлопнула дверь и на пороге возник лже-Мумий-тролль со стаканом воды.

- Вот, еле выпросил. Зачем тебе, говорят, вода...

Алиса жадно выпила воду и с благодарностью взглянула на парня.

- Спасибо большое.

- Да ладно, - засмутился тот. Потом вдруг решительно сказал: - Все, на сегодня лавочку закрываю и никого на крышу больше не пущу. Не тот сегодня день.

- Из-за меня? – с раскаянием спросила Алиса.

- Да не только. До вас девица какая-то прошла, я вообще не понял. Ничего в коробку не положила, не поцеловала, а как я начал возникать, она

еще и глянула так, что вообще охота разговаривать пропала... И знаете что... я не помню, чтоб она обратно проходила.

Ребята уставились на него молча и с недоверием, и лже-Мумий неловко переступил с ноги на ногу, но твердо стоял на своем:

- Правда. Я уж начал нехорошее думать, вылез на крышу сам, прошелся – никого. Куда делась...

- Ты же не думаешь, что она прыгнула? – со страхом спросила Алиса.

- Не, если бы прыгнула, так уже нашли бы и шухер подняли.

- Ты, наверное, задремал, а она тихонько ушла, - пожал плечами Павел.

- Ну, может... хотя я вроде не спал... - повздыхав, парень уселся за стол и принялся писать на листке новое объявление, а ребята распрощались и ушли.

- Куда мы идем?- спросила Алиса.

- Домой.

- А как же Лешка? Я не пойду домой, пока не найду его...

- Ты что-то видела?

- Да... - Алиса оглянулась. Они все еще находились в башенке. На узкой и обшарпанной лестнице было пусто и относительно тихо. Лишь откуда-то издали эпизодически долетали взрывы смеха и звуки музыки. Коленки у Алисы противно дрожали. Она опустила прямо на ступеньку и зашептала пристроившемуся чуть ниже Павлу: - Я его видела; он худой и чумазый. И он сказал, что он на факультете.

- На каком?

- Н-не знаю...

Они помолчали, потом Павел неуверенно сказал:

- Если следовать логике, то это должен быть биофак... ведь именно туда он ходил в тот день.

- Но как же это возможно?

- Никак. Наверное, мы все рехнулись, - грустно подытожил Павел.

Из-за поворота лестницы показались студенты. Они тащили пакеты, позвякивающие чем-то для питья и похрустывающие чем-то для питания, и весело гомонили. Никто не удивился, увидев парочку на ступеньках. Павел и Алиса, пропустив ребят, медленно пошли вниз.

- Как ты думаешь, мы сошли с ума? – опять спросила Алиса, когда они выбрались на улицу. Павел молчал, полной грудью вдыхая холодный вечерний воздух. Пахло городом и осенью. Листва, несмотря на героические усилия дворников, ласково шелестела под ногами. Деревья с каждым порывом ветра обнажались все больше и больше, сбрасывая вышедшие из

моды прошлогодние одежды. На темной небе поблескивали звезды, и двигался по орбите шустрый спутник. За спинами ребят возвышалась высотка ГЗ МГУ, мастерски подсвеченная, основательная и в то же время невероятно призрачная.

- Нет,- сказал Павел.- С ума мы не сошли. Но давай-ка сделаем перерыв. Ты сегодня уже один раз в обморок грохнулась. Едем домой. Надо поесть и поспать. Утро вечера мудренее.

Лешка встал и подошел к стене. Пощупал шершавый камень и недоверчиво принялся рассматривать окно, которое располагалось довольно высоко. Переплеты, как и везде в замке, были тяжелые, металлические, а стекла небольшого размера, что-то около квадрата со стороной сантиметров в двадцать. Несколько минут назад, когда он уговаривал Джека поесть, от окна донесся вдруг порыв ветра. Оглянувшись, мальчик увидел лицо сестры. Алиса кричала ему что-то, звала его. Он растерялся, а потом чуть не разревелся – она ищет его!

- Я здесь, в замке! – закричал он. По растерянному лицу, было очевидно, что Алиса не слышит.- Биофак! Я на биологическом факультете! Там есть вход!- он кричал изо всех сил. Потрясенный Джек поднялся на лапы и вытянулся в сторону окна. Алиса перевела на него взгляд, глаза ее сделались круглыми от удивления, а потом стекло помутнело и видение пропало.

Лешка смотрел и смотрел в стекло, запрокинув голову. Потом плюхнулся на пол и заплакал. Черт! Алиса, мама, папа. Он вдруг понял, что перестал ждать спасения, перестал верить, что его найдут. Но сестра смогла его увидеть, а значит, она не успокоится, пока не найдет его и не вытащит отсюда. Лешка всхлипнул.

Джек ткнулся в бок шершавой башкой. Лешка механически принялся чесать бугры на лбу ящера: там явно прорезались рога, и Джек постоянно терся обо что-то головой. Мальчик обнял дракона, тот лизнул его щеку шершавым языком. Пахло у него из пасти не так, чтобы розами, и Лешка, хоть и оценил дружеское участие, все же отстранился. Опять взглянул на окно и вдруг усомнился в том, что видел сестру.

- Джек,- робко сказал он.- Мне ведь не привелось? Там была Алиса?

Дракон глянул на мальчика, и Лешка вздохнул с облегчением: да, друг тоже видел, это не глюк. Он опять почесал Джеку рожки и тот блаженно закатил глаза. Потом немного поел и напился вволю. Лешка был рад: когда у

дракона наступал период роста, тот норовил ничего не есть и слабел на глазах.

Кто-то затопал у двери, и Джек мгновенно вскочил, напряжился и закачался на лапах, растопырив крылья. Пасть его ощерилась, и он издал резкий злобный крик, от которого заложило уши, и по помещению словно судорога прошла: от стены откошилось несколько кусочков, и стекла задребезжали.

- Эй, уйми своего поганца! – Лешка узнал голос красноглазого упыря, откликнувшегося на странное имя Мавсол. – Тебя хозяин зовет.

Мальчик поплелся к двери, но Джек оказался для людей слишком шустрым. Едва тяжелая деревянная, окованная металлом, дверь приоткрылась, дракон метнулся вперед, зацепил створку лапой и дернул. Дверь ударилась о стену, и снова по замку прошел гул. Лешка, задетый хвостом, отлетел в сторону. Джек выступил в коридор и, махнув лапой, впечатал в стену Мавсола. Тот захрипел и сполз вниз по стене тряпичной куклой.

- Прекрати! – крикнул Лешка.- Ты сбесился, что ли?

Дракон обернулся и посмотрел на него. Мальчик поднялся на ноги и осознал, что Джек вырос. Черт, вот как так может быть? Два дня назад он был размером с терьера, потом уполз в подвал, спал, ничего не ел, скулил, как собака. Поел только сегодня, выпил воды, и вот теперь встал и оказалось, что размером он с хорошо кормленного ирландского волкодава, да нет, какой там волкодав – теленок! Только что Лешка чесал бугорки на выпуклом лбу – а теперь там торчат два рога сантиметров по десять, отогнутые назад и влажно блестящие. Пасть ощерилась солидными клыками и на какой –то момент, встретившись с драконом глазами, мальчик усомнился, что видит перед собой Джека. Однако мигнуло кожистое веко, и на Лешку глянул знакомый, золотой с вертикальным зрачком глаз. Мальчик почувствовал знакомое чувство присутствия чего-то дружеского рядом с собой... и, пожалуй, немного виноватого. Джек выгнул шею и махнул головой в сторону коридора.

Лешка успокоился и повернулся к упырю:

- Ты зачем пришел? - Сварливо поинтересовался он. – Ты не знаешь, что дракона нельзя тревожить, когда он спит?

- Мне интересно, откуда ты все знаешь, - злобно прошипел Мавсол, испуганно глянул на дракона, который дернул крыльями, и торопливо добавил: - Господин звал тебя.

Нельзя сказать, что мысль о необходимости предстать перед Хозяином, осчастливила мальчика. Однако он помнил, как Кустик, получив

вызов и не проявив должной расторопности, на три дня был подвешен за ноги. И Лешка направился по коридору в сторону кабинета. Дракон цокал сзади.

- Запри тварь, - услышал он голос упыря, - Хозяин не велел приводить его.

Мальчик заколебался, потом сказал Джеку:

- Давай, иди на место.

Дракон фыркнул

- Иди, я говорю!

Джек поднял голову, смерил внимательным взглядом сперва Лешку, потом красноглазого и не спеша направился прямо по коридору, в сторону, противоположную его комнате.

- Эй, ты чего? – Лешка попятился.- Малыш, не хаами! – он протянул было руку, но дракон ловко увернулся и, взвизгнув. У людей моментально потемнело в глазах и заложило уши, но Джек услышал, как где-то наверху посыпались осколки лопнувших стекол. Он направился на звук, без труда нашел на одном из верхних этажей неплотно прикрытое окно, стекла которого толстыми неровными ледышками лежали на полу, и, толкнув раму грудью, вывалился из замка. Крылья все еще плохо его слушались, навык полетов ограничивался парением, а потому он несколько неловко, заваливаясь то на одно крыло, то на другое, как самолет с неисправными рулями, облетел вокруг замка и плюхнулся на карниз, вцепившись когтями в камень. Лешка, вытянув шею, наблюдал за своим подопечным. Пока Джек летел, он, едва дыша от страха, успел добежать до кабинета Хозяина и бросился к окну, чтобы убедиться, что с его питомцем все в порядке. Увидев, что Джек цел, Лешка испытал что-то сродни родительскому чувству гордости и несколько успокоился.

- Он тебя не слушается, - раздался сзади сухой голос.

- Я стараюсь, - ответил мальчик, втягивая голову в плечи и отводя взгляд. Смотреть в глаза господину Замка не хотелось: это было тяжело, и потом всегда болела голова, а иной раз знобило, и носом шла кровь. – Иногда слушается.

- Но он тебя не съел, - продолжал Хозяин.

Мальчик вздрогнул и с удивлением воззрился на человека, сидевшего за небольшим столом.

- Н-нет. А что, мог? – как-то ему никогда не приходило в голову, что Джек может причинить ему вред.

- Скажи-ка, в каком году ты родился?

- В 2000.

- В каком месяце у тебя день рождения? – прошелестел сухой голос.

- В ноябре.

- Значит, по гороскопу ты Стрелец?

- Да, – он вздохнул, вспомнив вдруг, как Алиска, злясь на братца за какую-нибудь провинность, обзывала его чертовым кентавром. Холодом по позвоночнику прошла мысль, что сегодняшнее видение лишь плод его фантазии. Нет-нет, сказал он себе. Я ее видел. А главное – Джек ее видел. У дракона глюков и фантазий не бывает.

- О чем ты думаешь? – голос вкрался в мысли так неожиданно, что Лешка не успел опомниться и выпалил:

- О Джеке.

- Кто такой Джек?

- Я так назвал дракона, - мальчик потупился.- Вы ведь не сказали мне, как его зовут на самом деле.

Хозяин молчал, разглядывая тощую фигурку, переминавшуюся с ноги на ногу. Плохо, что приходится действовать наугад. Про драконов написано столько всякой чуши, что он не мог быть уверен, что поступает правильно. И тем не менее, мальчишка пришелся твари по душе. Дракон даже начал есть и расти, хотя до этого момента десять лет пребывал в состоянии ящерицы, шмыгающей туда – сюда. А тут нате вам, какой прогресс, и всего за несколько недель! Мимо окна мелькнула тень: Джек пошел на второй круг вокруг замка и двигался он в этот раз гораздо увереннее.

Взмахом руки выгнав мальчишку, Хозяин уставился в огонь камина и опять погрузился в раздумья. Конечно, обзаводиться драконом было рискованно. До сих пор нет уверенности, что удастся использовать его, как задумано. Тварь, к сожалению, оказалась куда менее предсказуемой, чем ожидал Хозяин. Он даже выглядит не слишком разумным... Но Адриан помнил строки из древнекитайского трактата, где говорилось, что дракон может уничтожить все, что угодно; любой вид материи, даже существ из потусторонних миров. В том трактате была очень интересная легенда об отшельнике, который не поладил с духом гор. Адриан не без злорадства читал, как "Отверзив пасть, испустил Дракон силу свою и рассыпался дух горы облачком и не смог более собраться. " Там же говорилось об исключительных свойствах драконьей крови: введенная вовремя и в нужных количествах, она даровала силу, мудрость и долгожительство. Там же говорилось, что меру эту определить человек не может, а ведома она только дракону.

И самый туманный момент, который Адриан перечитывал сто раз и все же не мог быть уверенным, что понял правильно: чтобы получить власть

над драконом и чтобы он захотел оделить человека своей кровью, нужно принести ему жертву. Дословно это звучало как "и кровь, и жизнь должен ты быть готов отдать ему". Адриан вспомнил европейские легенды о бесчисленных красавицах, принесенных в жертву драконам, и решил, что какая-нибудь девица подойдет в самый раз.

И тогда он, Адриан, Хозяин Замка, станет первым среди служителей Сожженного пути, станет равным богам! Адриан вздрогнул и испуганно оглянулся. Нет, он, конечно, давно не верит в богов. Но все же такие мысли недопустимы, они метят его, как глупца. Богом он не станет, но! Но запустив тщательно продуманную цепную реакцию Слияния миров, он вберет в себя силы многих и будет питаться непосредственно чистой энергией, минуя низменную ее форму, к которой привязаны убогие тела людей. И этот час, час его торжества, уже близок!

Есть Замок, который он может в нужный момент вывести в ту реальность, где возвышается на берегу Москвы-реки здание Университета. Есть дракон, который наконец-то начал расти и после завершения трансформации должен будет сыграть в предстоящем событии не последнюю роль. Есть расчеты, которые показывают, что скоро созвездие Змееносца займет необходимое положение и тогда... Адриан очнулся и с досадой взглянул на ревущее в камне пламя. Энергия его мыслей питала огонь, и теперь тот бился, ревел, норовя выбраться наружу и поглотить все, до чего сможет дотянуться. Снаружи слышался вой – призванные им из сумрака твари, вечно голодными сторожами рыскавшие в окрестностях замка, забеспокоились.

Дракон, устроившись на одной из башен, вертел башкой, не понимая, что происходит, но чуя неладное. Адриан сосредоточился, успокоил пламя и вызвал к себе Мавсола.

- Дракон растет, - сказал он.

- Да, Хозяин. Эта тварь чуть не убила меня сегодня.

- Вот как? Это хороший знак. Нам нужно закончить воспитание дракона, проведя его через ритуал. После этого он будет подчиняться только мне, и я смогу сделать его частью плана.

- Да, Хозяин, - пробормотал упырь, косясь в окно на крылатого ящера, который топтался на башне, терзая когтями серый камень и осыпая крошево на голову крысopodobным тварям, мечущимся внизу.

- Ищи жертву, - велел Адриан.- Постараемся максимально следовать традициям: пусть это будет девушка.

- Девственница?

- Не будь идиотом! Это не важно, главное – молодая и женского пола. Она станет той кровавой жертвой, которая превратит этого домашнего щенка в боевого дракона.

- Слушаюсь, Хозяин.

Павел остался у Алисы и ночевал в комнате Лешки. Утром, проснувшись ни свет, ни заря и не желая будить хозяев, он вытянул из рюкзака лист бумаги и принялся приводить в порядок царящий в голове сумбур. Итак, справа пишем, что известно, слева – вопросы, на которые хотелось бы получить ответы.

Замок как "карман" в параллельную реальность. Павел почесал затылок карандашом. Научная фантастика. Нет, скорее совершенно ненаучное фэнтэзи. Волшебники, гномики и драконы. Пардон, гномиков вроде не было. Но куда-то же пацаненок делся. Ладно, предположим, что есть такой карман, и мальчишка в него попал. Но если он прошел, то смогут и они с Алиской. Надо найти дверь. Павел вспомнил поход в подвалы Университета и люк, за которым привиделись Алиске какие-то твари. Идти искать люк? Стремно, да и долго. Тут перед мысленным взором Павла возник тот мерзкий тип, которого он как-то видел и который позиционировал себя как проводник по подвалам. Может, он знает, как попадают в карман параллельной реальности, в Замок, или куда там делся Лешка?

Отдельная история – Лера. Куда она делась? И что ей было нужно?

Алиса проснулась поздно и совершенно не выглядела отдохнувшей. Павел не пустил ее в Университет, сам тоже не пошел на первую лекцию. Час он потратил, пытаясь накормить Алису завтраком.

- Посмотри на себя, - говорил он, подливая свежего чая в кружку и придвигая творог, который Алиса без энтузиазма размазывала по тарелке.- Ты совершенно синюшная и замученная. Если ты свалишься, кто будет искать Лешку? Я предлагаю найти того типа, который обещал тебе путешествие по тоннелям, и я его прессану. Мне кажется, он должен знать что-то о Замке.

В конце концов Алиса согласилась, разыскала телефон Гены-проводника и принялась плести всякую чушь про желание посетить-таки подвалы под его присмотром. О деталях, оплате и прочем пообещала

сообщить при встрече. Проводник хмыкнул и велел приходить на химфак в аудиторию 152 часов после семи вечера.

Алиса повесила трубку и гадливо поморщилась. Мерзкий все-таки тип... Потом она осознала, что до семи часов еще куча времени и этот день нужно чем-то заполнить.

- Мне пора на работу и на факультет, - заявил Павел, который уже прикинул масштабы ожидающей его катастрофы, если он прогуляет сегодня не только учебные пары, но и лабораторные обязанности не выполнит.

- Иди, - Алиса уселась на пол и уставилась на мольберт. Ей думать об учебе не хотелось.

- Алиса, я тебя прошу, - Павел сел рядом и тронул подругу за плечо.- Я тебя очень прошу – не трогай эту штуку. Нужно побережь силы. К семи подъезжай к Университету, встретимся у химфака.

- Хорошо, - взгляд девушки не отрывался от картона.

- Алиса! Ты меня слышишь?

- Да.

Пашка повздыхал, помаялся и ушел. Глядя невидящими глазами на белый лист, Алиса пыталась – как Павел недавно – осмыслить происшедшее. Процесс занял некоторое время, но уже через полчаса она вскочила, схватила сумку и поехала в Университет.

Зона Б как всегда в будний день была полна народом. Алиса прошла через проходную, механически сделала шаг в сторону, чтобы погладить голову льва (украшение у входа), вздрогнула, потому что ей вдруг показалось, что металлический завиток уха хищника дрогнул под ее прикосновением. Обругав себя за расстроенные нервы, Алиса пересекла двор и через крутящиеся двери вошла в здание.

- Алиска! Ты что здесь делаешь? – от группы студентов отделилась Даша и подошла к подружке.

- Я... - Алиса растерялась было, но тут же нашлась.- Да куча всего... Книжку хочу посмотреть, у нас в корпусе не нашла, Пашка вроде обещал подойти... А ты чего такая пришибленная?

И действительно, жизнерадостная Даша выглядела бледной и грустной. Да и у многих ее приятелей, кучковавшихся неподалеку, лица были встревоженные.

- Ты не слышала, что ночью в парке случилось?

- Нет...- сердце у Алисы замерло.- Что!?

- Там парня нашли... вены вскрыты и обескровлен сильно.

- Самоубийца?

- Да говорят, нет, - Даша оглянулась и почему-то перешла на шепот. – Вроде сам себя он так порезать не мог. Но он жив, а когда полиция приезжала и всех расспрашивала, выяснилось, что в прошлом месяце тоже такого же нашли, только мертвого... Он первокурсник был, приезжий, вот никто почти ничего и не знал... А теперь слухи всякие ходят. Кто говорит – секта, кто...

- Даша! Тебя ждать? – крикнул кто-то из группы ребят.

- Иду! – отозвалась девушка. Потом схватила Алиску за руку и быстрым шепотом добавила.- Одна не ходи нигде, особенно по вечерам, поняла? Про Лешку новости есть?

Алиса покачала головой, Даша сочувственно погладила ее по плечу и убежала, а расстроенная Алиса некоторое время бродила по этажам, пытаясь найти свободную комнату или аудиторию, однако везде были люди. Тогда девушка направилась в общежитие, отыскала ведущую в башенку лестницу, поднялась наверх и подергала дверь комнаты, где скрывалось заветное окно на крышу. Дверь оказалась запертой; видимо, обитатели комнаты ушли на занятия. Она села на ступеньки, прислонилась спиной к стене и, сжав в ладони медальон, закрыла глаза. Замок, повторяла она. Я хочу попасть в Замок. Серая мгла поплыла перед глазами, и вот перед ней встают серые стены с узкими окнами-бойницами. Из них сочится бледный свет, но в одном крыле свет ярче, и Алиса изо всех сил вглядывается в окна. Перед ней просторный зал, освещенный шаровидными светильниками. По залу двигались какие-то люди, но Алиса не смотрела на них. Все ее внимание сосредоточилось на тощем мальчишеском теле, распростертом на чем-то вроде высокой кровати, застеленной странной материей серо-зеленого цвета и рыхлой фактуры. Горло девушки сдавило от страха. Она всматривалась в бледное личико, стараясь различить черты, понять, не брат ли это.... И все внутри дрожало от страха; нет, нет, только не Лешка. Высокий мужчина с седыми волосами и усталым лицом подошел к кровати и положил руку лоб мальчику. Алиса чувствовала, что силы ее тают, еще мгновение – и она вернется в Университет. Последним отчаянным усилием она рванулась туда, вниз, вглядываясь в лицо мальчика. Нет, это не Лешка! Она так и не сумела понять, жив ли мальчик и что там вообще происходило, в этой комнате. Дурнота накрыла ее душной волной, перед глазами опять поплыла серая мгла и она очнулась, спиной чувствуя холодную стену.

Девушка встала со ступенек и, стараясь не двигать головой, поплелась вниз по лестнице. Нужно отдохнуть, хоть немного отдохнуть. И хорошо бы поспать. Она сделала несколько шагов, а потом все вокруг поплыло, лестница закачалась и, теряя сознание, соскользнула на грязный пол.

Однажды Кустик пришел на крышу не один. За ним, спотыкаясь, тащилась еще одна тощая личность в балахоне, ростом повыше Кустика, но столь же бледная.

- Привет, - радостно сказал Лешка. – Это твой друг? – он вдруг умолк, разглядывая вновь пришедшего.- Тимофей? - неуверенно спросил он.- Это ты?

Мальчик кивнул.

- Черт! Они тебя тоже сюда притащили?

- Меня дед привел...

- Как же он... собственного внука не пожалел?

- Ты не понимаешь. Он меня спасти хотел, - Тимофей смотрел грустно.

- Отчего?

- Я... заболел.

- Да помню я, на занятия не пришел, ОРЗ.

- Это было не ОРЗ. Я болел уже давно... Врачи сказали, что мне остался год, не больше, и никакая химиотерапия не поможет.

Лешка молчал, не зная, то сказать. Тимофей осторожно опустился на крышу. Двигался он не очень уверенно и выглядел похudevшим и порядком замученным.

- А здесь я могу жить. И даже буду взрослеть, а не как он, - Тимофей кивнул на Кустика.

- А он что? – не понял Лешка.

- Он тут уже лет пятнадцать... первый удачный результат эксперимента, - спокойно пояснил Тимофей. – Дед сказал, что произошел единственный сбой – он перестал развиваться и расти. Так и остался на физическом и умственном уровне ребенка.

Лешка стало сильно не по себе. Оттого, что в присутствии Кустика о нем говорили, как о вещи. Оттого, что этот самый Кустик, оказывается, не просто рахитичный мелкий пацан, а результат " в целом удачного " эксперимента, а лет ему, значит, побольше, чем Лешке. И от самого Тимофея ему как-то стало не по себе.

- А в чем заключается эксперимент? – спросил он.

- Данное место, Замок, обладает некоторыми уникальными свойствами, - принялся объяснять Тимофей, и Лешка сразу понял, что он

повторяет слова деда. – Только здесь возможно добиться симбиотического сожительства клеток человека и растения, при этом клетки растения убивают практически все вредные элементы в организме человека, нейтрализуют токсины и позволяют излечить многие заболевания...

Он замолчал и посмотрел на приятеля. Лешка вытаращился на него в ответ:

- Ну, слова-то понятны, но вот как это все работает?

- Я же объясняю: налаживается сложный симбиоз...

Тимофей вдруг умолк, встал и принялся выпутываться из балахона. Кустик что-то протестующе забормотал, но мальчик не обратил на него внимания. Он сбросил холщовую рубашку, и Лешка в полном обалдении разглядывал тощее тело приятеля, покрытое чем-то вроде мха: на спине серо-зеленые розетки слились в сплошной покров, образовав подобие меха фантастического животного, а на руках, ногах и животе они так и росли неравномерно, розетками. Кожа меж ними выглядела бледной и странно уплотненной.

- Ни фига себе, - прошептал Лешка.

Тимофей надел балахон и опять опустился на крышу.

- А это насовсем? – спросил Лешка.- Или ты выздоровеешь, и эта штука отвалится?

- Дед говорит, что они будут работать над возможностью прекращения симбиоза, но пока...

- Ну, так лучше, чем умереть, - сказал Алексей, не зная, как еще подбодрить приятеля.- И вообще, ты будешь как те ученые, что ставили эксперименты на себе во имя человечества и ради науки. Сильные были люди!

- Я подопытный кролик, - с горечью отозвался мальчик.

- Нет! Ты – часть великого эксперимента и, думаю, тебе нужно учиться у деда, потому что... потому что это нужно адаптировать, чтобы можно было лечить людей не только в Замке, но и в нашей, настоящей жизни.

- Кто согласится ходить вот так? – с горечью прошептал Тимофей.

- Не будь дураком! Масса народу! Ну, подумаешь, зеленый! Зато не болит! – с искренним убеждением воскликнул Лешка.

- Ты думаешь?

- А то нет! У моего деда был артрит, я помню, как он стонал по ночам. Уверен, он предпочел бы целиком покрыться этой штукой, только чтобы ноги ходили, и суставы не болели.

С появлением Тимофея Лешка несколько воспрянул духом. Он надеялся, что сможет видетсья с другом и, если получится, как-то помочь в эксперименте. И на следующий же день отправился в то крыло, где размещались лаборатории профессора Литвольда. Однако стеклянные двери не открылись ни на стук, ни на крики, а потом прибежал откуда-то упырь и потащил Лешку в Главную Башню.

- Ты что себе позволяешь? – сердито спросил Хозяин.

- Я хотел помочь.

- Помочь?

- Я знаю, что Тимофей и его дед работают над средством от всех болезней... Думал, может, хоть в лаборатории помогу. Я умею работать с микроскопом и ...

- Ты – служка Дракона, - холодный голос разом захлопнул дверь перед мечтами мальчика.- Никаких лабораторий, никаких друзей! Ухаживать, кормить и следить, как он растет.... Он растет?

- Да, - Лешка отвел глаза от лица Адриана, чтобы не встречаться с ним взглядом. – Чего ему сделается. Крылья окрепли... да вы же видели, он и летает теперь.

- Вот и хорошо. Ступай и занимайся своим делом.

Конечно, несмотря на все запреты, мальчишки продолжали встречаться на крыше, вспоминать дом, по которому ужасно скучали. Лешка внимательно слушал рассказы Тимофея об исследованиях, которые проводил его дед и еще несколько ученых. Его не очень интересовала медицина и биология, но он старался из всего услышанного выделить и упорядочить информацию об уникальных свойствах окружающего его мира.

- Кто так строит, - бормотал Лешка, пробираясь по полутемному коридору Замка и внимательно вглядываясь в углы и закоулки.- Хуже, чем в самом Университете. Джек! Джек, зараза хвостатая, ты где? Ой!

Он шарахнулся прочь, когда из темного прохода, где пряталась узкая лестница, вывалился упырь. Сверкнул на мальчишку недобрый глазом, но тронуть не посмел: Хозяин не велел.

Лешка подождал, пока упырь скроется за поворотом коридора, и выглянул на лестницу. Тут не было окон, а значит и света никакого не имелось.

- Джек! – шепотом позвал он.- Ты как хочешь, а я на кухню. Буду есть твой сыр.

Он развернулся и не спеша направился прочь. Сзади послышалось цоканье. Лешка ухмыльнулся, но виду не подал и пошел быстрее. Цокот ускорился, добавилось недовольное шипение. Ну, погоди, я за тобой бегал, теперь ты за мной погоняешься, подумал мальчик, и собрался было рвануть бегом по коридору, но тут что-то тяжелое ударило его в спину. Лешка пролетел вперед и пребольно плюхнулся на четвереньки. Джек торжествующе шипел и топтался по спине мальчишки, превращая в лохмотья толстовку и царапая спину когтями.

- Ах ты, тваренок! – Лешка перекатился на спину и успел подхватить ящера до того как тот припустил по коридору. Джек бил кожистыми крыльями, пытаясь вырваться, но мальчик ловко обхватил его рукой, зажав, как рождественского гуся.

- Веселишься, да? – он с возмущением уставился в желто-золотой глаз.- А я коленки разбил! Больно, между прочим! И в чем я ходить буду? Тут не жарко! А у меня теперь вся спина в прорехах!

Дракон фыркнул и отвернулся.

- Ну ясно, тебе не понять! Будешь ночью меня греть, понял? А то шляется вечно черт знает где!

Мальчик остановился, отдуваясь. Коленки болели. За последнее время Джек заметно прибавил в весе, и тащить его, даже волоком, было очень непросто.

- Давай, топай сам! Кухня помнишь где?

Однако Джек, оказавшись на полу, расправил крылья и, стегнув мальчика по ногам хвостом, уверенно направился обратно в сторону темного коридора.

- Опять? Джек, я не хочу играть!

Ящер остановился в темном проеме и повернул к мальчику ухмыляющуюся морду. Стоял и ждал.

- Мне надо туда? – Лешка подошел и заглянул в темноту. – А шею я себе не сломаю?

Джек молча таращился на приятеля, и Лешка вдруг вспомнил, что единственный осветительный прибор, который имеется в Замке – это светящиеся шары. Шары хранились в чулане подле кухни. Тимофеей сказал, что это колонии люминесцентных бактерий, заключенных в плотную полупрозрачную оболочку, куда время от времени подкачивают питательный раствор.

- Джек, нам все равно надо в кухню... Шар возьму, ну, и перекусим заодно.

Ящер склонил голову, словно раздумывая, потом с независимым видом отправился в сторону кухни.

Лешка со вздохом облегчения пошел следом. В кухне он чувствовал себя в безопасности, потому что почти никто кроме них с Джеком сюда не заходил. Он не очень понимал, как это возможно, но в Замке мало кто ел. Упыри питались где-то в другом месте, и Лешка не хотел даже думать, чем именно. Кустик и все, кто жил и работал в крыле профессора Литвольда, питались там же. Служки – существа, похожие на гномиков, шнырявшие по Замку – забегали изредка и торопливо набивали рты и карманы чем придется. Но в основном кухня находилась в распоряжении Лешки и Джека. Помещение находилось в полуподвале, в одном коридоре с комнатой Лешки. Здесь имелась дровяная печь, мешки с крупами, кран с водой и еще куча всякой всячины. Но ни холодильника, ни каких-то других электроприборов в помещении не было. Поскольку в обязанности Лешки входило кормление Джека, пришлось научиться печь лепешки, варить кашу, макароны и суп. Еще дракон обожал сыр, не брезговал яйцами и зеленью. Мяса, к вящему удивлению Лешки, практически не ел. Зато обожал селедку с картошкой. Картошка хранилась в ларе, а селедка – в бочке, от которой по всему помещению кухни расползлся крепкий пряный запах.

Оказавшись в кухне, Джек нахально взгромоздился на большой деревянный стол и нетерпеливо переступал лапами и мел хвостом, пока Лешка нарезал сыр кубиками на специальной доске. Потом вытянул из печки чугунок еще теплой каши и положил в две тарелки распаренную гречку, себе и Джеку. Мальчик и дракон поели, попили водички. Лешка вымыл посуду и открыл большой деревянный шкаф, стоявший подле двери. Перебрал несколько шаров и взял какой поярче. Сунул его подмышку и оглянулся. Джек мирно спал, свернувшись на столе нелепым клубком, из которого торчали шипы и бугры.

Лешка вздохнул. Ну, с другой стороны, куда торопиться-то? Пусть спит. Мальчик сел на лавку, положил голову на руки и принялся думать о родителях и Алиске. Как там Шоколадки? Слезы жгли веки. Маму жалко... В плечо ткнулось что-то жесткое; Джек перебрался поближе и прижался к мальчику горячим боком. Лешка растерянно погладил ящера и через некоторое время задремал.

Очнулся он от безжалостного удара хвостом по плечам, спросоня захлопал глазами и не сразу понял, где находится. Отдохнувший Джек решил поесть еще разок и нахально чавкал лепешкой, кося на приятеля

золотистым глазом. Лешка потер плечи, оторвал корку от лепешки и грустно сказал:

- И зачем только ты меня разбудил? Мне Алиска снилась... Как она сидит у себя в комнате и рисует.

Джек повел плечами, расправил и сложил крылья и потрусил к двери. Лешка подхватил светящийся шар и побежал за драконом. Они опять преодолели несколько лестниц и коридоров и оказались подле темного проема, откуда вели вниз каменные ступени. Джек, который отлично видел в темноте, бодро прыгал вниз по лестнице. Лешка, неловко держа шар подмышкой, осторожно спускался следом. Они сошли вниз на пару этажей, потом дракон нырнул под низкую каменную арку, и мальчик последовал за ним. Здесь было прохладно, но не сыро. Чувствовалось, что они оказались в просторном помещении. Лешка помял шар, чтобы активизировались бактерии, и поднял его над головой. Золотой глаз ящера блеснул справа, и мальчик направился туда, где топал и шуршал хвостом Джек. Из мрака выступил книжный стеллаж, уставленный разнокалиберными томами. Некоторое время Лешка шел вдоль шкафа, потом Джек вдруг оказался рядом, махнул хвостом и ударил мальчика по руке. Не то, чтобы удар оказался очень сильным или болезненным, но от неожиданности мальчик выпустил светящийся шар. Джек поймал его на лету, сжал между передними лапами и, расправив для равновесия крылья, ловко забрался на верх шкафа. Мягкий свет падал теперь сверху, и Лешка смог увидеть, что стоит на перекрестке. Вправо и влево уходили ряды книжных шкафов. На них стояли и лежали книги, инкунабулы, свитки и папки с бумагами, глиняные таблички и бог знает что еще.

- Это что? Библиотека?

Дракон не ответил, просто бросил шар вниз. Лешка еле успел подхватить его. Подумав, он сбегал обратно в кухню и принес в мешке из-под муки еще четыре шара. Пятый тащил подмышкой. Теперь он смог отметить светящимся маячком дверь, потому что ужасно боялся заблудиться в бескрайнем подвале. Остальные шары разложил подле шкафа, содержимое которого хотел изучить.

Проторчав в подвале до вечера, мальчик не нашел ни одной книги, которую смог бы прочесть и понять, зато осознал, что в Замке хранится множество книг на самых разных языках. Здесь имелись анатомические атласы и справочники, травники и описания лекарственных растений с детальными зарисовками корешков и листочков. Один из шкафов содержал книги по математике, в соседнем хранились труды по астрономии, далее обнаружилась физика. Кое-где на полках стояли коробки со свитками и

лежали тяжелые тома в кожаных или деревянных футлярах – такие мальчик и вовсе боялся трогать.

На следующее утро, набрав свежих шаров, Лешка опять пошел в подвал. В этот раз ему повезло: после шкафа с томами по компьютерному моделированию и трудами по органической химии он нашел раздел, где хранились книги о драконах. Мальчик перебирал тонкие желтоватые листочки, сплошь покрытые китайскими иероглифами, красивыми, но совершенно непонятными. То же относилось к переплетенным в солидную свиную кожу томам на немецком и французском языках. В конце концов он нашел две книги на английском и одну – на русском языке, сунул их в мешок и, озираясь, поспешил в кухню. Начистив картошки и сунув чугунок на плиту, он устроился за столом и принялся жадно рассматривать найденные сокровища.

Конечно, он предпочел бы компьютер и интернет. Но в Замке нет места высоким технологиям, и потому мальчик обрадовался книгам как вновь обретенным друзьям. Джек где-то шляется, и Лешка отложил в сторону потрепанный томик на русском, пестрящий ятями, и толстенный том на английском, и с головой погрузился в труд под названием "Драконы Северной и Западной Европы; опыт исторического исследования" (North and West Europe Dragons; Historical case study). Он взялся именно за эту книгу, потому что она была красивая и современная: хорошая печать, суперобложка с изображением дракона, на задней стороне наклейка со штрихкодом и надписью Blackwell's Bookshop, Oxford. Минут через пятнадцать Лешка задумался, где бы найти англо-русский словарь. В его дневнике красовалась твердая и заслуженная пятерка по английскому, язык давался легко и он вполне мог прочесть учебный текст, инструкцию к телефону или объясниться за границей, но чтение монографии, претендующей на научность, шло с большим трудом. Промучившись еще некоторое время и завязнув в очередном рассуждении автора о том, что драконы суть мутировавшие динозавры, Лешка со вздохом отложил английскую книгу и взялся за потрепанный томик с ятями. Ободранная по углам обложка сообщала, что труд сей был напечатан в типографии Ивана Сытина в 1898 году. Автор, господин по фамилии Лизард, назвал свой опус незатейливо: "О пользе и вреде драконов для человека". При чтении книги создавалось полное впечатление, что драконы в средней полосе распространены не меньше каких-нибудь медведей или барсуков. Не то, чтобы каждый день видишь, но точно известно, что в соседнем лесу они есть.

С полной уверенностью господин Лizard утверждал, что яйца драконов, "будучи хладны", могут храниться многие сотни лет, но если температура повышается до нужного состояния ("жар долгий и равномерный"), то дракон может и вылупиться.

Питаются драконы "плотью и кровью тварей живых". В этом месте Лешка оторвался от книжки и уставился на Джека. Его подопечный явился в кухню и восседал на своем любимом месте: прямо на столе, наворачивая из чугушка картошку. Картошка была горячая, ящер время от времени давился, закашливался, мотал головой и по всей кухне летели крошки и шкурки. Отдышавшись, Джек опять совал морду в котелок и принимался чавкать.

Лешка опустил взгляд и прочел следующие строки: "Жертву хватают они когтями, раздирают и пожирают, пока кровь не остыла, не разбирая, зверь пред ними или человек". Он опять посмотрел на Джека. Тот доел картошку, облизал морду, разлегся на столе и довольно щурил золотистые глаза.

- Джек, мяса хочешь? - осторожно поинтересовался Лешка.

Дракон мигнул, уставился на мальчика. На бугристой морде застыло выражение насмешки. Он здорово вырос за последнее время, думал Лешка. Вон, на столе еле помещается, даже хвост свисает. Ящер зевнул, обнажив влажно блеснувшие клыки, положил рогатую голову на лапы и закрыл глаза. Расценив это как отказ от предложенной мясной пищи, мальчик опять углубился в книгу. Автор уверял, что смысл существования драконы видят в собирании двух вещей: сокровищ человеческой мудрости и просто сокровищ. Насчет мудрости автор более ничего не уточнил, чем поверг Лешку-читателя в уныние. Как может ящер собирать мудрость? Книжки? Неужели библиотека в подвале – его рук дело? Да нет, глупости! Какие там руки – лапы и зубы, ни книгу открыть, ни страницу перевернуть! Да и неизвестно, умеет ли Джек читать.

По поводу сокровищ материальных ясности было больше: господин Лizard уверял, что драконам ведомы места, где хранятся клады, что похищают они казну и не брезгают банальным грабежом.

- Эй, Джек, а золото у тебя есть? – Лешка со смехом ткнул дракона в бок. Тот поднял голову, глянул на мальчика желтыми глазами, потом легко спрыгнул со стола на пол и направился к выходу. Лешка растерялся было, но в следующий момент схватил книги в охапку и засунул в нижний ящик большого шкафа, под пустые мешки. Потом он вытащил из другого шкафа светящийся шар и побежал догонять ящера, который бодро рысил по коридору. Однако в этот раз Джек шел не в подвал, а в одну из башен. Лестница круто вела вверх, и мальчик порядком запыхался, пока поднимался

за неутомимым Джеком. Они остановились перед дверью, запертой снаружи на тяжелый засов.

- Хочешь сказать, что там твоя казна? – хмыкнул Лешка.- А как же ты туда попадаешь? Засов-то для рук, а не для лап!

Однако Джек не проявил ни малейших признаков замешательства. Даже не оглянувшись, он подошел к стрельчатому окну, не забранному стеклами, непонятным для мальчика образом просочился в довольно узкий проем и пропал из виду. Лешка, недолго думая, схватился за засов. Тяжелый металл скрипел, пальцы скользили, но он тащил и толкал, пока не отодвинул болт. Потянул дверь, сморщился от звука визгливо застонавших петель, и ступил внутрь. В высокой башенке оказалась одна-единственная комната, не слишком даже большая, метров двадцать квадратных. В четырех из шести стен имелись окна, через которые помещение наполнялось неярким светом. Посреди комнаты, на голом каменном полу, лежала куча сокровищ, а сверху восседал Джек, насмешливо сверкая ярко-желтыми глазами и хвостом расшвыривая в стороны какие-то предметы, отзывавшиеся чистым золотым или серебряным звоном. Растерявшийся Лешка поморгал, подошел поближе и присел на корточки.

- Обалдеть! – пробормотал он, разглядывая сокровища. Он видел такое в кино, кажется, в "Пиратах Карибского моря": груда, состоящая из монет, кубков и сосудов самых разных форм, оружия, украшений. Здесь же проблескивали камни, частично вделанные в оправы, частично рассыпанные по полу.

- Это твое? – Спросил мальчик. Дракон, как обычно, промолчал. Сидел, как изваяние, наблюдая за человеком. А у Лешки перед глазами промелькнул почему-то образ Хозяина Замка. Наверное, это его золотой запас, решил он. А Джек его либо охраняет, либо просто играет. Ведь и правда, зачем ему это золото?

Лешка далек был от меркантильности и все же некоторое время провел, с любопытством перебирая отдельные предметы: чаши и сосуды странной формы, некоторые явно древние, диадемы, перстни, колье, пряжки, украшенные сложными узорами и драгоценными камнями. Хмыкнув, он попытался пристроить на шею ящеру жемчужное ожерелье, но Джек возмущенно фыркнул, мотнул головой и в три прыжка покинул башню тем же способом, как пришел: через окно.

Мальчик вернулся к груде сокровищ и некоторое время сидел, задумавшись, взвешивая на ладони несколько золотых монет. На одной стороне красовался двуглавый орел, на другой – портрет дядечки с бородкой и, присмотревшись, мальчик разобрал вокруг портрета слова: "Николай 11,

император и самодержец всея Руси". Под орлом имелась подпись "10 рублей. 1899г." Лешке не пришли в голову слова "царский червонец", которые вспомнил бы человек постарше, но и мальчик прекрасно понял, что эти монеты могут решить много материальных проблем. Машину бы новую купили. Алиска поехала бы в Италию, а на следующий год все вместе, как планировали, в Непал. Вспомнив, где он и где его родные, Лешка швырнул золото обратно в кучу. Черт с ним, с золотом! Если я смогу сбежать отсюда, то родители будут так счастливы, что никакие сокровища этого не заменят.

Мысль о побеге заставила его вновь углубиться в многоцветные россыпи. Через некоторое время Лешка с удовлетворением разглядывал небольшой кинжал: стальное лезвие, рукоятка из золота, украшенная выпуклым изображением дракона, чье чешуйчатое тело не дает ладони скользить по металлу. В оконечность рукояти вделан мутноватый камень в виде пирамидки с заостренным концом. Стилизованный хвост дракона плотно обвивал пирамидку, и разглядеть ее толком не было возможности, но мальчик решил, что раз камень мутный и непонятного оттенка – вряд ли он очень ценный. Решив, что иметь на всякий случай оружие ему не помешает, Лешка прихватил с собой кинжал и покинул сокровищницу. Задвинул засов и побежал обратно в кухню, чтобы, разрезав один из мешков, сделать для кинжала импровизированные ножны.

Алиса очнулась оттого, что кто-то хлопал ее по щекам. Она открыла глаза и увидела перед собой незнакомое лицо.

- Эй, ты жива? – спросил тощий, бритый наголо человек, в ушах которого были такие тоннели, что на занятиях соседи с задних парт могли заглядывать через них в его тетрадь.

- Жива, наверное, - без особой уверенности отозвалась Алиса. Оглядевшись, она сообразила, что по-прежнему сидит на лестнице в башенке.

- Чего перебрала-то? – деловым тоном поинтересовался бритый.

- Ничего. Это от переутомления.

- Да? Ну, дело твое. Только дай мне пройти, я тут, типа, живу. А потом можешь утомляться дальше. Только если станешь утомляться здесь же, то получишь дверь, когда я буду выходить. Часа через два.

- Нет, я, пожалуй, пойду, - Алиса с трудом поднялась и потащилась вниз по лестнице.

Когда Павел отыскал Алиску на скамеечке возле входа-выхода зоны Б, ему стало нехорошо: девушка выглядела бледной до синевы, ее опять знобило. Павел сбегал в буфет Главного здания и принес стакан с горячим сладким кофе. Алиса через силу пила его маленькими глотками. Потом они пошли на химфак искать аудиторию, указанную Генной-проводником.

Это оказалась лаборантская: большие раковины, полки и столы с колбами, пробирками и прочей посудой, резкий запах реактивов, не слишком чистые халаты на вешалке, свернутые в рулон таблицы и схемы стоят в углу. Гены в комнате не обнаружилось. Сидевший за столом лохматый индивид грел что-то на лабораторной спиртовке, периодически помешивая мутноватое зелье стеклянной палочкой. Из колбы ощутимо пованивало.

- Вам чего? – поинтересовался он, глянув на ребят.

- Мы Гену ищем, - отозвался Павел.

- Ах, Гену! – лохматый оживился.- Это вы, которые подвалами так интересуетесь? Давайте заходите. Я Гоша. И подвалы эти, между прочим, не хуже Генки знаю.

- Да? – Павел шагнул в комнатку и присел на стул.- Тогда отведи нас в такой тупичок... там в потолке люк.

- Люк? – Припухшие глазки на одутловатом лице забегали.- Не знаю что-то такого места... хотя надо подумать.

Алиса, морщась от запаха и преодолев брезгливость, тоже вошла в комнату. Прислонилась к шкафу и тихо спросила:

- Что ты знаешь о Замке?

Гоша вытаращил на нее глаза и чуть не упустил момент, когда жидкость в пробирке зашипела, запузырилась и устремилась наружу.

- Черт! – ругаясь, он подхватил сосуд, снял с горелки и сунул в держатель. – Что ты там говорила?

- Нам нужно попасть в Замок, - как можно тверже и увереннее заявила Алиса.

Гоша вдруг рассмеялся. Ему вторил второй голос и, обернувшись, Павел увидел в дверях Генку-Проводника. Тот поставил на стол банку, завернутую в полиэтиленовый пакет, и ржал, запрокинув голову и выставив острый кадык на бледной грязноватой шее. Сквозь полупрозрачный пакет видно было, что литровая банка на треть полна темной жидкостью.

- Может и впрямь поспособствуем ребятам? – спросил наконец Генка, - отсмеявшись.- Давай, красавица, кто из вас будет пропуском?

- В каком смысле? – насторожился Павел.

- В прямом. Так просто в Замок не попадешь, он не пустит человека. Но если человек совершит определенные действия... принесет жертву Замку,

то пожалуйста, ты как бы начинаешь принадлежать к двум мирам: тому и этому. Хочешь, живешь там. Можешь – живешь здесь.

- И наоборот, - подхватил Гоша.

Павел переводил настороженный взгляд с одного на другого. Разговор нравился ему все меньше.

- Вы говорите о человеческой жертве? – с ужасом спросила Алиса.

- Ну не о мышах же. – Гоша внимательно оглядел Алису и деловито заметил: - Крови в ней мало. Но лучше, чем ничего.

Павел поднялся. Его рост под метр девяносто и недюжинная физическая сила всегда позволяли ему чувствовать себя защищенным. Но теперь молодому человеку стало не по себе: Гена и Гоша замолчали, и на их лицах проступило странно-голодное выражение. Скулы обтянулись, глаза блестели... Кроме того их было двое, а Генка стоял у двери, и Павлу не нравилось, что правую руку тот прятал за спину.

- Им и правда нужна наша кровь, - удивленным и каким-то высоким голосом протянула Алиса. – Вы вампиры?

Парни молчали. Гоша тоже поднялся и сделал шаг вперед. В небольшой комнатке вдруг стало нечем дышать. Павел молниеносным движением схватил Алису за руку и толкнул себе за спину, к стене. Взял табурет и взвесил его на руке. Внимательно оглядел обоих противников и пообещал:

- Выживите, только если действительно бессмертны.

- Тогда поторгуемся, - Генка по-прежнему стоял, загораживая дверь. – Вы сами спросили, как попасть в Замок, и мы вам честно ответили. Не хотите – не надо. Но вам ведь не погулять туда приспичило? Возможно, мы можем помочь чем-то еще?

- Значит, в Замок пройдет только тот, кто убьет человека?

- Я этого не говорил. Не нужно никого убивать. Нужно, чтобы один выпил кровь другого... немного, грамм сто... пятьдесят. И посвятить второго человека, его душу, в жертву Замку... пообещать, что он станет рабом. - Генка судорожно облизал губы. – Тогда, если подойти к порталу, он пропустит.

- Зачем Замку нужны рабы?

- Как зачем? Работать!

- А кем становится тот, кто выпьет кровь? Вампиром?

- Нет. Он становится свободным путешественником между двумя реальностями, вот как мы, - не без хвастовства заявил Генка.

- Но как же тот люк? – не унималась Алиса.- Я уверена, если бы не те твари, я бы там прошла. И не надо было никаких жертв.

- Так для того они и поставлены, твари, чтоб не шастали всякие... - ухмыльнулся Гоша.

- Никакие вы не вампиры, - сказала вдруг Алиса.- Вы упыри.

Генка вздрогнул, в глазах его блеснула злость, а в руке - лезвие скальпеля. Он сделал выпад, пытаясь достать Павла. Тот отмахнулся табуреткой и тут же услышал, как завизжала Алиса. Гоша рванулся к ней, схватил за руку, рванул к себе и тянулся оскаленными зубами к руке. Алиса отбивалась, что было сил. Павел поднял было табурет, но тут Гоша вдруг заскулил, выпустил девушку и схватился за кисть. Пальцы его скрючились, как лапа хищной птицы, кожа мгновенно съежилась и пожелтела.

- Это... это что? - взвыл упырь. – Ты, что ли, заговоренная? Ах ты...

Алиса, на удивление быстро оправившись от ужаса, шагнула к двери и протянула руки в Генке.

- Иди сюда. Сейчас и ты усохнешь как мумия.

Тот выставил вперед нож, отошел от двери и прохрипел:

- Идите своей дорогой.

Ребята выбрались на улицу и добрались до фонтана. Сели на теплый край каменной чаши и попытались прийти в себя.

- Это черт знает что, - пробормотал Павел, потирая виски.- Бред какой! Упыри, жертвы. Может, они придумали все это?

- Нет. Видел банку на столе? Это кровь была.

- Человеческая?

- Ну... не знаю. Думаю, им для поддержания сил и двойственности существования, кровь нужно пить постоянно, как вампирам. Но вряд ли человеческую. Тут полно лабораторных животных.

- Бр-р, - Павел передернул плечами. – Прекрати, меня тошнит.

Они посидели молча, вдыхая свежий воздух и замерзая на вечернем ветру.

- Что делать-то? – грустно спросила Алиса. – Опять тупик. Упырями становится запахло. Люк охраняется.

Павел помолчал, а потом предложил пойти домой, отдохнуть и все еще раз обдумать.

Павел, проводив Алису, пошел домой. Девушка чувствовала себя измученной и есть не хотела, но кое-как поужинала, чтобы не расстраивать родителей. Закрывшись в своей комнате, она села к столу и задумалась. Бог

знает почему, может, от страха, но после общения с упырями в голове ее несколько прояснилось. Я слишком много переживаю и мало думаю, сказала себе Алиса. Мне нужно не рыдать и истерить, а искать Лешку. Есть надежда, что Фин что-нибудь раскопает, но кто знает, когда откроется тот коридор, через который он сможет пройти в Замок Адриана. Нужно использовать то, что есть, вещь силы, которую послала ей судьба. Медальон может помочь. Просто нужно правильно сформулировать вопрос. Я все время думала и пыталась понять, где брат. И ответ, в принципе, получила. Он в Замке. Теперь нужно сформулировать новый конкретный вопрос: где Замок? Нет, минуточку, что же тут конкретного? Если речь идет о параллельных реальностях, или карманах, или изгибах пространства – ей все равно не понять. Поэтому спрашивать нужно иначе: как попасть в Замок?

Она положила перед собой чистый лист бумаги, несколько карандашей, сжала ладонью медальон и сосредоточилась.

Адриан мрачно смотрел на девушку. Неудачников нужно наказывать. На первый раз. При повторной неудаче от них нужно безжалостно избавляться.

- Мавсол, - негромко сказал он.- Эта женщина не выполнила мое приказание. Накажи ее.

Лера проводила взглядом высокую фигуру Хозяина, который скрылся за дверями, даже ни разу не оглянувшись. Ей было страшно, дико страшно, но бежать некуда: Хозяин найдет везде и все равно придется принять наказание за свой провал. Она и так тянула, сколько могла: когда не удалось забрать у профессора орех силой, попыталась натравить на ботаника своего любовника, Павла. Однако он оказался не столь послушен, как она надеялась. Тогда она попыталась организовать упырей, чтобы те напали на профессора в одном из многочисленных коридоров и переходов Университета и забрали у него орех. Однако упыри проявили стойкое нежелание сотрудничать. Микчурун тоже проявил неожиданную для Леры прыть: сперва он уехал в Томск на конференцию, а вернувшись, поселил у себя двух талантливых и физически крепких студентов, которые временно испытывали финансовые затруднения (проигрались в карты) и потому с удовольствием согласились побыть телохранителями за возможность не платить за квартиру. Таким образом дальнейшие планы Леры по отъему заветного талисмана, который требовался Литвольду для опытов, и который Адриан поручил ей достать,

сорвались. Она тянула время, пока не получила недвусмысленный приказ явиться в Замок.

Лера не любила Замок. Мрачное место без солнца и дождя, без ветра и цветов. Впрочем, цветы росли, но странные, и девушка поежилась, вспомнив часы, проведенные в ванне с питательным раствором, куда укладывал ее профессор Литвольд, чтобы вживить под кожу почки модифицированных цветков орхидеи. Растение–паразит, измененное в лабораториях Замка, при прорастании через кожу человека выделяло сильнейшие феромоны, и мужчины буквально сходили по Лере с ума, становясь безвольными куклами и выполняя все ее желания. Однако Павел, хоть и обожал ее, но про работу ничего рассказывать не стал, и отбирать орех у профессора тоже не согласился.

Лера уверена была, что дело не в ней, а в чертовых цветах: видимо порой выделение феромонов несколько снижается. А может, у этого Павла иммунитет или еще что...

И вот теперь чертов упырь тащит ее по коридору в башню, и хоть Лера понятия не имеет, в чем заключается наказание, от страха подкашиваются ноги и внутри все дрожит противным киселем.

Мавсол грубо волок за собой провинившуюся девицу и предвкушал удовольствие от предстоящего развлечения. Он свяжет ей руки и за руки подвесит за окном так, чтобы видно было из кабинета хозяина. Веревку можно опустить пониже, чтобы привлечь сумеречных тварей и крыс. А уж когда они учуют, то придется подтянуть повыше... и тогда будет потеха: смотреть, как все эти чудища прыгают, стараясь когтями или клыками урвать кусочек человеческой плоти. А девчонка будет визжать и извиваться, еще больше раззадоривая тварей и, само собой, зрителей.

Когда Лера поняла, какая участь ей уготована, она принялась вырываться, но Мавсол был невероятно силен; он без труда скрутил ей руки и потащил к окну.

Не прошло и пятнадцати минут после разговора с Хозяином, когда она вынужденно призналась в неудаче своей миссии, а Лера уже прокляла тот день, когда, смутно надеясь на деньги и полную приключений и удовольствий жизнь, пришла к Адриану и предложила свои услуги. Да, удовольствия были: деньги, драгоценности, яхты и возможность манипулировать людьми. Однако один-единственный промах привел к тому, что теперь ее плечи разрываются от боли – вытянутые вверх руки удерживают тяжесть всего тела. Запястья, перехваченные веревкой, быстро онемели, но плечевые суставы болели невыносимо. И еще она чувствовала,

как по ногам течет кровь; пару раз мечущиеся внизу твари умудрились подпрыгнуть достаточно высоко и достать ее клыками.

Лера закрыла глаза. На что тут смотреть? Кругом все серое – небо, стена, тусклым свинцом отблескивают на горизонте воды реки. Внизу кружат крысopodobные создания и еще какие-то мерзкие твари, они прыгают и воют, мечтая разорвать ее на клочки. А наверху, на крыше пристройки, веселятся упыри – чуть ли не более чудовищные в своей жестокости и бесчеловечности, чем сумеречные существа.

Глаза Леры были крепко зажмурены, из-под ресниц текли слезы от боли и страха, и она не видела мальчишку, который стоял подле одного из окон. Лешка узнал ее, узнал ту заразу, которая отбила Пашку у его сестры, которая угрожала пистолетом ему и пыталась получить какую-то вещь у профессора Литвольда.

Девушка была, с его точки зрения, подлой и опасной, но... Но то, что происходило за окном, было отвратительно и жестоко.

- Джек! Джек, где тебя черти носят! – Лешка бегом устремился в кухню, но дракона там не обнаружилось, зато взгляд мальчика упал на спички и масло. Он схватил со стола тряпку, намочил ее маслом, сунул в карман коробок и помчался по коридору в другое крыло, мысленно взывая к дракону и кляня его, на чем свет стоит. По дороге Лешка завернул в крыло профессора Литвольда и, побросав мелкие камушки в стекло, привлек внимание Тимофея, который работал в оранжерее. Тимофей выскочил в коридор и, испуганно озираясь, зашипел:

- Ты сбесился? Дед придет в любую минуту. Хозяин тебя со свету сживет, если нас поймают вместе.

- Там... - Лешка запыхался, и потому говорить было непросто.- Они там девушку мучают, подвесили над стеной.... Ее твари рвут.

Тимофей поджал губы, его бледное личико скривилось то ли от жалости, то ли от презрения.

- Слушай сюда, - продолжал Лешка. – Двигай на третий этаж этого крыла, там пустые залы... ну, там еще мебель всякая, сундуки и еще что-то. Вот, тряпка в масле и спички. Брось ее на сундук, подожги и смывайся, а потом начинай вопить "Пожар!" Или пусть Кустик покричит, он паникер, у него хорошо получится.

- Зачем это?

- Мне надо, чтобы упыри убрались с крыши.

- Ты хочешь послушаться Хозяина? – Тимофей сделал шаг назад.

- Он не узнает! Давай быстрее! Пока ты тут мямлишь, они ей ноги отгрызают.

Мальчик неуверенно взял тряпку и спички, потом взглянул на товарища и, вздохнув, бросился по коридору к лестнице. Лешка развернулся и побежал обратно в свое крыло. Теперь дракон был где-то рядом, он чувствовал это, хотя еще не слышал скрежета когтей по камню и того странного звука, который издают его крылья. Так и есть: Джек сидел на парапете балкона и внимательно следил за происходящим на соседней крыше.

- Любуешься? – Лешка подскочил, обнял друга за жесткую, в панцирных пластинах шею, заглянул в золотые глаза. – Сейчас... я очень надеюсь, что сейчас упыри уберутся с крыши, и тогда ты подлетишь, я перережу веревку, и мы заберем ее. Отнесем в кухню... нет, давай в библиотеку, там не скоро найдут.

Джек смотрел на друга внимательно, и на короткий момент перед глазами мальчика мелькнуло бесстрастное, но оттого еще более пугающее лицо Хозяина Замка.

- Адриан не узнает, - горячо зашептал Лешка.- Какая бы она ни была – этого не заслуживает!

В этот момент из Замка раздались крики, и Лешка ощутил запах гари. Упыри под командованием Мавсола понеслись к очагу возгорания, а Лешка вскочил на спину Джеку.

- Давай!

Лера открыла глаза, когда ее лица коснулся порыв ветра. Зрение туманилось, она уже плохо соображала от боли и, увидев, как мимо пронеслось что-то большое и крылатое, со смесью ужаса и облегчения подумала, что это конец. Если у этой твари есть крылья, она меня сожрет. Хорошо бы быстро...

Джек распластал крылья и, подлетев под девушку, помог Лешке взгромоздить Леру на свою жесткую шею. Приподнявшись, упираясь в основания крыльев и слыша, как злобно шипит Джек, Лешка быстро перерезал веревку. Когда дракон принял на себя вес взрослой женщины, он резко пошел вниз и, мальчик испугалась, что они свалятся во двор, кишасший злобными и голодными тварями. Теряя высоту и изо всех сил взмахивая крыльями, Джек все же дотянул до балкона, перевалил бесчувственное тело Леры на пол и подождал, пока Лешка спрыгнет следом. Несколько секунд дракон крутил шеей и двигал плечами, наблюдая, как мальчик тянет по полу неподвижное тело в сторону ведущей в подвал лестницы. Прошипев что-то нелестное, дракон отпихнул его, вцепился в одежду девушки зубами и шустро потащил ее по коридору.

- Молодец! – прошептал Лешка.- Двигай в подвал, в библиотеку, а я воды принесу...

Выскочив из кухни с ведром воды и несколькими полотенцами за пазухой, которые он намеревался использовать в качестве бинтов, Лешка наткнулся на дрожащего Кустика. Тот сунул ему в руки сверток, прошептал:

- Надо на раны положить... - и изо всех сил припустился прочь по коридору.

В свертке оказался мох, Лешка наложил его на самые страшные рваные раны на ногах Леры и как мог забинтовал.

Он еще пару раз сбегал в кухню, притащил свой тюфяк, чтобы девушка не лежала на каменном полу, поставил рядом с ней плошку с водой и оставил светящийся шар. Пробираясь по коридору, Лешка увидел мрачного Мавсола, который быстро шел куда-то, но по пути заглядывал во все углы и закоулки.

Мальчик мгновенно придал лицу тоскливо-равнодушное выражение и нога за ногу поплелся по коридору, изобразил испуг, когда Мавсол появился из-за ближайшего поворота и на вопрос: "Какого черта ты тут делаешь?" ответил как всегда:

- Дракон не обедал. Ищу куда делся.

Мавсол велел ему идти в кухню, проводил злобным взглядом и пошел дальше. Упырь был зол: тело Леры исчезло с балки и это было в высшей степени подозрительно. Есть, конечно, шанс, что веревка оборвалась и твари ее растерзали, но... Но крови на земле почти нет, а веревка не выглядит оборванной. Некоторое время Мавсол мучился сомнениями, а потом решил сказать Хозяину, что твари девку все-таки достали, а то он же и окажется виноват. А так – веревка порвалась и ам! нету провинившейся.

Алиса проснулась и с удивлением обнаружила, что чувствует себя вполне отдохнувшей. Не было той гнетущей усталости и крайнего утомления, как после предыдущих сеансов. Может, мы с ним понемножку приспособливаемся друг к другу, подумала она с робкой надеждой. А потом испугалась: вдруг она отпустила своего проводника слишком рано, и он не успел подсказать ей ответ! Алиса вскочила с кровати и метнулась к столу. На листе акварельной бумаги обнаружился городской пейзаж. Она разглядывала картинку с изумлением. И что бы это значило? Деревья, а между ними – высотные дома. Часть вполне новые, часть уже не очень. Но ни одного дома старой, довоенной постройки, не видно. Видимо, это

очередное откровение и очень возможно, что картинка содержит ответ на ее вопрос, но где это место, черт возьми, находится? Не зная, что делать, Алиса позвонила Павлу. Тот спросоня был мрачен и, уяснив вопрос, велел сфотографировать изображение и прислать ему на почту. Он перезвонил через пару часов и сказал:

- Это Протвино.

- Да? – неуверенно переспросила Алиса.- Что-то знакомое... Это где?

- Это город к югу от Москвы. Я побежал с твоей картинкой в Университет и чуть ли не у входа встретил Дашку, и она уверено заявила мне, что это ее родной город. Прикинь, как повезло!

- Он новый? Город?

- Почти. Строился как город ученых. Я успел немного почитать. Там под землей находится что-то вроде адронного коллайдера. Ускорительно-накопительный комплекс.

- Тоннели? – оживилась Алиса. Почему-то она сразу поняла, что именно тоннели особенно важны.

- Вот чего-чего, а тоннелей там до... много. И в связи с этим возникает вопрос: как в этом огромном пространстве мы найдем то, что нужно? И что нам нужно?

- Нам нужен вход... или переход. Портал. Не знаю. Но думаю, когда доберемся до места, все станет понятнее. Ты за мной заедешь?

- Не сегодня, - твердо сказал Павел. – Послушай меня, Алиса. Это не Университет с его тремя этажами вниз. Там более 20 километров тоннелей. Официальный вход охраняется, большинство левых дыр залито бетоном. На поиск лазейки нужно время. Ты меня слушаешь?

- Да.

- Я проведу сбор информации и разведку, постараюсь определиться со входом. Дашка что-то говорила про друзей детства, может, присоветует кого. Ты к выходным собери вещи: рюкзаки, запас еды, воду – как в поход, поняла?

- Да.

- Алиса! – Павлу не понравилась односложность ответов. – Это не шутки, это может стоить жизни. Поэтому давай в этот раз на шарап не полезем. И вот еще что... - он помедлил.- Давай допустим, что мы попали в Замок. Что мы будем делать?

- Лешку искать.

- Нашли. Дальше что?

- Н-не знаю. Убежим.

- Куда? Где гарантия, что выход там же, где вход? Нам нужно хоть какое-то оружие. И крайне желательны сведения о Замке.

- Оружие? – Алиса растерялась.

- Это моя проблема. Но ты ведь все равно не удержишься от... сеансов медитации, да? Так постарайся разузнать хоть что-то. И главное – где там, черт возьми, выход!

Лешка с опаской смотрел на Джека. Последнее время дракон буквально не находил себе места, а сегодня и вовсе не стал возвращаться в комнатку рядом с кухней. Ящер улегся на крыше, подле одной из башен, выпил два ведра воды, которые, отдуваясь и морщась от боли в плечах, притащил ему мальчик, съел полное корыто сыра, овощей и мяса с хлебом, и уснул. Лешка помаялся, потом пошел навестить Леру. Девушка пришла в себя, но была очень слаба, ноги у нее болели, и на Лешку она смотрела с опаской, не осознав еще, что находится не в тюрьме, а в убежище. Лешка не знал, за кого беспокоиться больше – за девушку или дракона. Мальчик вдруг вспомнил, что, когда он был маленький и болел, кто-нибудь из родителей обязательно ночевал в его комнате. Папа или мама расстилали на полу туристический коврик, брали плед и подушку и проводили ночь подле его кровати, сквозь чуткий родительский сон прислушиваясь к дыханию малыша, меряя температуру, подавая воду или отмеряя лекарство.

Ему самому стало смешно, он пробурчал: "Обзавелся детками на свою голову", перебросил через плечо одеяло, набрал еще ведро воды и опять полез на чертову крышу, где спал Джек. Мальчик устроился под стеной башни, завернувшись в одеяло. На каменном полу было чертовски неудобно, однако усталость взяла свое, и он заснул.

Ему приснился странный сон. Он сидел на спине Джека, и они летели куда-то сквозь влажный ветер и облака. Было очень холодно, но он изо всех сил цеплялся заочневшими руками за роговые выросты на спине дракона, так как чертовски далеко внизу неторопливо проплывали луга, поля, озера и горы. В горах стало еще хуже, потому что поднялся ветер, и Лешка трясся крупной дрожью. Он уже не чувствовал рук и думал, что вот-вот упадет, когда Джек пошел на снижение. Вот открылась небольшая площадка, а перед ней зияющий в склоне горы зев пещеры. Мальчик решил, что дракон

приземлится на площадке, но Джек влетел в пещеру и они понеслись сквозь сумрак, который, по мере удаления от входа, становился все плотнее и постепенно превращался во тьму. Лешка зажмурился и подумал: хорошо, что внутри горы ощутимо теплее. Однако скоро тепло превратилось в жар, и даже сквозь его сомкнутые веки проник красноватый отблеск близкой лавы. Дышать стало трудно, но Джек поднялся выше и наконец, к огромному облегчению мальчика, опустился на твердую землю. Лешка еле живой сполз с драконьей спины и, почти не чувствуя тела, распластался на полу. Однако мальчик быстро сел, когда в поле его зрения появилась драконья морда, разинула пасть и с некоторым трудом просипела:

- Теперь давай поговорим.

- Ой, мама, - Лешка на попе отполз в сторону.- Ты разговариваешь?

- Только здесь и сейчас. Такое место.

- А... а что это за место?

- Это Обитель драконов.

- Ага, - Лешка опасливо оглянулся, ожидая увидеть других обитателей пещеры, но кругом было темно, только каменный выступ, на котором оказались они с Джеком немного освещался красноватыми отблесками далекого лавового потока. Пахло в пещере серой и еще чем-то, тоже не слишком приятным, было жарковато, и со стороны лавовой реки неслись неравномерный гул, периодически распадавшийся на другие звуки: грохот, шипение, стук и неприятное чавканье.

- Слушай меня, Змееносец, и запоминай, - Дракон выгнул шею и уставился на мальчика внимательными глазами, в золотистой глубине которых плясали красноватые отблески.

- Как ты меня назвал?

- Змееносец, так у людей принято называть таких как ты.

- Это каких?

- Ты родился в год Дракона и по двенадцатигодичному циклу ты Дракон. Также как твой отец, и дед, и прадед.

- Ну, отец да, а про остальных родственников я не знаю.

- Я знаю. Кроме того ты родился 30 ноября и твой Зодиак – Змееносец.

- Э, тут вот ошибочка вышла, - Лешка немного успокоился, скрестил ноги и попытался поудобнее устроиться на неровном полу.- Мама сказала, что по зодиаку я – Стрелец.

- Нет. Обычные люди знают только двенадцать знаков зодиака. Но есть и тринадцатый. Он превращает зодиакальный круг в спираль, которая ведет в исток жизни. Люди, рожденные под этим знаком, могут отыскивать

двери в иные реальности, проходить между мирами. Они наделены большой энергией и интуитивным потенциалом. Если потенциал этот подкрепляется знаниями и осознанием цели, то удел таких людей – величие.

Лешка пожал плечами. Подумал, шмыгнул носом. Величие – это, конечно, неплохо... наверное. Но...

- Если бы я мог проходить между мирами, я бы вернулся домой. А я не смог.

- Ты мал и не наделен знаниями. Знал бы как – смог бы.

- И как? – жадно спросил мальчик.

- Сперва ты должен выполнить задачу.

- Какую?

- Остановить Хозяина Замка.

- Ты рехнулся?

- Послушай меня. Этот человек – такой же Змееносец как ты, и он рожден в разгар времени, которое называется "Сожженный путь". Он наделен многими дарами, и поставил перед собой цель: добиться власти, изменив мир.

- Ну, это как-то... глобально, - недоверчиво протянул мальчик.

- Да. Но он готов сделать решительный шаг. Он собрал единомышленников, рассчитал время и готовится обрести дополнительные силы и способности. У того мира, где живут твои родители и сестра, есть только один шанс – это ты.

- Слушай, что я могу? – Лешка вскочил на ноги.- Мне 12 лет, я ученик 6 класса... и учусь даже не на отлично. А он... он силен, ты сам сказал.

- Да. Но у тебя есть я.

- Это утешает, - скептически заметил мальчик.

- Я не зря упомянул, что ты рожден многожды Драконом. Это дает нам с тобой возможность понимать друг друга. Сейчас твоя задача – запомнить и понять как можно больше из того, что я расскажу тебе. Потом я объясню, как укрепить эту связь. Ты согласен?

Лешка хотел было спросить, есть ли у него выбор. Но чего выделяться-то? И так ясно, что выбора нет. И он кивнул.

Дракон говорил и говорил, и голова у Лешки шла кругом.

По его словам выходило, что Хозяина Замка зовут Адриан и он человек, который родился в начале 19 века. Его рождение случилось под тем же знаком Змееносца, но в самый разгар недоброго периода, который астрологи называют Via Combusta "Сожженный путь". Следуя своей природе, Адриан отыскивал учителей, которые посвятили его в древние знания

и помогли развить природные способности. Используя свой дар, он смог создать Замок, существующий в параллельной реальности. С одной стороны Замок – это место, куда не могут пробраться чужие, где энергия Хозяина постоянно подпитывается за счет энергии внешней среды и энергии тех людей, которых он поработил и использовал при создании Замка – Лешка вспомнил про души и содрогнулся.

С другой стороны, Замок – лишь часть сложной схемы, которая включает множество компонентов: это и высоты, выстроенные на территории Москвы определенным образом, так, что их расположение соответствует узору созвездия Змееносца; и другие древние сооружения, и люди, которые ждут сигнала, готовые использовать древние и могущественные знания ради своих целей.

- Но что он задумал?

- В рассчитанный день и час Адриан совместит обе реальности, оба мира. Университет падет под натиском Замка, ибо мир Адриана пульсирует в ритме более мощном и древнем. Энергия всех живых, оказавшихся в зоне действия плюс его собственный многократно усилившийся дар приведет к тому, что реальность начнет меняться. Остальные московские высоты послужат своего рода ретрансляторами. Возможно, он сумеет разбудить и старые, дремлющие системы: пирамиды, зиккураты... или построенные в новое время, но так и не заработавшие: Эйфелеву башню, Эмпайр Стейт Билдинг... Видишь ли, он не первый, кто додумался пройти "Сожженным путем". Есть легенда о Фэтоне, который выжег на земле все живое, пытаясь овладеть слишком мощными для него силами. Он выпустил чудовищ...

- Но это легенда!

- Каждая легенда – это коллективное воспоминание о каком-то событии. Древние арии, например, долго недобрыми словами вспоминали Закхака, который, соблазнившись силами Тьмы, пытался выпустить на волю змей-людоедов и сам стал им подобным... И вообще, тебе не кажется странным сомневаться в легендах, разговаривая с драконом?

- Думаешь, он сможет изменить мир в одиночку? Один человек?

- Собственно, он уже не совсем человек... а завершение трансформации лишит его остатков человеческой сущности. И почему в одиночку? У него есть единомышленники, ученики. Их не очень много и не все они посвящены в конечный план... Но они будут готовы к вспышкам массовой истерии и примут функции жрецов и новых властей. А он станет богом.

Лешка подавленно молчал.

- Но это лучший сценарий, - продолжал гудеть дракон.

- Да ты что?

- Возможен и другой исход... при столкновении двух реальностей в действие вступят законы физики, и ткань мира может видоизмениться.

- А попроще? Ничего не понял!

- Ты знаешь, что такое резонанс?

- Ну, в целом да. Папа рассказывал, что, когда рота солдат идет по мосту, им запрещают маршировать в ногу, потому что ... там есть какие-то колебания, которые могут расшатать мост.

- Да... речь идет о волнах, изгибных гравитационных волнах... Ты не поймешь, - дракон мотнул головой. – Представь, что ритм, в котором пульсирует мир Замка, попадет в резонанс с колебаниями мира обычного. Волны обогнут планету, словно по ней промаршировали все армии всех народов, и каждый солдат шагал в ногу с другими... Это может разрушить структуру материи.

- Чего?!

- Поверь мне, это возможно. Как возможно и то, что третьи силы, присутствующие в мире людей, решат стерилизовать планету, чтобы избежать непредсказуемых и неконтролируемых последствий возникновения новой реальности.

Лешка махнул рукой. Он даже не стал спрашивать, что это за третьи силы: какая разница? Подумав, он поинтересовался:

- Но если ты мне все это рассказываешь... наверное, у тебя есть план, как помешать Хозяину провести это столкновение реальностей?

- В общих чертах, - просипел дракон. – Наша цель – разрушить Замок и помешать Адриану. Нужно дождаться дня, когда откроется путь. Адриан будет занят, все его силы уйдут на то, чтобы запустить и контролировать процесс. Он утратит бдительность и тогда мы должны напасть и убить его.

- Убить? – переспросил мальчик неуверенно. Сто раз – как все дети - он говорил в приступе гнева "Я его убью". Но то были слова, всего лишь слова. Убить человека по-настоящему, это совсем другое дело... Он нащупал на поясе кинжал, надежно упрятанный в ножны из мешковины и попытался представить себе, каково это: вонзить кинжал в тело, услышать, как рвется плоть... Его замутило, руки стали мокрыми и холодными.

Дракон изогнул шею, приблизив морду к лицу мальчика, мигнули золотистые глаза.

- Я постараюсь сам это сделать, - сказал он.- Но если что-то пойдет не так, ты должен быть готов.

- Я понял. - Лешке план не понравился, но он не мог предложить ничего взамен.

- Вытяни вперед руку, - велел дракон.

Мальчик заколебался. Он внимательно взглянул на возвышавшееся над ним существо: где то смешное создание, которое он кормил бутербродами с сыром подле университетского фонтана? Теперь голова ящера находилась над полом не менее, чем в двух метрах, два рога надо лбом круто загибались назад, пасть вызывала желание зажмуриться. Широкая грудь покрыта панцирными пластинами, когти на лапах могут вскрыть автомобиль как консервную банку. Мощный хвост и спина топорщатся роговыми выступами. Кожистые крылья сложены за спиной и торчат вверх, как у летучей мыши. Дракон, одним словом.

- Как тебя зовут? – выпалил вдруг Лешка.

Дракон внимательно смотрел на мальчика. Его золотистый глаз мигнул, закрывшись пленкой, вертикальный зрачок сузился, и он ответил:

- Меня зовут Джек.

Лешка вздохнул. Да, это Джек. Он чувствует это, знает, просто странно, что его воспитанник вырос так поспешно. И он протянул руку ладонью вверх. Коготь размером больше акульего зуба завис над рукой, потом быстрое движение- и из раны на запястье побежала тонкая струйка крови. Мальчик сжал губы и отвел глаза, чтобы не видеть кровь. Он смотрел, как Джек полоснул когтем по собственной лапе, потом что-то заворчал, заунывно и неразборчиво. Долетел с лавовой реки жаркий ветер, и Лешка увидел, как струйка его крови поднимается вверх над запястьем, вопреки всем законам физики, она тянется вверх и сливается с темной, отливающей радужной ртутной пленкой кровью дракона. Две жидкости сплелись в шнурок, вспыхнули золотые искры и замерцал вокруг воздух. Мальчик почувствовал, как он тонет в этом золотом сиянии, падает в него... и потерял сознание.

Павел, добравшись до дома, даже не попытался лечь спать. Он вдруг понял, в чем состоит главная трудность ситуации, в которой оказались он и Алиса. Недостаток информации. Слишком много вопросов и неподтвержденных гипотез и мало ответов. Он едва не проехал свою остановку, но успел кое-что обдумать и, добравшись до компьютера, набрал в поисковой строке "История создания МГУ".

Он узнал много интересного, например, что фундаменты всех высоток заложены были в один день, что места их постройки казались странными и

плохо объяснимыми с точки зрения планировки города, что для создания фундаментов инженерам приходилось преодолевать немислимые трудности, потому что здания такой этажности строят обычно на геологических плитах, а здесь пришлось строить, где велели. Главное здание МГУ задумывалось при постройке как резервный вариант радиобашни, там находился штаб Гражданской обороны, а тоннели связывают его чуть ли не со всеми остальными высотками. Много чего узнал молодой человек, но ответа на вопрос, что там, черт возьми, происходит, и откуда взялся чертов Замок, не нашел. Затем Павел наткнулся на статью из архитектурного журнала, где имелись планы высоток и поражен был, сколь разнообразна и специфична форма зданий. Эти схемы напоминали что-то знакомое, но он никак не мог сообразить, что именно. Зато, нанеся на карту Москвы места расположения высоток и запустив программу поиска соответствия, он через некоторое время получил ответ в виде карты звездного неба, на которой умный компьютер выделил созвездие Змееносца.

- Это бред, - печально пробормотал Павел, обхватив руками гудящую голову.

Через несколько дней Алиса пришла на биофак, как велел ей Пашка, и теперь маялась в ожидании приятеля. Здание биологического факультета; старое, с темными коридорами, натертыми мастикой паркетными полами и лабораториями, казалось ей не просто странным, а пугающим. Где-то здесь ее брат, ее Лешка, угодил в беду и попал в чертов Замок. Торчать на первом этаже подле гардеробов не хотелось: из дверей дуло, из столовки тянуло рыбой, и от этого запаха Алису мутило. Она пошла в буфет на втором этаже, но там было не протолкнуться, к тому же ей показалось, что она заметила среди ребят одного из упырей, Гошу, кажется.

Девушка торопливо выскочила из помещения буфета и побрела по коридору, заглядывая в двери аудиторий. Здесь занятие, здесь тоже... тут практикum, фу, кажется, они кого-то препарируют! Она ускорила шаги, проскочила стеклянные двери, испуганно оглянулась – и врезалась в кого-то.

- Ой, - Алиса отпрянула, прижав руку к бешено заколотившемуся сердцу.

- Что же вы так бегом бегаєте, и не смотрите, - укоризненно сказал невысокий и щуплый человек, уверенно удерживая девушку за плечи.- Эй, да вы испугались...

Мужчина внимательно вглядывался в личико девушки, отметив и ее испуг, и напряжение.

- Как вас зовут? – спросил он.

- Алиса Николаенко.

- Вот как? – он задумался.- Скажите, а ваш брат ... он же здесь тоже бывает, на биофаке?

Мужчина нахмурился, увидев, как задрожали губы девушки и глаза наполнились слезами.

- Да что с вами? Случилось что? – она только всхлипывала.- Идемте-ка. Я вам чаю налью, и...

- Нет! – Алиса дернулась в сторону.- Я не пойду с вами.

- Вы меня боитесь? – мужчина так удивился, что даже хмыкнул.- Вот уж неожиданность. Впрочем... меня зовут Сергей Михайлович Микчурин, я заведующий кафедрой физиологии растений.

Из-за поворота вывалилась шумная группа студентов. Увидев профессора, они притихли, поздоровались и прошли дальше.

- Ну так что, пойдём в кабинет? – спросил Микчурин.- Здесь поговорить не дадут.

И Алиса пошла за ним. Кабинет представлял из себя небольшую комнатку, отгороженную от более просторного помещения, уставленного горшечными растениями и цветами. Сергей Михайлович усадил девушку на деревянный стул, принес чайник с кипятком, достал из шкафчика чашки и заварочный чайничек ("шиповник, мята и сушеные абрикосы, очень рекомендую, заварил час назад, как раз настоялось"), вручил Алисе кружку с ароматным напитком и, усевшись за стол, сказал:

- Милая девушка, расскажите мне, что происходит. Дело в том... Ваш брат, его ведь Алексей зовут? – Так вот, он помог мне, когда некая личность попыталась забрать у меня очень дорогой мне предмет. И если с ним что-то случилось, то, возможно, здесь есть и моя вина...

- Помог вам? Но как?

Микчурин кратко пересказал эпизод с Лерой.

Алиса думала, кусая губы, потом покачала головой.

- Не думаю, что это имело отношение к его исчезновению... хотя...

- Он исчез? – профессор выпрямился и поставил чашку.- Мальчик пропал?

И Алиса рассказала ему все.

Где-то на середине ее рассказа в кармане девушки затрещал мобильник, и сердитый Павел поинтересовался, куда, черт возьми, она делась? Алиса вопросительно глянула на профессора, тот назвал номер кабинета, и через несколько минут Павел уже стоял на пороге, исподлобья оглядывая кабинет и присутствующих.

- Здравствуйте, Павел, - Микчурин протянул молодому человеку руку.- Мы знакомы, поскольку кафедра наша участвует в разработках Рифата и вы, если не ошибаюсь, немало времени провели в одной из наших лабораторий.

- Да.

- Садитесь. Мы с Алисой обнаружили, что у нас есть кое-что общее касательно ее брата. Теперь я хотел бы выслушать всю историю до конца.

Павел вытаращился на подружку, но ту было уже не остановить. Она говорила и говорила, и умолкла только, когда рассказала все до конца.

Некоторое время профессор молчал, потом сказал негромко:

- Мне так жаль, что с вашим братом случилось неладное... Но вы молодец, что не теряете надежду найти мальчика. Давайте попробуем суммировать: вы утверждаете, что имеется некая реальность, Замок, и человек по имени Адриан, который хочет захватить мир. – Он замолчал, пауза затянулась, и Павел напрягся, ожидая какой-нибудь шутки или колкости, когда Микчурин вдруг сказал:

- Знаете, мне кажется, что все признаки указывают на близость некоей кульминации...

- Кульминации чего?- агрессивно переспросил Павел.

- Не знаю. Есть некий Замок и его таинственный Хозяин. До недавнего времени все было тихо-мирно, а потом Хозяин умыкает мальчика... Нападение на меня, которое помог предотвратить Алексей... оно тоже могло быть инициировано человеком, который охотится за необычными вещами. На мой взгляд, все свидетельствует о наличии некоего процесса, который столь близок к завершению, что он уже отринул необходимость тщательно соблюдать меры предосторожности. Да и в самом Университете последнее время происходит что-то неладное. Вы слышали?

- Да, - неохотно отозвался Павел.- Ходят какие-то дурацкие слухи о вампирах, о нападениях на ребят, задержавшихся в лаборатории до вечера...

- Это не слухи. Есть несколько жертв, просто администрация старается не афишировать происходящее. Однако я отменил на своей кафедре все вечерние коллоквиумы. На закрытом совещании у ректора было высказано предположение, что в Университете обосновалась некая секта, и ее члены проводят ритуалы, связанные с кровью и прочим... Это, хочу вам заметить, очень нехарактерно для любого научного сообщества, а уж для нашего вуза так просто неслыханно. В этих стенах всегда преобладал здоровый скепсис и приоритет науки.

Профессор помолчал, вздохнул и продолжил свой невеселый рассказ:

- Странно также то, что у нас выходит из строя оборудование. Никогда не было столько поломок, а тут просто катастрофа... Мне кажется, это указывает на возможность вмешательства извне... Скажите, - повернулся профессор к Алисе.- Вы можете попытаться еще раз поговорить с братом?

- Могу, но... не уверена, что получится.

- М-да... А если мы объединим наши усилия?

- Как это? – спросил Павел.

- Ну, у меня есть кое-какие собственные секреты, - Микчурин встал.- Идемте.

Он привел ребят в одну из лабораторий и, пропустив их в помещение, тщательно запер дверь. В просторной комнате оказалось почти пусто. Стол с аппаратурой, еще один, на котором разместился странный набор предметов: детские кубики, книга и пластиковая бутылка с водой. На полу всюду трудился увлажнитель воздуха, и в комнате было жарко и влажно как в тропиках. Одну из стен почти целиком заплел красивый вьюнок.

- Это мой проект. Я вам кое-что покажу, а потом объясню, в чем заключается мое предложение. Встаньте, пожалуйста, у двери, - с этими словами Сергей Михайлович сел в кресло на колесиках и подъехал вплотную к стене. Он выпрямился, положил руки на подлокотники и закрыл глаза. Павел и Алиса смотрели молча, не зная чего ожидать. И вдруг девушка заметила, как одна из плетей растения шевельнулась. Сперва ей показалось, что там, в зелени, прячется какое-то небольшое животное. Но нет – плеть тянулась сама, ее зеленый стебель обвил голову и шею профессора. Тот продолжал сидеть спокойно, но открыл глаза и уставился на дальний стол. Ребята увидели, как начали двигаться детские кубики, выстраиваясь в пирамидку. Сперва первый – желтый - поднялся в воздух, повисел и опустился на зеленый кубик. Потом красный, потом синий. Пирамидка из четырех кубиков возвышалась на столе, а профессор, улыбаясь, смотрел на ошарашенных молодых людей.

- Смысл этой демонстрации в том, что данный экземпляр Пеллионии Прекрасной усиливает способности человека, даже самые незначительные и латентные. Телекинез - то есть умение двигать предметы силой мысли - изучен плохо, потому что не свойственен людям. Я в этом плане никогда ничего добиться не мог. Но Пеллиония помогает мне творить чудеса. Я привез ее из Вьетнама, там это самое обычное растение, как у нас плющ. Но с помощью моего талисмана нам удалось достичь определенного взаимопонимания.

- Это впечатляет, – пробормотал Павел.

- Я предлагаю следующее, - теперь голос Сергея Михайловича звучал вполне по-деловому и сухо: - Мы можем объединить силы, дав Пеллионии возможность подключить нас к своей системе параллельно, чтобы увеличить мощность сигнала. Возможно, таким образом удастся создать устойчивый канал и пробиться к мальчику, хотя бы разузнать что-то конкретное.

Ребята переглянулись.

- Безумие, - прошептал Павел. Алисе было страшно, она тихонько взяла его за руку. Другой ладонью сжала медальон и пошла к стене. Павел нехотя последовал за ней. Они немного растерялись, сообразив, что стульев в комнате больше нет, но потом просто сели на пол. Пеллиония зашуршала, расчищая участок стены, чтобы ребята могли прислониться. Алисе стало не по себе, когда она почувствовала прикосновение к коже холодных листьев и стеблей. Плющ обвил ей голову зеленой короной и накидкой лег на плечи. Она скосила глаза на Павла. Тот сидел с застывшим лицом, по виску стекали капли пота.

- Пашка, ты похож на чучело, - прошептала Алиса, надеясь подбодрить приятеля.

- Вы похожи на Титанию и Оберона, - услышала она голос Сергея Михайловича. Ни Павел, ни Алиса не читали "Сон в летнюю ночь", а потому уставились на профессора с недоумением. Тот пожал плечами и улыбнулся смущенно. - Теперь делайте то же, что всегда, - предложил Сергей Михайлович, когда движения плюща замедлились и практически замерли. Лишь изредка листочки вздрагивали и теснее прижимались к коже людей. Алиса уставилась на противоположную стену, мысленно представив себе лицо братика и повторяя его имя.

- Лешка! Лешка!

Мальчик вздрогнул и открыл глаза. Он лежал, завернувшись в одеяло и прижавшись спиной к боку дракона. Джек тоже проснулся, поднял голову и теперь крутил своей рогатой башкой, пытаясь понять, откуда доносится голос. Но Лешка сразу узнал сестру; ее лицо словно проступило из стены. Мальчик смутно видел какой-то зеленый фон, но ему было не того:

- Алиска!

- Лешка! Как к тебе пройти? Мы с Павлом...

- Вы не пройдете! - он сел, сообразив, что сестра ищет вход в Замок. - Тебе сюда нельзя! Я сам все сделаю! Мы с Джеком все придумали!

- Что ты сделаешь?

- Я дождусь дня Сожженного пути и помешаю Хозяину Замка ...

- Кто такой Хозяин?
- Его зовут Адриан, больше ничего не знаю...
- В чем его цель?

- Он хочет стать богом! Он задумал соединить нашу реальность с Заком, и тогда мир изменится... Университет – лишь часть схемы. Это центр, где находится Замок. Я... - мальчик оглянулся, и Алиса отшатнулась, увидев приблизившуюся к нему морду. Лешка положил руку на рогатую голову дракона. – Я, наверное, не вернусь, Алиска. Но Замок должен быть разрушен!

Что-то темное мелькнуло за спиной мальчика. Лешка подался в сторону и люди увидели, как по крыше подбирается к нему тварь: темная шерсть выглядит влажной, на крысиной морде сверкают злобные голодные глазки, пасть приоткрыта, лапы со страшными когтями осторожно ступают по крыше. Твари, охраняющие замок, ненавидели дракона. Джек и мальчишка были чужеродны их миру и казались им законной добычей, но они никогда не покидали стен Замка, и не было возможности добраться до столь желанной добычи. Однако то, что приближало развязку, затронуло тварей тоже. Замок менялся: рос и набирался сил дракон, собирал все силы и знания Хозяин, упыри чаще хотели есть и потому отваживались нападать даже на людей. И крысоподобные твари, совершив своего рода эволюционный скачок, осмелились проникнуть внутрь Замка и подняться по лестницам на крышу. И вот теперь их добыча близка: мальчишка стоит на самом краю, дракон, конечно, не подарок, но он один. Движимые то ли инстинктом, то ли проснувшимся роевым интеллектом, твари стали окружать свои жертвы. Мальчик попятился к краю крыши, Джек выступил вперед, открыл пасть и закричал. Высокий звук заставил колебаться воздух, и проем башни, из которого одна за другой появлялись крысоподобные твари, вдруг треснул и рухнул, хороня их под тяжелыми каменными обломками. Несколько уцелевших особей продолжали наступать, но Джек подставил шею и, когда мальчик ловко оседлал его, взмахнул крыльями и поднялся в воздух.

Они перелетели на крышу соседней башенки и первое, что сделал Лешка – запер тяжелую деревянную дверь, ведущую на крышу. Твари метались по соседней крыше и выли; не имея возможности спуститься, они оказались в ловушке. Мальчик с тоской смотрел туда, где осталось видение его сестры, потом, вздохнув, сел на камень и сказал дракону:

- Лучше бы я ее не видел. Так только хуже.

Он плакал, и Джек молча лежал рядом, понимая, что сделать с тоской и страхом ничего нельзя, их можно только выплакать и преодолеть. Наконец Лешка утер глаза рукавом и сиплым от слез голосом сказал:

- Дверь все равно открывать придется: надо найти одеяло, воду и еду.
Пошли.

Замок должен быть разрушен!

Это была последняя фраза, которую услышали люди в лаборатории. Потом мелькание тел на крыше, высокий звук, раздирающий уши, грохот камней – и все пропало.

Профессор ласково тронул ветки растения, и Пеллиония освободила его и ребят. Павел поднялся, с трудом распрямляя затекшее тело. Он устал так, что пересохло во рту и дрожали колени, видимо, его силы и впрямь пошли на улучшение канала связи. Он посмотрел на Сергея Михайловича: ученый был бледен, руки его, когда он, ласково бормоча, гладил листочки Пеллионии, слегка дрожали. Хуже всего, конечно, пришлось Алисе. Павел обнял за плечи всхлипывающую девушку, а Микчуриин сказал:

- Давайте вернемся в кабинет.

Он опять налил всем шиповника с мятой и абрикосами, усадил ребят, и принялся мелкими глотками пить настой. Потом сказал:

- Это немыслимо. То есть невероятно! Мне послышалось или мальчик сказал "Сожженный путь"?

- Я тоже слышал, - кивнул Павел.- Но что это такое?

- Сейчас, сейчас, - Сергей Михайлович застучал по клавишам ноутбука.- Да, точно! Это первые дни, когда солнце входит в созвездие Змееносца. С 26 ноября по 16 декабря... Даты разнятся, ох уж эти астрологи! Via Combusta, или сожженный путь, приходится на первые десять дней. То есть Змееносец идет по нему где-то до 5 декабря.

- Созвездие Змееносца? – Павел открыл рот. - Но этого не может быть!

- В смысле?

- Я тут смотрел планы высоток... ну, Лешка сказал, что Университет лишь часть схемы, но можно было и раньше догадаться, что само здание и ему подобные как-то связаны с происходящим. Так вот, единственное совпадение схемы расположения высотных зданий в Москве, которое нашел компьютер – это рисунок созвездия Змееносца.

- Тогда выстраивается такая картина, - профессор придвинул к себе лист бумаги и заговорил, набрасывая квадратики и кружочки, и соединяя их стрелочками:

- Есть некий Адриан, Хозяин Замка. Он хочет стать богом и для этого задумал что-то такое сделать с реальностью и проникнуть в наш мир.

Вторжение или захват начнется в один из дней, когда мир идет по Сожженному пути.

Вывод: мальчик... - он очень смелый и очень умный, мальчик, - он придумал какой-то план и надеется, что ему удастся перехитрить Хозяина Замка и остановить его. Ах, если бы знать, в чем план! Или хоть представлять, где вход в Замок!

- Я знаю, где вход, - тихо сказала Алиса.- Но придется поискать способ его открыть.

Выслушав про Протвино, профессор скептически покачал головой:

- Далековато, на мой взгляд. Хотя... может, нам удастся зайти с тыла! Какое сегодня число? Бог мой, так ведь уже 25 ноября! У нас очень мало времени. Нужно внимательно пересмотреть все имеющиеся сведения о созвездии и попытаться уточнить дату... Но в любом случае, поиски входа в Замок могут потребовать времени, так что нужно выезжать завтра, в крайнем случае послезавтра.

- У нас нет оружия, - сказал Павел.- С чем мы туда сунемся? Вы крыс этих видели?

- Ну, против крыс мы кое-что найдем, - профессор встал, повернулся к ребятам спиной и снял со стены картину, изображающую караван верблюдов в пустыне. Под картиной оказался сейф. Сергей Михайлович набрал комбинацию, открыл дверцу и выудил из железного ящика пару пистолетов.

- Ни фиги себе! – не сдержался Павел.

- Я человек сугубо мирный! – сурово провозгласил профессор.- Но в экспедициях, знаете ли, лучше иметь при себе некоторые аргументы, которые доступны для понимания любого... индивида.

Наукоград Протвино встретил путешественников серым небом, тусклым полуоблетевшим лесом и мелким дождем. По совету Дашки Павел списался по интернету с местным диггером, который отрекомендовался Фантомом. Аватар в чате он имел соответствующий: серый тощий призрак в плаще с капюшоном и кандалами на руках. Однако оказалось, что на грозный ник отзывается толстенький и лопоухий паренек. Абориген встретил их на станции и погрузил рюкзаки гостей в багажник неновой Лады. Гости разместились в салоне, и машина двинулась прочь из города.

- Вы у нас впервые? – Фантом крутил руль, одновременно разглядывал гостей, то сидящего рядом с ним Сергея Михайловича, то бросая

любопытные взгляды в зеркало заднего вида. – Вот чудно, да? Небось, в Питере бывали. А ведь мы ближе... Хотя, с другой стороны, чего тут смотреть? Два клуба, три ресторана, три научных института, два синхрофазотрона...

Алиса все думала, как это диггера угораздило выбрать такой ник, и тут на светофоре кто-то радостно замахал машине рукой и симпатичная девушка крикнула:

- Привет, Фантик!

Толстячок сделал вид, что не слышит, хотя его большие уши вмиг покраснели.

Павел и Алиса закусали губы: до того прозвище подходило внешности паренька. Но не было смысла сердить проводника дурацкими шутками, да и настроение у них было не очень радужное, поэтому Алиса со всей возможной серьезностью спросила:

- Скажите, Фантом, а эти тоннели, построенные для большого ускорителя, они проходимы?

- По большей части да. Есть несколько подтопленных участков и кое-где секции перекрыты... Местные деловые их осваивают потихоньку, все же такие площади пропадают! ... Где-то шампиньоны и вешенки выращивают, где-то под склады оборудовано, но это можно, так сказать, с благословения местного начальства и ежели с ним делиться. А вообще-то там, в основном, сложено оборудование.

- То есть ускоритель все же начали монтировать?

- А черт его знает! Говорят, что оборудование проходческое, но кто ж вам правду скажет.

- Вы не передумали? – вмешался в разговор профессор.- Может быть, вы озвучите сумму, за которую согласились бы провести нас внутрь, и мы это обсудим?

- Нет, не буду я ничего обсуждать! – Фантик -Фантом сердито засопел и осторожно свернул на бетонку. Покосившись в зеркало заднего вида на Алису, добавил: - Послушайте, я там был два раза. Один раз с ребятами, бухие были... Ну, поорали там... Второй раз пошел один. Чуть не подох со страху, но пошел. И оба раза все было одинаково, понимаете? Я вхожу, тоннель, лужи, кабели, эхо. А потом раз – и вон там, впереди, выход. И добраться до него только ползком, потому что сил нет, рюкзака нет, фонари разбиты и такое впечатление, что тебя поезд переехал. Один раз меня не было сутки... это когда с ребятами. А второй раз – часов восемь. Но я ничего не помню! Ни-че-го! Оба раза. И больше меня туда не тянет.

Рассказ аборигена позвучал не слишком обнадеживающе, и дальнейшая поездка проходила в молчании. Наконец Фантом мягко съехал с дороги под кусты орешника, выключил мотор и сказал:

- Если ехать дальше по бетонке, то там КПП, охрана и все такое. Но мы пойдем другим путем. Выгружайтесь.

Путешественники выбрались из машины, надели рюкзаки и пошли следом за Фантомом. Шли по сырому осеннему лесу минут двадцать.

- Жаль, грибной сезон кончился, - пробормотал профессор, поглядывая по сторонам. – Грибов тут, наверное, прорва.

- Ни фиги, - отозвался Фантик.- Нет тут грибов. И ягод нет. Здесь можно собирать только поганки. Высокие белесые такие конусы или мухоморы красненькие, и растут они по кругу. У нас их называют "ведьмины круги".

- Это обусловлено особенностями разрастания мицелия, - заметил профессор.- Мицелий, т.е. грибница, расширяется одинаково во всех направлениях, а в середине отмирает. Получается эффект круга.

- Может и так, - равнодушно отозвался Фантик.

Вскоре путники оказались перед оврагом. В дальнем его конце виднелся склон, в котором совершенно нелепо смотрелась большая бетонная заплатка.

- Вот, почти пришли, - заметил проводник, и они стали спускаться в овраг, оскальзываясь на сыром склоне и цепляясь за ветки кустов.

Затем зашагали по дну оврага, пробираясь между валежником и чавкая по грязи.

- Но там закрыто! – разочарованно протянула Алиса, внимательно разглядывая бетонную нащлепку.

- Спокойно, Маша, - хмыкнул Фантик, - Дубровский знает, где открыто, где закрыто.

Приблизившись вплотную к замурованному лазу, Фантик отодвинул кусты, и стало заметно, что край заплатки сколот, а его место занимает деревянный щит, заляпанный для маскировки бетоном.

- Охрана время от времени обходит территорию и проверяет входы, - пояснил проводник.- Но спускаться сюда им лень. Сверху глянут: бетон на месте, дыр нет, и идут себе.

Фантик взялся было за щит, но потом повернулся и, обращаясь к профессору, как к старшему, сказал:

- Дальше я не пойду. Так что оплата сейчас.

Микчурин достал кошелек и отдал толстячку оговоренную сумму. Тот спрятал деньги в карман и опять взялся за щит.

- Идите прямо, - пропыхтел он.- Метров через 20 будет вход в основной тоннель. Если пойдете налево, выйдете к КПП. У них там освещение и пара камер, поэтому вас быстро отловят и повяжут. Поэтому двигайте направо... Только подтолкните щит изнутри, а то он тяжелый.

Алиса проскользнула в щель, за ней профессор. Когда Павел шагнул в темный проем, Фантик вдруг спросил:

- Вас это... когда ждать-то? Я подъеду...
- Мы позвоним.
- Ну, как знаете.

Подсвечивая дорогу, путники двинулись по узкому и сырому лазу и вскоре, как и обещал Фантом, вышли в основной тоннель.

- Круто, - пробормотал Павел, водя лучом фонаря по неблизким стенам и чертовски высокому потолку. Подсознательно все трое ожидали увидеть что-то вроде подвалов Университета и оказались не готовы к размерам кольца УНК.

- М-да, масштабы впечатляют, - заметил профессор. – Тем более обидно, что такое грандиозное сооружение пропадает без смысла и толка.

- Ну, может, еще получится что-нибудь, - неуверенно заметила Алиса. – Вон, Сколково же построили.

- Сколково, - Сергей Михайлович поморщился, словно съел что-то горькое.- Сколково, это, знаете ли, бизнес. А здесь все больше наука. Если бы в Европе в свое время не построили адронный коллайдер, глядишь, иностранцы заинтересовались бы и этим проектом. А так – им не надо, а нашим... финансистам и управленцам, тем более ни к чему. Ни тебе контрактов, ни откатов, ни заграникомандировок; неинтересно им.

Некоторое время все трое шли в молчании, потом Микчуриин спросил:

- А что мы, собственно, ищем?

(Ищем! Ищем! – долетело от стен эхо).

- Не знаю, - честно ответила Алиса.- Но я надеюсь, что оно само нас найдет.

(Найдет! Найдет! Передразнило эхо.)

Павел резко остановился, повел вокруг фонарем и шепотом спросил:

- А что-то раньше я этого эха не слышал. Не было его!

(Не было! Не было!)

Лучи трех мощных фонарей заметались по тоннелю. На миг Алисе показалось, что впереди мелькнула скособоченная маленькая фигурка. Она двинулась было туда, но Павел крепко ухватил ее за рюкзак:

- Стой! Одну не пушу!

(Одну! Одну! Теперь слова эха сопровождались явственным хихиканьем.)

- Видишь, он хочет, чтобы я пришла одна!

(Пришла! Одна!)

- Нет!

Не выпуская Алису, Павел развернулся в сторону темного жерла тоннеля и крикнул:

- Эй, там, надо поговорить!

Эхо молчало.

- Пожалуйста! – тихо сказала девушка.- Нам нужна ваша помощь. Мой братик в Замке. Нам нужно попасть туда. Прошу вас, помогите нам попасть в Замок!

(В Замок! В Замок! Теперь в голосе Эха слышались плаксивые нотки.)

Профессор дернулся: что-то мелькнуло на границе света.

- Знаете, - сказал он.- Думаю, нам нужно погасить фонари. Иначе Эхо не подойдет и диалог вряд ли будет конструктивным. Мне кажется, ему не нравится свет. Помните, Фантом сказал, что все их фонари были разбиты...

(Фонари! Фонари! Безумно заголосило Эхо.)

Всем троем стало не по себе, когда погас свет. Люди стояли во мраке и слышали, как где-то капает вода. Потом быстрый звук, словно топот очень легких ног... ближе... совсем рядом. Павел сжал зубы. Палец его застыл рядом с кнопкой на фонаре. Вторую руку он сунул в карман и сжал ладонью рукоятку пистолета. Ему очень не нравилось происходящее. Он был уверен, что вокруг них собралось несколько существ и совершенно непонятно, какие у них намерения.

- Вы здесь? – прошептала Алиса едва слышно.- Вы нам поможете?

Она вздрогнула, почувствовав, как кто-то или что-то коснулся ее ноги. Забормотали неразборчиво голоса. Чего они хотят? И тут же откуда-то пришел очевидный ответ.

- Вы есть хотите? – так же тихонько сказала она.- У нас сгущенка есть и хлеб.

(Есть! Есть! Забормотал кто-то.)

Алиса присела на корточки, скинула рюкзак и принялась развязывать узел. Наощупь делать это было неловко, но через несколько секунд девушка

сообразила, что видит свои руки, хоть и не может различить узел на тесьме. Темнота в тоннеле оказалась не такой уж плотной. Подняв голову, она увидела неподалеку невысокого человечка: он явно следил за движением ее рук. Павел тоже разглядел плотную фигурку ростом с 10 летнего ребенка и на всякий случай направил фонарь в его сторону. Профессор принюхивался: от обитателя тоннеля пахло мхом, грибами и травой.

- У меня есть шоколад, - прошептал он.

- А что насчет Замка? – сердито произнес Павел. Голос его прозвучал громко и агрессивно, и Эхо шарахнулся в сторону. Но тут Алиса достала, наконец, из рюкзака булку хлеба и банку сгущенки. Она наугад протянула дары вперед, и в тот же миг кто-то выхватил их из рук девушки, и топот легких ног, сопровождаемый хихиканьем и бормотанием, удалился.

- И что? – сердито спросил Павел.

- Не спешите, друг мой, - сказал Сергей Михайлович. – Думаю, он вернется за шоколадом. А мы пока отдохнем.

Все трое сели на рюкзаки и стали ждать. Глаза их постепенно привыкли к темноте, и теперь пространство тоннеля казалось серым, а не беспросветно черным. Они не заметили никакого движения и чуть не попадали от неожиданности с рюкзаков, когда рядом шелестящий голосок произнес:

- Замок...

- Да-да, нам нужно в Замок, - подхватила Алиса.

Теперь подле нее материализовалась фигурка и метнулась вперед, приговаривая "Замок! Замок!"

Подхватив рюкзаки, троица двинулась следом. Их провожатый мелькал то впереди, то сбоку, иной раз людям мерещилось, что фигурок несколько. Шли они довольно долго, пока не оказались перед боковым ответвлением тоннеля. Металлические щиты закрывали вход, и они прошли бы мимо, не заметив его, если бы Эхо не встал на светло-сером фоне и не постучал по щиту. За металлом зазвучала пустота. Эхо захихикал и сгинул.

- Свет бы включить, - ворчал Павел, осторожно ощупывая щит. – Черт, напоролся на заусенец... ага, вот скоба. Давайте нож. И включите свет, а то я без рук останусь.

Профессор включил фонарь, и Эхо тут же недовольно заухал где-то далеко. Отогнув скобу и сдвинув щит, все трое проникли внутрь. Там оказалась комната метров тридцать, что-то вроде аппаратной, подумал Павел. Стены обшиты стальными, отполированными до зеркальной гладкости листами. Подле одной из стен сложены ящики и какие-то агрегаты в пластиковых кожухах. Никакого другого выхода здесь не имелось.

- Может, ящики отодвинуть? – спросил Павел.

- погоди, - Алиса устала на противоположную стену. Единственный зажженный фонарь она поставила лампой вверх, и помещение наполнилось неярким светом. По углам и за ящиками по-прежнему таились кусочки темноты, и там кто-то возился. Как Эхо успел пролезть в комнату, они не поняли, но он неразборчиво бормотал что-то, а потом сердито забубнил:

-Смотри! Смотри! Смотри!

Профессор стоял неподвижно, стараясь разглядеть в стальном зеркале отражение существа, прятавшегося за кожухами. Он успел увидеть сморщенное личико, напоминающее скорее мордочку обезьянки, чем лицо человека, и выпуклые, белесые глаза.

Алиса тихонько охнула, и взгляд Микчурина метнулся к девушке. Та замерла перед зеркальной поверхностью стального листа, вглядываясь в глубину отражения. Впрочем, в стальном зеркале не отражались ни коробки, ни чехлы, ни люди. Там все отчетливее проступала зала Замка: стены серого камня, стрельчатые окна... Когда комната обрела четкость, Алиса шагнула вперед, Павел схватил ее за руку, боясь что она уйдет одна. Сергей Михайлович поспешил следом, но прежде положил на ящик шоколадку.

Они оказались в большом зале. Каменный пол, неровного камня стены, стрельчатые окна, через которые сочится равномерный серый свет. Из мебели здесь имелись деревянные скамьи по стенам и пара деревянных же шкафов, больше всего похожих на поставленные вертикально сундуки, окованные широкими деревянными полосами, с массивными петлями и узорными накладками вокруг замочных скважин. За спинами людей осталось высокое мутное зеркало в бронзовой раме. Павел в несколько быстрых шагов преодолел обширный зал и осторожно выглянул в окно. Он увидел часть замка: боковое крыло, крышу с башенкой, на которой валялись несколько крысopodobных тварей. Вместо шикарного парка, который окружает Университет, здесь росли странно-искривленные, больные деревья и жесткие кусты с тусклыми листьями и колючками. Дальше все сливалось в серо-туманную пелену.

- Павел, нам нужно быть очень осторожными, - прошептал Микчурин, извлекая из кармана пистолет.

Молодой человек сделал то же самое и двинулся к лестнице. Алиса застыла у стрельчатого окна.

- Боже мой, - прошептала она, - я видела эту крышу... и этих ужасных зверей. Там был Лешка.

- Алиса! Не стойте у окна! – негромко приказал Сергей Михайлович. Девушка, словно очнувшись, отступила вглубь комнаты.

Но было поздно. Кто-то из упырей заметил фигуру у окна, да и Адриан почуял присутствие в Замке чужих. Замок, созданный когда-то его силой и необычными способностями, все еще подчинялся своему Хозяину. Со временем реальность Замка обрела некую автономию, и все же Хозяин по-прежнему мог управлять его материей. Адриан закрыл глаза и сосредоточился. Вот комната, где находятся три человека. Один вышел на лестницу. Он вооружен. Ну, это не страшно; усилием мысли разорвав камень, Адриан усмехнулся: парень провалился этажом ниже и затих, рухнув на камни. К нему бросились упыри. Девушка... Адриан вернулся в комнату. Мавсол об этом позаботится. Третий. Где же третий?

Когда у Павла под ногами провалился пол, Микчурин рванулся вперед и успел увидеть, как юноша рухнул на лестницу пролетом ниже, и к нему метнулось несколько фигур, плохо различимых в полумраке. И тут же проем затянулся, камни сошлись, как будто и не было дыры. Сергей Михайлович отступил обратно в комнату. Похоже, их появление обнаружили. Он схватил Алису за руку и метнулся к зеркалу.

- Нет! – девушка уперлась. – Я не стану убегать!

- Попад в засаду, мы не поможем ни Леше, ни Павлу! Нужно выждать или попытаться пройти в другое помещение!

В это время в комнате обнаружился здоровый тощий тип, неряшливо одетый, с красными воспаленными веками. Он схватил Алису и дернул к себе. Упырь обладал недюжинной силой, и Микчурин, который одной ногой уже был в зеркале, потерял равновесие и упал. Он успел выстрелить только один раз, попал упырю в ногу, тот зарычал, выставил перед собой Алису, и Микчурин не рискнул больше нажать на курок, опасаясь попасть в девушку. В следующий момент Сергей Михайлович почувствовал, как кто-то тащит его за ноги. Он начал было лягаться, но уловил знакомую неразборчивую скороговорку Эха и не стал сопротивляться. Как только его тело скрылось в раме, зеркало стало обычным: запыленное толстое стекло, по углам разводы от сырости.

Адриан был недоволен. Не так страшно, что в замок проникли чужие, как то, что один из них сумел уйти. Он приказал Мавсолу организовать круглосуточное наблюдение за всеми помещениями. Особенно тщательно

требовалось охранять Главную Башню и крыло, где находились лаборатории Литвольда.

Когда прихрамывающий Мавсол притащил Хозяину полузадушенную Алису, тот глянул равнодушно и сказал:

- Не убей ее раньше времени. Запри в мешок, а потом используем ее в качестве жертвы. Где мужчина? Приведи.

Мавсол мотнул головой и утащил Алису прочь. На одной из лестниц имелось несколько каменных мешков: крошечные каморки в рост человека. Там можно было только стоять: ни сесть, ни лечь. Впихнув девушку в такой каменный гроб, Мавсол быстро захлопнул дверь с зарешеченным окошком на уровне лица.

Затем он отправился в подвал, рывком поставил на ноги Павла и, разрезав веревки на лодыжках молодого человека, тычками погнал его вверх по лестнице в Главную Башню. Упыри, следуя приказаниям Хозяина, сильно пойманного не били, и Павел соображал ясно и двигался довольно легко. Толку от этого, впрочем, было пока немного.

- Вот, значит, как, - Адриан рассматривал молодого человека с интересом. - Кто вы такой?

Павел, не видя смысла запирается, назвал.

- Студент биологического факультета? И зачем же вы пришли в мой Замок?

- Чтобы разрушить его.

- Почему? – Хозяин Замка искренне удивился.

- Я хотел спасти свой мир.

- От кого?

- От вас.

- Да? – Адриан усмехнулся. - А скажите, юноша, что вы знаете о своем мире? Знаете ли вы, кто им правит?

Павел угрюмо молчал, не понимая, к чему клонит этот странный человек.

Адриан прошелся по залу, потом остановился напротив юноши и тот увидел лицо Хозяина Замка совсем близко: сероватая кожа, бледные, словно выцветшие глаза. Высокий лоб с залысинами, седые волосы, в которых еще сохранился намек на былую каштановость. Ноздри мужчины дрожали, и Павел напрягся, ожидая удара. Адриан, несмотря на кажущееся спокойствие, был в ярости. Он схватил Павла за грудки и тихо спросил:

- Почему нельзя было сперва просто прийти и поговорить?

- О чем?

- О том, что и для чего я делаю!

- Вы хотите разрушить наш мир...

- Нет! Нет, идиот, я пытаюсь его спасти!

- Населив упырями и чудовищами?

- Трудно найти хороших работников в наше время, - Адриан немного успокоился, отошел в сторону и устало сказал:

- Я никого не заставлял. Это был их собственный выбор. Упирь, если хотите знать, состояние души. Их кругом полно, просто в этой реальности внутренняя суть обретает физиологическое выражение, становится видовым признаком... Скажите, вы знаете профессора Литвольда?

- Нет... хотя фамилию слышал. Он преподает в Университете, кажется.

- Он один из ведущих специалистов в области микологии и альгологии и мой соратник. Но он же не стал упырем! Каждый получает то, к чему стремится. Слабые духом выбирают легкий путь...

Адриан мерил залу широкими шагами и говорил то ли с Павлом, то ли сам с собой.

- Мы так долго работали, пытались спасти людей, не дать им превратиться в бездушных монстров, которых интересуют только деньги! - Ярость Адриана вскипела с новой силой и, стремясь выплеснуть ее вовне, он обрушил кулаки на мраморный стол. Трещина зазмеилась по каменной плите, и через несколько мгновений раздался грохот – осколки стола рухнули на пол.

Повернувшись к Павлу, Хозяин Замка спросил:

- Что вы думаете о том, как развивается последнее время человеческая цивилизация?

- Стремительно, - без особой уверенности отозвался тот.

- Глупости! Скорость объективно не важна! Важно - жизненно важно – то, что люди губят свой дом, планету, на которой живут! Нарастает агрессия, жестокость, темпы загрязнения воды, воздуха, то, как люди отравляют собственную землю, есть неопровержимое свидетельство тупиковости данного пути развития! Где-то мы сбились с пути, пошли по кривой дорожке! Я хочу спасти этот мир, понимаешь? После Слияния мир опять станет юным и важны будут не деньги, а вера и преданность!

- Вера во что? – не без сарказма поинтересовался Павел. – В вас? Как я слышал, вы хотите стать новым божеством?

- Кто это сказал? – Адриан сверкнул глазами гневно. – Посмотрите на меня. Я похож на человека, который жаждет поклонения? Да я всю свою жизнь вкалываю, как раб на галерах! Все ради спасения мира!

Он подошел вплотную, и Павел не без содрогания заглянул в светло-серые глаза с горящими углями зрачков.

Адриан усмехнулся. – А, так вас все же посещали сомнения? Значит, вы не совсем безнадежны. К сожалению, сейчас у меня нет времени на дискуссии. Я должен завершить задуманное. Еще немного и наш мир изменится к лучшему.

- Почему вы в этом так уверены?

- Наш мир, мой юный и не очень еще ученый друг, состоит из мельчайших частиц, из волн. Вам об этом наверняка говорили на лекциях. Но вот о чем вы пока не знаете, так это о важности ритма! Волны разной длины могут колебаться в разном ритме и от этого зависят многие физические параметры мира. Я создаю иной ритм пульсации реальности, он рушит электронные схемы, оказывает существенное воздействие на физические организмы... и на многое другое.

- Ритм? – Мысли Павла мгновенно вернулись к проекту "Иерихон". Об этом они не подумали, занимаясь в основном проблемой длины и частоты волн. Или Найруллин подумал? Над проектом работает множество людей и он, Павел, лишь небольшая его часть... кто-то может заниматься и ритмом.

Адриан сумел уловить сомнения, тревогу и большой творческий потенциал молодого человека. Мальчик, несомненно, талантлив. И, похоже, не так уж уверен в непогрешимости того, чему его учили. Если убедить его в собственной правоте, он станет ценным союзником.

Приоткрыв тяжелую дверь, он позвал Мавсола и негромко сказал:

- Отведи этого человека в подвал. Запри. Не бить и не калечить. И пришли мне мальчишку-растение, внука Литвольда.

Через несколько минут на пороге зала появился одетый в балахон мальчик.

- Тимофей, подойди, - позвал Адриан. – У нас в подвале сидит человек, который недавно проник в Замок, чтобы уничтожить его.

Глаза Тимофея расширились, и взгляд испуганно заметался по сторонам, словно он опасался заметить в зале следы начавшегося падения твердыни.

- Думаю, этот человек не злой, он просто очень мало знает о Замке и о нас. Иди к нему, отнеси воды и поговори с ним. Расскажи о работе деда. Он биолог и сможет понять... большую часть. Он должен осознать, что по собственной глупости хотел разрушить надежду, которую мы можем дать людям. Ты понял?

- Конечно! – Тимофей бегом кинулся к двери.

Глядя ему вслед, Адриан усмехнулся. Представил себе Павла: здоровый, красивый парень, сильный и умный. Побой он бы выдержал и запугать его вряд ли получится... А вот мы посмотрим, как молодой человек сможет выдержать этот разговор и остаться при своем мнении.

Адриан шел в зал Главной башни. Коридор из кабинета привел его к лифту. Кабина поднималась вверх не слишком быстро, но в какой-то момент Адриан почувствовал дурноту.

- Подожди, - прохрипел он и лифт, удивленно мигнув светом, послушно замер.

Хозяин Замка сел на банкетку и закрыл лицо руками. Сейчас наступит важный, может быть решающий момент его жизни. Он шел к этому много долгих лет. Теперь уж и не вспомнить, когда именно пришло понимание: этот мир может быть другим. Более простым и откровенным, независимым от чуждых и бесчеловечных технологий. Мир людей и зверей, мир чудовищ, потому что как же без них – не бывает добра без зла. Он долго и много трудился ради того, чтобы собрать единомышленников, чтобы донести до лучших людей эзотерические знания и поставить этих людей на нужные места и посты. В разных странах и городах они ждут, ибо сегодня великий день. Нет ничего случайного во Вселенной. Созвездие Змееносца, могущественный астральный знак, наделивший его талантом, начинает свой "Сожженный путь". Еще древние считали Змееносца единственным зодиаком, силе которого подвластно оборвать замкнутый круг и открыть границы между мирами.

Адриан чувствовал, как нарастает в нем сила. Замок замер, словно живое существо перед началом чего-то важного. Его соратники не пришли разделить с ним этот труд – они ждут, каждый на своем месте, чтобы приветствовать новую реальность, новый мир. Не дать возникнуть панике, помочь людям начать новую жизнь.

Мысленно Адриан еще раз прокрутил все стадии Слияния. Первый шаг – это объединение точки присутствия его самого, творца, и точки настоящей реальности. Как только он усилием своего дара объединит эти две точки, начнется цепная реакция. Созданная им реальность, пульсирующая в более древнем и могущественном ритме, начнет поглощать, перестраивать другую.... Конечно, это будет своего рода катастрофа... но в этом горниле сгинет многое, освободив дорогу чему-то новому. Мир должен меняться. Как там говорилось в старой песне:

Весь мир насилья мы разрушим

До основания, а затем...

Минуточку... Насилия или насилием? Черт, что за бред лезет в голову!

Он встал и вышел из лифта в зал. Там были лишь Мавсол и еще несколько упырей. Увидев Хозяина, упыри в ужасе слились со стеной, постаравшись просочиться как можно дальше от этого места. Один Мавсол не посмел сбежать. Он видел, что Адриан изменился, что сейчас в нем гораздо меньше человеческого, чем было еще пару часов назад. Хозяин Замка вышел на середину зала. Каменные стены смыкались над головой и там, наверху, шпиль замка утыкался в серую мглу неба. Стрельчатые окна на три стороны, за спиной Хозяина – жерло камина, в котором не горят сегодня дрова. Посреди зала стоит водруженный на каменные блоки стол – каменная столешница. На нем лежит рыжеволосая девушка. С ужасом смотрит она на бледного человека в черном длиннополом плаще, который окинул ее равнодушным взглядом, встал посреди зала и закрыл глаза. Адриан ждал. Внутри него тикали часы. Звезды движутся медленно, но неотвратимо. Его дар, его талант, усиленный многолетними тренировками и многими собранными знаниями, усиливают пульсацию этого мира, мира, созданного волей Адриана. Алисе казалось, что она слышит набат, в голове стучало, из носа тонкой струйкой потекла кровь.

Она дергалась, пытаясь высвободиться из надежных пут, выбраться, оказаться как можно дальше от этого страшного человека. Даже самый воздух в помещении пульсировал, очертания стен размывались на глазах, и Алиса увидела вдруг за окном голубое небо и лохматое белое облачко, которое нахально пробиравлось куда-то... Зал начал наполняться предметами... Поморгав глазами, Алиса разглядела застекленные витрины и макет вулкана в углу. Да это же помещение музея, тот самый музей в высотке МГУ, куда они ходили с Пашкой! Вывернув шею, Алиса смогла увидеть дверь, возле которой статуями застыли тетки-служительницы.

- Освободите меня! – прохрипела девушка. Хоть бы они взглянули на нее, хоть бы увидели, думала она. И они взглянули. И в глазах этих женщин Алиса прочла торжество и восторг. Они совсем не походили теперь на музейных старушек-смотрительниц. Черты их лиц заострились, костлявые плечи закутаны были плащами, а не вязаными кофтами. Они тоже изменились, и хищная суть неотвратимо проступила во внешнем облике. С улицы донесся леденящий душу крик.

Сергей Михайлович, осторожно поднимавшийся по лестнице, бросился к окну. За окном Замка была Москва. Бежали машины по

Мичуринскому и Ломоносовскому проспектам, впрочем, что-то там уже случилось, на одной из полос формировалась пробка, и несся разноголосый гул клаксонов. Внизу металась люди. Они бежали прочь от Главного здания, которое вдруг дрогнуло, словно при землетрясении. Обрушились пирамидки на периметре крыши. Нет, они не просто обрушились, но в помутневшем воздухе некоторые видели, как смазались очертания каменных украшений, повисла в воздухе пыль, и в следующий миг замелькали кожистые крылья то ли гарпий, то ли чудовищных нетопырей. Мирно дремавшие на территории парка гранитные шары треснули, явив вылупившихся чудовищ. В воздухе стоял гул, словно где-то били огромные колокола, и этот ритм заставлял неровно биться сердца людей. Гипертоники и сердечники судорожно хватались за лекарства, у многих шла носом кровь. Кто-то упал на аллее, забившись в судорогах. Его накрыла сверху серая тень – и вот уже тело человека скрыто под несколькими голодными тварями, и чудовищные звуки рвущейся плоти заставляют очевидцев как можно быстрее уносить ноги.

Что-то мелькнуло перед окном, и Микчурин увидел дракона, который набирал высоту.

Джек пролетел мимо башни, развернулся, ударом хвоста высадил стекла вместе с рамами. Осколки посыпались в комнату. Адриан открыл глаза. Процесс Слияния начался и у него есть несколько минут, чтобы заняться драконом.

- Алиса! – через подоконник перебрался Лешка, подскочил к сестре и, выхватив кинжал, принялся пилить веревки на ее руках.

- Дракон! – Адриан протянул руку и Джек, едва успевший расширить себе проход, высадив несколько рядов кирпичей, замер, вцепившись когтями в край стены.

- Дракон, по твоему обычаю я приношу тебе жертву, - Адриан махнул рукой в сторону девушки на алтаре. – Взамен мне нужна твоя служба и защита.

Джек моргнул золотистыми глазами, нагнул голову и уставился на Хозяина Замка. Сила этого человека сковывала его, и он понимал, что его собственных сил хватит только на неподчинение. Но вот на большее...

- Ты опоздал, Адриан, - прозвучал голос мальчика.

Хозяин моргнул и с удивлением перевел взгляд на Лешку. Тот выпрямился, прикрыв собой сестру, которая торопливо освобождала ноги. - Мне не нужна твоя жертва.

Голос подростка звучал тягуче, с совершенно чужими ему интонациями. Адриан всмотрелся в лицо мальчика и заметил, что глаза его отливают золотистым оттенком.

- Кто говорит со мной? – крикнул Хозяин Замка.

- Дракон говорит устами своего Змееносца. Ты ошибся, человек: не чужую жизнь и кровь нужно обменять на защиту Дракона, но свою собственную.

- Жаль, - Адриан махнул рукой и стекла, в беспорядке валявшиеся на полу, поднялись в воздух, нацелившись на мальчика и дракона. – Но я справлюсь и без тебя. И уж тем более без мальчишки.

Дракон раскрыл пасть и высокий звук, вырвавшийся из его горла, обратил стеклянные лезвия в пыль.

Адриан нахмурился, сжал кулаки. Не ко времени это осложнение, он не может отвлекаться сейчас, но этих двоих нужно нейтрализовать... Мысленно он потянулся к сердцу упрямой чешуйчатой твари...

В дверях появился невысокий седой человек, в его руке темнел пистолет, направленный на Адриана. Лишь на секунду Сергей Михайлович замешкался, жадно разглядывая Адриана; он сразу понял, что этот высокий человек в черном френче, с бледным лицом и глубоко-посаженными глазами и есть таинственный и могущественный Хозяин Замка. Потом взгляд ученого метнулся к дракону (Господи, самый настоящий дракон!) и мальчику, к сползающей с каменного жертвенника Алисе.... Секундное промедление, но оно едва не стоило ему жизни. Гарпии, истошно вопя, бросились на человека, который осмелился угрожать их Хозяину оружием. Они вцепились в него костлявыми руками, и Микчурин почувствовал, как их когти рвут одежду и впиваются в тело. Он замахал руками и выронил пистолет. Адриан усмехнулся, проследив взглядом за смертоносной игрушкой, которая отлетела к двери. Кто-то поднял ее, и в следующую секунду прогремел выстрел. Не веря своим глазам, Хозяин Замка смотрел на стоящую в дверях девушку и чувствовал, как ломаются тщательно выстроенные связи, стихает ритм Слияния, рушатся его мечты. Адриан прижал руки к груди. Столько лет он наращивал силу и мощь своего разума, плел заговоры, ускользал от врагов. И вот – одна пуля, пущенная меткой рукой, разорвала его сердце. Хозяин Замка нашел взглядом Лешку, качнулся к нему.

- Мир рухнет, - прохрипел он.- У человечества теперь нет будущего.

Тело Адриана тяжело ударилось об пол и, словно весило оно много тонн, дрогнули стены Замка.

И все словно очнулись, ожили и задвигались. Дракон ввалился в комнату, взмахнул крыльями, и гарпии умчались прочь, стена и волоча плащи как сломанные крылья.

Микчурун вытер кровь с лица, осторожно обошел труп и поспешил к Алисе:

- Вы целы?

- Да, - она с испугом смотрела то на дракона, то на Леру, которая опустилась на пол, но сосредоточенно продолжала целиться в тело Адриана, не в силах поверить, что ее мучитель мертв. Сергей Михайлович обнял девушку за плечи и двинулся к выходу.

- Лешка, идем, - Алиса схватила брата за руку. Лешка молча смотрел в лицо сестры.

Здание дрогнуло. На дальней стене проступили очертания камина и неровной каменной кладки. По стене змеилась трещина.

- Черт, что происходит? – Микчурун отступал к двери, таща за собой упирающуюся Алису и с опаской поглядывая на дракона. Тот медленно поводил головой из стороны в сторону, словно прислушиваясь к чему-то.

- Замок рушится, - сказал Лешка, - потому что Адриан погиб.

- Лешка, идем, здесь сейчас все рухнет!

Новая судорога сотрясла здание, левое окно обрело стрельчатость, и за ним разливался серый сумрак.

- Я не могу, - Мальчик сделал шаг назад. – Если я убегу, Замок погибнет.

- И черт с ним! – крикнул профессор.- Иди сюда, надо выбираться!

- Нет! Я смогу удержать его... Джек мне поможет. Если я убегу, они все погибнут – и Пашка, и Тимофей, и остальные.

- Лешка, ты что? – Алиса протягивала руки к брату, но тот отступил, сжал рукой рог склонившего голову дракона и легко вскочил ему на спину:

- Возвращайся домой! – крикнул он сестре.- А я...я Змееносец и во мне течет кровь дракона. Я должен спасти Замок, должен понять, правду ли говорил Адриан про опасность, угрожающую нашему миру... но я вернусь, Алиска!

Микчурун крепко держал бьющуюся в его руках Алису, отступая к выходу из музея, а видение Замка таяло и таяло, и вскоре не осталось ничего: лишь пролом в стене музея землеведения на 23 этаже Главного здания МГУ, крики с улицы, где метались не сумевшие вернуться в Замок твари. Осталось отчаяние и слезы, потому что брата Алиса не вернула... и Павла потеряла. И слабая надежда, что где-то по-прежнему стоит Замок серого камня, окруженный мутно-серой рекой.